

Н. СТРАХОВЪ.

N. Strakhow
"

О ВѢЧНЫХЪ ИСТИНАХЪ

(МОЙ СПОРЪ О СПИРИТИЗМѢ).

Philosophari nihil aliud est
quam Deum amare.

17082

ИЗДАНО
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ ТИПОГРАФІИ
БРАТ. ПАНТЕЛЕСОВЫХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Брат. Пантелесовыхъ. Казанская ул., д. № 33.

1887.

BF1268

R858

~~STANFORD~~
~~LIBRARY~~

EDUC.
PSYCH.
LIBRARY

Того же автора.

Объ основныхъ понятіяхъ психологін и фізіологін. Спб. 1886.

Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Спб. 1885.

Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. (Герценъ. — Милль. — Парижская коммуна. — Рекавъ. — Штраусъ). Спб. 1882.

Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. (Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова. — Фейербахъ. — Дарвинъ. — Целлеръ. — Спиритизмъ. — Ингилиямъ). Спб. 1883.

Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Спб. 1872.

О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. 1865.

Бѣдность нашей литературы. Историческій и критическій очеркъ. Спб. 1868.

TO THE
EDUCATION LIBRARY

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	страниц.
Вступленіе	V—XXXVIII
1.	V
2. Полемика	VI
3. Поворотъ въ душевной жизни	XI
4. Переломъ въ развитіи древняго міра	XIII
5. Сократъ о естественныхъ наукахъ	XV
6. Спиритизмъ какъ явленіе поворота.	XXII
7. Вражда противъ рационализма	XXIX
8. Внутренній выходъ	XXXIV
I. Три письма о спиритизмѣ	1— 36
Письмо 1. Идолы	1
Письмо 2. За непосвященныхъ	13
Письмо 3. Границы возможнаго	23
II. Еще о спиритизмѣ	37— 58
III. Умствованіе и опытъ (А. М. Бутлерова)	59— 60
IV. Физическая теорія спиритизма	61— 81
1. Обманъ обобщенія	66
2. Источники двухъ главныхъ законовъ	69
3. Гипотеза превращеній	74
4. Различіе двухъ законовъ	76
5. Исканіе духовнаго въ мірѣ	79
V. Медіумизмъ и умозрѣніе безъ опыта. Отвѣтъ г. Страхову (А. М. Бутлерова)	82— 93

	стр.
VI. Закономерность стихий и понятий. Открытое письмо къ А. М.	
Бутлерову	94—126
1. Ходъ спора и его общая почва	95
2. Возможность и надобность истины	99
3. Нѣтъ вещества безъ силы	103
4. Пропорція вещества и силы	105
5. Сущность и мѣра вещества	107
6. Отрипаніе понятий физики	112
7. Субъективныя сужденія	115
8. Мысленные опыты	117
9. Область невѣдѣнія	121
10. Однообразіе міра	123
11. Духъ и физическая сила	125
Заключеніе	129

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Смерть А. М. Бутлерова *) была и для меня большим ударомъ. Трудно привыкнуть къ смерти, хотя этотъ урокъ дается намъ ежедневно, притомъ урокъ самый важный и самый ясный. Мы долго даже не замѣчаемъ его, потому что, обыкновенно, такъ погружены въ себя, что міръ кажется намъ совершенно прочнымъ и цѣлымъ, пока мы сами цѣлы. Есть однако предметы, съ которыми нашъ умъ и сердце, какъ-будто отказываясь отъ своего эгоизма, вступаютъ въ нѣкоторое соединеніе, въ постоянную связь. Такіе предметы постепенно образуютъ вокругъ насъ цѣлую панораму, нашъ собственный міръ, съ которымъ мы не разлучаемся, въ которомъ живемъ. И вотъ, когда вдругъ исчезаетъ одинъ изъ такихъ предметовъ, мы неотразимо чувствуемъ зыбкость міра и свою собственную; когда предъ нашими глазами вдругъ рушится и пропадаетъ какой-нибудь уголокъ нашей панорамы, то мы начинаемъ наконецъ понимать, что и вся она, и самый ея зритель, могутъ точно также обратиться въ туманъ и пустоту.

*) 5-го августа 1886 г.

Не ясно ли, чему это учить? Не слѣдуетъ ли намъ для самаго глубокаго нашего вниманія выбрать то, что *точно*, и всѣми силами устремлять къ нему наши мысли и чувства? Тогда панорама, среди которой мы будемъ находиться, будетъ сиять неизмѣнно, не померкая, и прекращеніе даже нашего собственнаго временнаго существованія не будетъ намъ казаться ущербомъ того міра, въ которомъ совершается наша истинная жизнь.

А. М. Бутлеровъ былъ свѣтлою звѣздою въ моей панорамѣ. Лично я его мало зналъ; немногія встрѣчи и разговоры дали мнѣ только почувствовать ту прелесть его благородной натуры, по которой онъ всегда и вездѣ былъ окруженъ любовью и уваженіемъ. Но главное мое вниманіе было устремлено на другую его сторону. Въ 1875 году, въ Петербургскомъ университетѣ вдругъ обнаружались ревностные приверженцы спиритизма. На меня это сдѣлало большое впечатлѣніе. То, что было знакомо издали и по слуху, вдругъ явилось прямо передъ глазами; притомъ, явленіе, на мои глаза, было дикое, грубо противорѣчащее моимъ, конечно, наивнымъ, расчетамъ на логическій ходъ вещей и надеждамъ на вѣрность извѣстныхъ началъ. Эту загадку мнѣ захотѣлось основательно распутать, и, можно сказать, я даже радовался, что она предстала мнѣ въ такой опредѣленной формѣ и въ опредѣленныхъ лицахъ. Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ изслѣдованіе заблужденій, ибо оно ведетъ къ познанію самой глубокой стороны человѣческаго существа. Если человѣкъ противорѣчитъ логикѣ, дѣйствуетъ вопреки ясной несомнѣнности, то его вынуждаетъ къ этому, очевидно, какая-нибудь важная,

непобѣдимая потребность. Предразсудки и заблужденія, это—какое-то творчество, постоянно живое въ душѣ человѣка, имѣющее корни въ самомъ ея существѣ. Наука обыкновенно тщеславится тѣмъ, что она разрушаетъ заблужденія и предразсудки; но, если она только этимъ разрушеніемъ и ограничиваетъ свою дѣятельность, то ей можно сдѣлать справедливый упрекъ, что она пуста и безжизненна, что насытиться ею невозможно. Такимъ образомъ, тутъ возникаютъ вопросы и о цѣляхъ и дѣйствіяхъ науки, и о душевной жизни, взятой въ ея цѣлости. Спиритизмъ наводилъ меня на мысли, касающіяся важнѣйшихъ въ мірѣ задачъ, и мнѣ представлялась возможность говорить объ этихъ задачахъ, опираясь на примѣръ чрезвычайно рѣзкій и совершающійся у всѣхъ на глазахъ.

II.

Полемика.

Могутъ осудить меня за то, что я, вмѣсто общихъ разсужденій, пустился въ полемику, что не сталъ прямо высказывать свои положенія, а сталъ опровергать чужія мнѣнія и заявленія. Но что такое полемика? Полемика, споръ, есть прежде всего разговоръ, діалектика. Въ настоящемъ спорѣ, какъ и въ настоящемъ разговорѣ, люди говорятъ не для себя и не для постороннихъ слушателей, а другъ для друга, слѣдовательно стараются понимать другъ друга, отыскиваютъ для себя нѣкоторый общій интересъ, общую почву и опору для своихъ разсужденій. Въ полемикѣ все и сводится къ совершенно

точному опредѣленію этой общей опоры; всѣ силы провинниковъ устремлены на это опредѣленіе, потому что тотъ изъ нихъ и побѣждаетъ, кто окажется вѣрнѣе этой опорѣ.

И такъ, если нужно выяснитъ какое-нибудь положеніе, то очень удобно дѣлать это посредствомъ полемики. Притомъ, вообще, смыслъ и сила извѣстныхъ началъ обнаруживается и повѣряется, когда они приложены къ опредѣленному примѣру. Паскаль очень хорошо замѣтилъ, что мы, обыкновенно, для доказательства общей истины приводимъ частный случай, а для доказательства частнаго положенія, наоборотъ, ссылаемся на общую истину. Но это не какой-нибудь недостатокъ нашихъ разсужденій, какъ онъ думалъ, а самый правильный ихъ ходъ. При полной ясности мысли, общее и частное должны совершенно отчетливо и совершенно неразрывно быть обнимаемы нашею мыслию. Это правило нужно особенно твердо соблюдать, если желаемъ избѣжать той шаткости понятій, которая такъ легко является при очень отвлеченныхъ и широкихъ вопросахъ.

Но вовсе не легко выбрать частный примѣръ, даже когда мы разсматриваемъ внѣшнія явленія, а еще труднѣе, когда дѣло идетъ о явленіяхъ умственнаго міра, о мнѣніяхъ, убѣжденіяхъ, ученіяхъ. Есть люди, которые никогда не достигаютъ опредѣленности въ своихъ мысляхъ и не знаютъ, что такое эта опредѣленность. Есть люди, не только туманные и шаткіе въ своихъ мысляхъ, но и любящіе эту туманность и шаткость и охотно въ нихъ вдающіеся. Есть книги, писанныя такъ, что все въ нихъ ни ложно, ни истинно, и нужно долго трудиться,

чтобы распутать эту неправильную твань изъ бѣлыхъ нитоеъ истины и черныхъ нитоеъ заблужденія. Поэтому, определенное, отчетливое заблужденіе гораздо больше можетъ послужить дѣлу, чѣмъ всякая путаница, какъ то прекрасно выразилъ Баконъ: *citius veritas emergit ex errore, quam ex confusione.*

Когда разнесся слухъ о появленіи спиритизма въ Петербургскомъ университетѣ, то первое мое чувство было огорченіе; мнѣ грустно было думать, что въ эту *цитадель науки* закрался и укрѣпился въ ней явный врагъ научныхъ началъ. Но, когда мнѣ пришла мысль начать полемику, то я радовался тому и утѣшалъ себя тѣмъ, что врагъ является въ видѣ людей истинно ученыхъ, которые дадутъ этому заблужденію строго логическую, отчетливую форму, выведутъ его изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оно существуетъ и распространяется. До сихъ поръ, думалъ я, эти безчисленные спиритическіе опыты, рассказы и писанія, очевидно, плодятся только для забавы, и люди тутъ бьются лишь изъ-за того, чтобы надѣлать побольше путаницы, такъ какъ въ путаницѣ и состоитъ вся забава. Теперь же, наши ученые пойдутъ прямо противоположнымъ путемъ; они должны будутъ строго установить понятія и точно выразить тѣ принципы, которые признаютъ. И тогда возможна будетъ правильная борьба. Мнѣ и въ то время отчасти извѣстны были писанія иностранныхъ *ученыхъ спиритовъ*, но я мало находилъ въ нихъ того, что мнѣ было нужно, и отъ своихъ, отъ таковаго свѣтила, какъ Бутлеровъ, имѣлъ право ожидать большаго. Первая его статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ привела меня въ восхищеніе совершенно-науч-

ною точностію мысли и языка. Мнѣ представлялось, что, если я съ своей стороны поставлю вопросъ съ безукоризненной ясностію и твердостію, то получу и отвѣтъ такого же рода, такъ-что у насъ начнется настоящее изслѣдованіе предмета. Такимъ образомъ, можно сказать, что меня постоянно располагалъ къ полемикѣ преимущественно высокій научный умъ Бутлерова и его высокій нравственный характеръ. Мнѣ воображался цѣлый рядъ возраженій и отвѣтовъ. Хорошо ли я взялся за дѣло и хорошо ли велъ его, пусть судятъ читатели; но, если бы смерть не вмѣшалась въ нашъ споръ, мое намѣреніе было продолжать его, не смотря на напряженіе, которое мнѣ приходилось для этого дѣлать. Не только нужно было быть безусловно-научнымъ и добросовѣстнымъ, но и соблюдать постепенность, правильное развитіе мысли, двигаться впередъ, не отбиваясь отъ главной нити и цѣли спора. Притомъ, нужно было бы не медлить отвѣтами—условіе самое для меня трудное; я его не выполнялъ, и оттого споръ затянулся.

Могу сказать, что отчасти я однако вознагражденъ за свои усилія; мнѣ удалось, какъ мнѣ думается, точно формулировать нѣкоторыя понятія и положенія, относящіяся къ вопросу, почему я и предлагаю читателямъ эту книгу. Если найдутся читатели, которые признаютъ, что въ ней по меньшей мѣрѣ *вопросъ вполне поставленъ*, то уже одно это утѣшитъ меня въ неудовольствіи тѣхъ, кто вѣчно торопится лишь къ однимъ результатамъ.

III.

Поворотъ въ душевной жизни.

Мнѣ хотѣлось бы здѣсь еще прибавить нѣкоторые разъясненія общаго смысла спора, такъ чтобы читатель могъ составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о моемъ полномъ взглядѣ на дѣло.

Спиритизмъ, какъ и всякое частное явленіе, обнаруживаетъ въ себѣ извѣстные общіе силы и законы; и то, что обнаруживается въ спиритизмѣ, по моему мнѣнію, находится въ связи съ глубочайшею, коренною чертою душевной жизни человѣка.

Извѣстно ученіе Шопенгауэра о томъ, что воля въ человѣкѣ можетъ имѣть двойное направленіе, что бываетъ *воля утверждающая жизнь* и *воля отрицающая жизнь*, и что существенный поворотъ, который можетъ совершиться въ человѣкѣ, есть именно поворотъ отъ этого утвержденія жизни къ ея отрицанію. Шопенгауэръ, конечно, заимствовалъ основанія такого взгляда изъ стародавнихъ ученій главнѣйшихъ религій человѣчества. Въ религіозной области искони извѣстны факты и понятія: покаянія, обращенія къ Богу, возрожденія, перехода изъ ветхаго въ новаго человѣка.

Если мы станемъ вникать въ сущность этого поворота, отыскивать въ разнообразныхъ его проявленіяхъ основную ихъ черту, то мы можемъ, мнѣ кажется, составить для него понятіе болѣе широкое, которое свяжетъ и прояснитъ намъ многіе факты, казавшіеся отрывочными и темными. И въ душевной исторіи каж-

даго человѣка, и во внутренней исторіи всего человѣчества, должно, въ различныхъ видахъ и различныхъ степеняхъ энергіи, обнаруживаться это существенное душевное движеніе и должно отражаться на всѣхъ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Если мы возьмемъ его за исходную точку, то намъ представляется цѣлые ряды различныхъ и важныхъ изслѣдованій.

Величайшій переворотъ во всемирной исторіи, основаніе и распространеніе христіанства, конечно есть самое огромное явленіе того поворота, о которомъ мы говоримъ. Это было утвержденіе и развитіе *царства не отъ міра сею*. Смыслъ всей нашей жизни измѣнился; земля перестала быть отечествомъ людей, а сдѣлалась мѣстомъ ихъ странствія; отреченіе отъ міра проходило черезъ всяческія свои формы, и весь нашъ взглядъ на человѣческія достоинства навсегда получилъ другое направленіе.

Въ христіанскомъ мірѣ всѣмъ теперь хорошо знакомы примѣры отдѣльныхъ лицъ, которыя или постепенно, или часто очень круто, измѣняютъ настроеніе своей жизни, и мы знаемъ смыслъ этой перемѣны. Съ опытомъ, съ годами, иногда близко къ самой дряхлости, человѣкъ обыкновенно чувствуетъ въ себѣ пробужденіе религіозныхъ потребностей, начинаетъ понимать значеніе и важность ученій религіи. Эта перемѣна стала общимъ мѣстомъ въ нашихъ разговорахъ и разсужденіяхъ, и чаще всего толкуется не въ пользу религіи. Поздно наступающая религіозность считается признакомъ упадка нравственныхъ и умственныхъ силъ.

Но развѣ таковъ жестокій ходъ вещей, что, вообще, люди молодые и полные жизни имѣютъ право ставить

себя выше людей уже перешедшихъ высшую точку зрѣлости и идущихъ навстрѣчу смерти? Напротивъ, послѣднимъ должно такъ или иначе открываться то, чего еще не знаютъ первые. Естественно, что человѣкъ сперва *живетъ*, а потомъ *понимаетъ* свою жизнь; на эти два періода, съ большею или меньшею рѣзкостью, распадается полное человѣческое развитіе. Сперва идетъ безсознательное дѣйствіе и проявленіе, потомъ сознаніе, болѣе и болѣе ясное. Этотъ ходъ нашей судьбы необходимъ; съ годами мы становимся, или по крайней мѣрѣ должны становиться, существами болѣе духовными, чѣмъ были. Съ вѣмъ этого не дѣлается, кто еще не развивается въ этомъ смыслѣ, отъ того еще закрыты глубочайшія тайны міра и жизни. Если во многихъ случаяхъ можно сказать о людяхъ, что въ первую половину своей жизни они грѣшатъ, а во вторую каются въ своихъ грѣхахъ, то и тутъ, раскаяніе часто можетъ принести плоды, которыхъ не всегда достигаютъ безгрѣшные люди.

IV.

Переломъ въ развитіи древняго міра.

Извѣстно, что существуетъ аналогія между развитіемъ отдѣльнаго человѣка и развитіемъ народовъ, государствъ, всякихъ мелкихъ и крупныхъ отдѣловъ человѣчества, а также всякихъ особыхъ формъ, въ которыя слагается человѣческая жизнь. Такимъ образомъ, въ исторіи мы можемъ искать повторенія въ большихъ размѣрахъ того поворота,

который считаемъ существеннымъ въ душевной жизни каждаго человѣка. Въ человѣчествѣ сознаніе также возрастаетъ лишь постепенно, въ длинномъ ряду вѣковъ и поколѣній. Это возрастаніе можно считать главнымъ прогрессомъ исторіи, тѣмъ движеніемъ, которое ведетъ человѣчество къ его высшей цѣли. И если, по самому ходу развитія сознанія, въ немъ долженъ происходить болѣе или менѣе ясный переломъ, перемѣна направленія, то мы и найдемъ въ исторіи указанія на подобныя перемѣны.

Одинъ изъ такихъ большихъ переломовъ намъ особенно ясенъ. Давно всѣми признано, что въ умственной и нравственной жизни древняго міра, за долго до христіанства, совершился поворотъ, постепенно подготовлявшій этотъ міръ къ новой религіи. Онъ совершился въ жизни Грековъ, гениальнѣйшаго изъ народовъ земли, и начался съ удивительнаго человѣка, Сократа, всю долгую жизнь поглощеннаго одною мыслью и подвергнутаго смерти за эту мысль. Смыслъ переворота всего яснѣе изъ того, какъ онъ раскрылся въ своихъ слѣдствіяхъ. Всѣ стороны греческаго генія постепенно отступили на задній планъ передъ одною господствующею идеею. Политическая жизнь быстро отцвѣла; искусство и наука, имѣвшія такіе глубокіе корни въ греческомъ духѣ, пышно распустились, но почему-то были слабо связаны съ общею умственною и нравственною жизнью и ничѣмъ не были защищены отъ упадка. Мысли древняго міра были устремлены въ другую сторону, и центральною точкою всѣхъ разсужденій, признаваемыхъ безусловно важными, былъ одинъ вопросъ: *какъ долженъ вести себя мудрый?* Это и было подготовкою къ

христіанству, которое указало наконецъ норму человѣческой жизни.

Намъ здѣсь слѣдуетъ остановиться главнымъ образомъ на одной сторонѣ дѣла, на томъ, какое дѣйствіе этотъ переворотъ произвелъ и производитъ въ области познанія. Извѣстна многозначительная надпись на дельфійскомъ храмѣ: *познай самого себя*; извѣстно изреченіе, по которому Сократъ „низвелъ философію съ неба“, то есть, вмѣсто изслѣдованія міра и небесныхъ свѣтилъ указалъ для ума главныя задачи въ самомъ человѣкѣ. Съ того времени, мысль древнихъ уже до конца видѣла здѣсь главную дорогу познанія. Поворотъ былъ такой рѣшительный и ясный, что Ланге, въ своей *Истории материализма* выразилъ его въ такой рѣзкой формѣ:

„Аристотель создалъ, въ сильной зависимости отъ „Платона, систему, соединяющую, не безъ внутреннихъ „противорѣчій, видимость эмпирии со всѣми тѣми недо- „статками, которыми *сократовско-платоновское мировоз- „зрѣніе въ корнѣ подтачиваетъ эмпирическое изслѣдова- „ніе*“ (т. I, стр. 64).

V.

Сократъ о естественныхъ наукахъ.

Чтобы дать понятіе о томъ, что тутъ случилось съ человѣческимъ умомъ, какая ему открылась новая точка зрѣнія, намъ вѣдется—очень хорошо привести одно мѣсто изъ *Федона*, необыкновенно ясное и, такъ сказать, живописное.

Говорить Сократъ:

„Когда я былъ молодъ, то удивительно какъ жаждалъ той мудрости, которую называютъ естествознаніемъ. Мнѣ казалось великолѣпнымъ дѣломъ—знать причины всѣхъ вещей, отчего каждая изъ нихъ происходитъ, и отчего разрушается, и отчего существуетъ, и часто я метался умомъ туда и сюда, изслѣдуя сперва такіе вопросы: дѣйствительно ли, когда теплое и холодное придуть въ нѣкоторое гніеніе, то тогда, какъ нѣкоторые утверждаютъ, образуются животныя? Точно ли кровь есть то, чѣмъ мы мыслимъ, или же это воздухъ, или огонь, или ни то, ни другое, ни третіе, а напротивъ, головной мозгъ есть то, что порождаетъ ощущенія слуха, зрѣнія и обонянія, изъ этихъ ощущеній происходитъ память и представленіе, а изъ памяти и представленія, когда они установятся, происходитъ таковымъ образомъ знаніе? И потомъ, я сталъ изслѣдовать разрушеніе всѣхъ этихъ вещей и перемѣны на небѣ и на землѣ, и почувствовалъ наконецъ себя до того негоднымъ для такого изслѣдованія, что хуже и быть нельзя. Скажу тебѣ достаточное доказательство. Даже въ отношеніи къ тому, что я, какъ казалось мнѣ и другимъ, до того времени хорошо зналъ, на меня нашла такая слѣпота отъ этого изслѣдованія, что я разучился и этому, что раньше считалъ себѣ извѣстнымъ“.

(Phaedo, p. 96 и слѣд.).

Нѣтъ основанія думать, что этихъ или подобныхъ рѣчей не могъ произносить Сократъ. Мы знаемъ изъ Ксенофонта, что Сократъ не только не признавалъ нужнымъ и важнымъ заниматься изслѣдованіемъ природы, но и

указывалъ на шаткость и противорѣчія въ ученіяхъ физиологовъ.

Какъ бы то ни было, мы тутъ видимъ, что философъ считаетъ неудовлетворительными обыкновенные приемы познанія вещей и *перемѣнъ на небо и на землю*, и, кромѣ того, отвергаетъ матеріализмъ въ психологій и сенсуализмъ въ ученіи о познаніи. Не удивительно ли видѣть, что уже тогда существовали люди, утверждавшіе, что познаніе происходитъ изъ ощущеній, сохраняемыхъ памятью? Не удивительно ли видѣть, что Сократъ и Платонъ такъ ясно понимали эти эмпирическіе пути, до сихъ поръ увлекающіе изслѣдователей, и такъ рѣшительно отъ нихъ отъезались? Очевидно, матеріализмъ и эмпиризмъ должны были отступить на задній планъ передъ нѣкоторыми болѣе высокими и настоятельными требованіями.

За приведеннымъ мѣстомъ въ *Федонѣ* слѣдуетъ небольшой образчикъ превосходной діалектики, въ которомъ показывается невозможность остановиться на обыкновенныхъ приемахъ познанія. Эту діалектику конечно нужно приписать самому Платону. Но потомъ идетъ рѣчь, въ которой такъ и слышится голосъ самого Сократа:

„Услыхалъ я однажды, какъ кто-то читалъ книгу (онъ „сказалъ: Анаксагора) и говорилъ, что умъ есть устроитель и причина всѣхъ вещей, и мнѣ очень понравилась такая причина, и показалось правдоподобнымъ, что умъ все причинаетъ; я подумалъ, что, если это такъ, то значитъ, этотъ устроительный умъ все устраиваетъ и помѣщаетъ каждую вещь туда, гдѣ ей всего лучше; слѣдовательно, если кто желаетъ отыскать причину ка-

„кой-нибудь вещи, какъ она рождается, или разрушается,
„или существуетъ, тотъ долженъ отыскать въ ней именно
„то, какъ для нея всего лучше и существовать, и стра-
„дать отъ чего-нибудь, и что-нибудь производить. Изъ
„этого разсужденія, такимъ образомъ, выходило, что чело-
„вѣку и относительно себя самого, и относительно всего
„другаго, нужно изслѣдовать только то, что всего лучше
„и превосходнѣе; необходимо же приэтомъ онъ узнаетъ
„и наихудшее, потому что познаніе того и другаго одно
„и то же. Дѣлая такія разсужденія, я радовался, что
„нашелъ себѣ по сердцу учителя о причинѣ вещей,
„именно Анаксагора, — что онъ мнѣ скажетъ сперва,
„какова земля, плоская, или круглая, а потомъ долженъ
„будеть объяснить мнѣ причину этого и необходимость,
„указавъ на наилучшее и на то, почему ей всего лучше
„быть именно такою; и если скажетъ, что она находит-
„ся въ серединѣ, то потомъ долженъ будетъ объяснить,
„почему для нея всего лучше быть въ серединѣ; если же
„это мнѣ будетъ показано, то я рѣшилъ, что мнѣ уже
„не нужно будетъ искать причины другаго рода. Такъ
„точно, я рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ и о солнцѣ, и о
„лунѣ, и обо всѣхъ свѣтилахъ, объ ихъ приближеніяхъ
„другъ къ другу и объ ихъ обращеніяхъ и всякихъ пере-
„мѣнахъ, тоже спрашивать, почему же для каждаго изъ
„нихъ всего лучше то дѣлать и тому подлежать, что
„съ нимъ бываетъ. Ибо я не думалъ, чтобы онъ, утвер-
„ждая, что все это устроено умомъ, сталъ когда-нибудь
„приводить для всего этого какую-нибудь другую при-
„чину, кромѣ той, что всему этому всего лучше быть
„такъ, какъ оно есть. Такъ какъ онъ приводитъ при-

„чину для каждой отдѣльной вещи и общую причину
„для всѣхъ, то я думалъ, что онъ долженъ указать,
„что всего лучше для каждой вещи и въ чемъ общее
„благо для всѣхъ вещей. Этихъ надеждъ я не отълады-
„валъ надолго, а съ большимъ усердіемъ, доставши
„книги, сталъ читать ихъ какъ могъ скорѣе, чтобы ско-
„рѣе узнать, что же такое наилучшее и наихудшее“.

„И вотъ, другъ мой, отъ чудесной надежды уходилъ
„я все дальше и дальше, чѣмъ больше подвигался впе-
„редь; читаю и вижу человѣка, который не дѣлаетъ
„никакого употребленія изъ ума и не приписываетъ ему
„никакихъ причинъ въ устроеніи вещей, а дѣлаетъ при-
„чинами воздухъ, и эфиръ, и воду, и другія многія и
„неразумныя вещи“.

Вотъ ясно поставленная противоположность между двумя міровоззрѣніями, механическимъ и телеологическимъ. Сократъ говоритъ, что онъ вполне удовлетворился бы только объясненіемъ вещей изъ ихъ назначенія, изъ конечныхъ цѣлей. И тутъ превосходно указать самый глубокой смыслъ телеологіи; онъ заключается въ познаніи *наилучшаго и наихудшаго*, истиннаго блага и истиннаго зла. Безъ рѣшенія этого вопроса, конечно, всѣ наши познанія не могутъ имѣть никакой цѣны. Изъ чего бы и какъ бы міръ ни произошелъ, но, если есть истинное благо (къ которому мы, разумѣется, и станемъ стремиться), то для этого блага міръ и произошелъ, и познаніе этого блага есть высшее и необходимѣйшее познаніе. Такимъ образомъ, наша точка зрѣнія на существующее и на его изслѣдованіе совершенно измѣняется. Различіе этихъ двухъ взглядовъ на міръ и не-

избѣжное требованіе новаго взгляда съ удивительной живостію выражено далѣе Сократомъ. Онъ продолжаетъ:

„Мнѣ показалось, что съ нимъ (съ Анаксагоромъ) случилось тоже, какъ если-бы кто говорилъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ по разуму, а потомъ, принявшись объяснять причины каждаго дѣла, которое я дѣлаю, началъ бы говорить, что я сижу здѣсь потому, что тѣло мое состоитъ изъ костей и жилъ, а что кости тверды и раздѣляются однѣ отъ другихъ сочлененіями, но жилы, способныя сокращаться и растягиваться, покрываютъ кости вмѣстѣ съ мясомъ и кожей, которая все это удерживаетъ; и вотъ, эти кости, двигающіяся въ своихъ сочлененіяхъ, и жилы, растягивающіяся и сокращающіяся, дѣлаютъ меня способнымъ сгибать свои члены, и по этой-то причинѣ я, сдѣлавъ таіе сгибы, сижу здѣсь;—или, опять, если-бы кто, относительно нашего разговора, сталъ бы вамъ приводить другія причины таковаго рода, напримѣръ звуки, воздухъ, слухъ, и тысячу другихъ подобныхъ, и опустил-бы сказать объ истинныхъ причинахъ, а именно, что, послѣ того, какъ Аѣніяне сочли за лучшее осудить меня по голосованію, я, вслѣдствіе этого, съ своей стороны, нашелъ лучшимъ сидѣть здѣсь и справедливымъ дожидаться исполненія приговора, постановленнаго ими; ибо, влянусь собакою, я думаю, давно уже эти жилы и эти кости, уносимыя предположеніемъ о наилучшемъ, были-бы гдѣ-нибудь около Мегары, или между Беотійцами, если бы, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, не считалъ я болѣе справедливымъ и хорошимъ подчиниться государству въ приговорѣ, который

„оно постановило. Но называть того рода вещи причинами совершенно нелѣпо. Вотъ, еслибы кто сказалъ, что, не имѣй я такихъ вещей, какъ кости, нервы и всякихъ другихъ, какія у меня есть, то я не былъ-бы способенъ сдѣлать то, что считаю нужнымъ, тотъ сказалъ бы истинную правду; но сказать, что я посредствомъ нихъ дѣлаю то, что дѣлаю, и что такимъ-то способомъ я дѣйствую разумно, а не посредствомъ выбора наилучшаго, это была бы рѣчь безмѣрно и въ великой степени нелѣпая; ибо это значило-бы не умѣть различить, что причина по существу есть одно, а нѣчто другое есть то, безъ чего причина не была бы никогда причиною, и этого-то, представляется мнѣ, многіе ищутъ ощупью, какъ будто въ потемкахъ, и употребляютъ неподходящее имя, называя это причиною“.

(Phaedo, p. 97—99).

Вотъ простое и гениальное различіе двухъ родовъ познанія. Та оцѣнка вещей и дѣйствій, которая получается съ точки зрѣнія разумнаго и справедливаго, хорошаго и наилучшаго, ниважъ не выводится изъ опредѣленія зависимости явленій отъ ихъ условій. Достоинство нашихъ дѣйствій не содержится въ сокращеніи мускуловъ и смыслъ нашихъ словъ въ дрожаніяхъ воздушныхъ частицъ. Намъ нужно, слѣдовательно, учиться различать *причины*, то есть главное и коренное въ существующемъ, отъ *условій*, то есть отъ какихъ-то неизбежныхъ ограниченій, которымъ подчинено проявленіе этого главнаго и кореннаго. И, какъ бы мы ни судили о той формѣ *идеальнаго міра*, которая составила въ умѣ Платона, но понятно, что мы, разъ завидѣвши этотъ

міръ, навсегда устремимъ въ нему главное свое вниманіе, что для насъ понизятся въ своемъ интересѣ изслѣдованія о водѣ и воздухѣ, о нервахъ и мускулахъ, и что мы съ такимъ же негодованіемъ, какъ Сократъ, назовемъ нелѣпостію всѣ разсужденія, доказывающія, что посредствомъ такихъ изслѣдованій возможно достигнуть познанія сущности вещей.

VI.

Спиритизмъ какъ явленіе поворота.

Вопросъ теперь въ томъ, гдѣ положить границу, раздѣляющую обѣ области? Можно сказать въ этомъ отношеніи, что весь трудъ и все движеніе науки и философіи состояли въ отысканіи этой границы, въ постепенномъ отодвиганіи ея въ ту или другую сторону. Много было изслѣдователей, которые вовсе теряли ее изъ виду, погружаясь или въ идею, или въ такъ-называемую реальность. Но, хотя бы мы вовсе не стали признавать этого разграниченія, и тогда намъ необходимо различать два противоположныхъ направленія въ нашей мысли, одно—идущее къ центру, къ сущности вещей, и другое—центробѣжное, успокоивающееся на ихъ окружности. Вообще же нужно признать за ясный и несомнѣнный фактъ, что не всякаго рода познанія удовлетворяютъ человѣка и что онъ иногда круто поворачиваетъ свой взглядъ и жадно ищетъ новой истины.

Къ явленіямъ таковаго исканія, очевидно, нужно причислить и спиритизмъ. У людей чуждыхъ наукамъ, то есть у просто такъ-называемыхъ образованныхъ людей, всѣ

области знанія сливаются въ одно общее поприще, и потому нельзя разобрать умственного поворота, а можно различать только повороты чувствъ и вкусовъ. Но для хода мыслей людей ученыхъ существуютъ опредѣленные мѣрны и направленія, и потому, именно ученые спириты точно обнаружили умственную сторону спиритизма. Чего бы они въ немъ ни искали, но, во первыхъ, уже ясно, что они отрекаются отъ своихъ прежнихъ познаній, отъ тѣхъ наукъ, служеніе которыхъ было главной цѣлью ихъ трудовъ и которыя были для каждаго изъ нихъ самою твердою опорой въ познаніи. Обыкновенно, никакой химикъ не думаетъ, чтобы химическія познанія уступали какому-нибудь другимъ въ твердости, или даже въ важности; такъ точно, и физики, и другіе специалисты убѣждены, что они стоятъ на твердой почвѣ познанія и могутъ со своей точки стоянія простирать заключенія на все остальное. И, въ извѣстномъ смыслѣ, они совершенно правы; такія науки, какъ, напримѣръ, физика и химія, представляютъ такую опредѣленность задачи и строгость пріемовъ, что должны вполне удовлетворять умъ. Это — превосходныя созданія человеческого ума, въ которыхъ мы заранѣе знаемъ, *какого познанія* мы ищемъ, и вполне увѣрены, что его *можно* найти.

И что же? Является физикъ, Цѣльнеръ, который мечтаетъ о созданіи новой физики, имѣющей новыя, еще неизвѣстныя пути, и называемой имъ *трансцендентальною физикою*. Является химикъ, Бутлеровъ, который предлагаетъ отступить отъ главныхъ, руководящихъ началъ физики и химіи. Является зоологъ, Н. П. Ваг-

неръ, который уже прямо отрицаетъ наше научное познание и стремится въ *неземной наукъ*, имѣющей другія цѣли и приемы.

Все это сдѣлалъ спиритизмъ. Ученые, обыкновенно такіе пристрастные въ своей наукъ и такъ тонко понимающіе ея достоинства, вдругъ стали грубо измѣнять ей, увлекаяемые жаждою какихъ-то новыхъ откровеній. Тутъ, очевидно, сказалась потребность, имѣющая огромную силу. Въ сущности, напримѣръ, химіеъ, отвергающій *сохраненіе вещества* (какъ это дѣлалъ А. М. Бутлеровъ) есть одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій умственнаго міра. Обнаружилось такимъ образомъ, что физика и химія, въ своемъ чисто-научномъ видѣ, не только стали для этихъ ученыхъ недостаточны, *скучны*, какъ я однажды выразился, но составляютъ *прямую помѣху* для ихъ новыхъ взглядовъ.

Стремленія спиритизма и его отношенія въ другимъ сферамъ очень прямо высказаны были А. М. Бутлеровымъ; приведемъ здѣсь самую ясную страницу, подчеркивая мѣста, на которыя желаемъ обратить вниманіе.

„Большинство тѣхъ, которые увѣрились въ реальности медулическихъ явленій, нашли въ нихъ неотразимое доказательство существованія въ человѣкѣ самостоятельнаго духовнаго начала: *изъ сомнѣвающихся, или материалистовъ, они сдѣлались спиритуалистами*, людьми, вѣрящими на основаніи фактовъ въ жизнь нематеріальнаго міра, а слѣдовательно и въ продолженіе собственной жизни за предѣлами этого земнаго существованія. Но, вѣра эта, быть-можетъ скажутъ намъ, дается и другимъ путемъ. Мы далеки отъ того, чтобы

„отрицать другой путь. Пусть тотъ, которому доступенъ
 „этомъ послѣдній, идетъ по нему, не свертывая въ сто-
 „роны и вполнѣ имъ довольствуясь. Но *тѣ (имѣ же*
 „*имя легионъ)*, *которымъ, по складу ихъ ума и по со-*
 „*стоянію ихъ міросозерцанія, этотъ другой путь недо-*
 „*ступенъ, для которыхъ ясенъ и убѣдительно лишь го-*
 „*лось однихъ фактовъ,* должны ли они быть оставлены
 „въ ихъ незнаніи и отрицаніи? Должно ли связать
 „имъ: вы не можете питаться тѣмъ, что вамъ предла-
 „гается, а потому и *оставайтесь умирать съ голоду?* А
 „вѣдь такъ именно поступаютъ нѣкоторые. Къ счастью,
 „стремленія эти напрасны: нѣтъ земной силы, которая
 „могла-бы наложить запретъ на *расширеніе области*
 „*человѣческаго знанія*“.

„Насколько нуженъ тутъ *путь знанія,* насколько тя-
 „жело положеніе *ищущихъ и не находящихъ выхода*
 „*изъ своихъ сомнѣній,* свидѣтельствуютъ факты. Со-
 „шлемся на вѣрно и еще недавно сказанное въ „Ре-
 „бусѣ“ объ И. С. Тургеневѣ (1883, № 14, стр. 131);
 „укажемъ и на другаго знаменитаго художника на-
 „шего, гр. Л. Н. Толстаго. Въ его новѣйшихъ произ-
 „веденіяхъ ясно рисуется *тяжкое положеніе чловѣка,*
 „*близкаго къ предѣлу жизни и мучимаго сомнѣніями* *).
 „Тотъ же вопль *безысходно страдающей души* слы-
 „шится и въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго Ренана:
 „ „По убѣжденію, которое принимаетъ Литтре, смерть
 „ — не болѣе какъ отравленіе организма, послѣднее
 „ и наиболѣе покойное изъ всѣхъ отравленій. Что

*) Писано еще въ 1883 г.

„касается меня, то я нахожу ее ужасной, ненавист-
 „ной и бессмысленной въ то время, когда она слѣно
 „посагаетъ своей холодной рукой на добродѣтель и
 „геній. Внутренній голосъ, доступный только душѣ
 „великихъ и добрыхъ, постоянно твердить намъ: „Ис-
 „тина и добро составляютъ конецъ (назначеніе) твоей
 „жизни, этой цѣли жертвой всѣмъ остальнымъ“. Но,
 „когда мы, слѣдуя призыву этой внутренней сирены,
 „общающей намъ наилучшее въ жизни, подошли къ
 „той границѣ, гдѣ должна бы явиться наша награда,
 „тогда, увы! обманчивая утѣшительница оставляетъ
 „насъ. Та философія, которая обѣщала намъ открыть
 „тайну смерти, лепечетъ извиненія, а идеаль, завлек-
 „шій насъ до высотъ, на которыхъ занимается дыха-
 „ніе, исчезаетъ въ ту послѣднюю минуту, когда его
 „ищетъ наше угасающее зрѣніе““. (Discours de réserption,
 p. 51).

„Тысячи другихъ выразятъ то же чувство, — съ мень-
 „шимъ краснорѣчіемъ, конечно; но это не помѣшаетъ
 „имъ *чувствовать и страдать*, быть можетъ, еще съ
 „большою силою“.

„Итакъ, правы или неправы тѣ, которые *путемъ*
 „знанія достигли выхода изъ тяжкаго положенія, но
 „самый фактъ такого избавленія многихъ отъ ихъ со-
 „мнѣній тѣмъ не менѣе существуетъ. На основаніи много-
 „численныхъ примѣровъ, можно смѣло утверждать, что и
 „тысячамъ другихъ *томящихся* можетъ открыться тотъ
 „же путь“. (Кое-что о медиумизмѣ, стр. 11—13).

Читая все, чтò тутъ говорится о *сомнѣніи, тяжкомъ*
положеніи, томленіи, голодѣ, о вопляхъ безысходно

страдающихъ душъ, нужно постоянно помнить, что все это терпятъ люди, идущіе лишь путемъ знанія, вѣряющіе лишь въ современную науку, и потому самому и не находящіе разрѣшенія своихъ сомнѣній, никакого выхода изъ тяжкаго положенія. Они чувствуютъ, какъ видно, самую настоящую и живую потребность въ этомъ выходѣ. Спиритизмъ и обѣщаетъ имъ выходъ, но притомъ такою, что имъ не нужно будетъ оставлять *пути знанія*. Въ этомъ вся его сила. Обѣщанія спиритизма А. М. Бутлеровъ излагаетъ такъ:

„Положительное знаніе и метафизика все еще рас-
„ходятся далеко и не находятъ почвы для своего еди-
„ненія. Почва эта, мы увѣрены, подготавливается въ по-
„вомъ необозримомъ полѣ знанія, отрывающемся въ
„медіумизмѣ; рано или поздно, наука его воснется,—и
„радикально измѣнятся многія понятія о веществѣ и
„силѣ, откроются новые, немислимые нынѣ горизонты,
„а въ результатъ, кромѣ величайшаго шага въ развитіи
„человѣчества, явится и полная гармонія: не будетъ
„приходиться почти всякому—переживать ломку убѣж-
„деній, отбрасывая приобрѣтенное прежде, замѣняя его
„новымъ, въ сущности далеко менѣе пригоднымъ для
„личнаго счастья; исчезнутъ противоположности между
„знаніемъ дѣтства и знаніемъ зрѣлаго возраста, между
„религіей и наукой.“ (*Тамъ же*, стр. 22, 23).

Вотъ полное значеніе спиритизма. Это не какіе-нибудь скромные *опыты* и *наблюденія*, даже не *новая область* изслѣдованій; нѣтъ, это полный и величайшій переворотъ въ человѣческихъ познаніяхъ, во всемъ развитіи человѣчества, переворотъ, обѣщающій устратить

наконецъ тотъ разладъ въ понятіяхъ и стремленіяхъ, отъ котораго мы такъ мучительно страдаемъ.

Понятно, поэтому, увлеченіе ученыхъ спиритовъ; тутъ говорила та самая потребность, которая побудила Платона перейти отъ дѣйствительнаго міра къ созерцанію міра идей. Но наши ученые вовсе не задумались надъ вопросомъ о познаніи, въ которомъ однако же здѣсь все дѣло; имъ казалось, очевидно, что такого вопроса даже вовсе не существуетъ, что ихъ собственное, естественно-научное познаніе—это и есть полное и единственное познаніе. Поэтому вышло, что Платонъ поднялся въ въ болѣе высокую сферу ума, а ученые спириты, наоборотъ, соевлекли самый міръ идей въ свою низменную сферу, пытались овеществить духовное, поймать его руками или инструментами. Эту жестокую грубость понятій они выдавали за величайшую мудрость и видѣли въ ней свое спасеніе.

Но, благодаря тому, что это были люди ученые, нѣкоторые элементы всего дѣла выступили здѣсь съ удивительною ясностію. Оказалось, что невозможно принять этихъ новыхъ познаній, *не отрицая старыхъ*. А. М. Бутлеровъ всего яснѣе видѣлъ научную сторону вопроса; онъ подошелъ вплоть въ самому его узлу. Любимою мыслью его послѣднихъ лѣтъ было—найти и доказать въ дѣйствительности какое-нибудь нарушеніе того закона о *сохраненіи вещества*, который составляетъ краеугольный камень естествознанія. Физика и химія не поддались, и въ настоящей книгѣ я стараюсь показать, почему онѣ и не могли и никогда не могутъ поддаться подобнымъ попыткамъ.

Обязалось, слѣдовательно, что, наши науки тверже и совершеннѣе, чѣмъ думаютъ спириты, и что, по этому самому, нельзя къ нимъ приступать съ вопросами, которыми онѣ сами не задаются. Если же такъ и если въ насъ не угасаетъ жажда какихъ-то иныхъ понятій, то намъ, очевидно, нужно искать другаго источника для ея утоленія.

VII.

Вражда противъ рационализма.

Неудовлетворенность тѣмъ, что обыкновенно называется познаниемъ, есть чувство очень обыкновенное; не только питаюсь естественно-научными познаниями, но поглощая и всякія другія, мы можемъ оставаться совершенно *голыми*, какъ выразился А. М. Бутлеровъ. Не возможно ли составить общую и точную формулу этого недовольства? Когда я окончилъ свою книгу *Миръ какъ члвое* (1872 г.), въ которой съ увлеченіемъ развивалъ главныя и общія ученія о природѣ, мною овладѣло это чувство неудовлетворенности, и я позволю себѣ привести здѣсь то мѣсто, гдѣ я пытался тогда дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ.

„Если мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ „(то-есть тѣмъ, который изложенъ въ книгѣ), если онъ „въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчить, „то нѣтъ никакого сомнѣнія, что источникъ такого раз- „ногласія заключается не въ умѣ, а въ какихъ-нибудь „другихъ требованіяхъ души человѣческой. Человѣкъ „постоянно почему-то *враждуетъ противъ рационализма*, „и эта вражда упорно ведется всѣми, спиритуалистами

„и материалистами, вѣрующими и скептиками, филосо-
„фами и натуралистами.“

„Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величай-
„шая задача мысли.“

„Такъ-какъ мы назвали міръ *цѣлымъ*, то, примѣ-
„няясь въ этому выраженію, можемъ сказать, что че-
„ловѣкъ постоянно ищетъ *выхода* изъ этого цѣлаго,
„стремится разорвать связи, соединяющія его съ этимъ
„міромъ, порвать свою пуповину.“

„Едва-ли когда это было такъ ясно, какъ въ наше
„печальное время, время очень интересное, но страшно
„тяжелое. Люди мечутся, ища выхода, ищутъ страданія
„и почитаютъ за стыдъ быть довольными этою жизнью,
„какъ она есть. Самые глупые,—спириты, уже пере-
„дѣляли міръ по своему и наслаждаются бесѣдою съ
„*жителями планетъ*. Другіе, политическіе фанатики,
„мечтаютъ о томъ, чтобы передѣлать человѣка, измѣнить
„ходъ *всеобщей исторіи*. Чтобы найти себѣ какой-ни-
„будь выходъ, они разжигаютъ въ себѣ чувство недо-
„вольства современнымъ порядкомъ міра, жизнью, нра-
„вами и свойствами людей, и тогда начинаютъ вѣрить
„въ какое-то *новое* человѣчество, которое будетъ сво-
„бодно отъ коренныхъ свойствъ человеческой природы
„и которое въ сущности—такая же мечта *въ будущемъ*,
„какъ жители планетъ, бесѣдующіе съ спиритами,—*въ*
„*настоящемъ*. Такъ стремятся люди насытить желанія
„своего сердца; одни вздыхаютъ о прошедшемъ и погру-
„жаются въ него, облекая его фантастическими крас-
„сами; другіе мечтаютъ о будущемъ, третьи населяютъ
„планеты и звѣзды. Никто только не думаетъ, что за-

„дача должна быть рѣшена *теперь и здѣсь*, и всякое
„перенесеніе рѣшенія въ другое время и въ другое мѣсто
„есть только обманъ, которымъ мы сами себя тѣшимъ.
„Если же кто это и чувствуетъ, то не умѣетъ ни форму-
„лировать вопроса, ни приняться за его рѣшеніе; совре-
„менное просвѣщеніе не даетъ для этого средствъ. Такъ
„что, въ настоящее время, едва-ли не самый мудрый
„тотъ, кто, питая нѣкоторое довѣріе въ Неизслѣдимому,
„отказывается отъ попытокъ схватить умомъ рововую
„задачу и находить удовлетвореніе въ ея практическомъ
„рѣшеніи, то-есть въ возможномъ исполненіи *дома*.“

„Предметъ, о которомъ я заговорилъ, такъ важенъ,
„что читатель конечно не ждетъ здѣсь болѣе полного
„изложенія. Я хотѣлъ только сдѣлать указаніе на дѣло,
„обратить на него вниманіе. Для ясности, скажу одна-
„ко же здѣсь объ одномъ частномъ вопросѣ.“

„Рѣдко кто хочетъ признать *центральное* положеніе
„человѣка. Натуралисты, матеріалисты, позитивисты—
„едва-ли не самые ярые противники мысли о главенствѣ
„человѣка въ мірѣ и, слѣдовательно, въ этомъ пунетѣ
„силнѣе другихъ враждуютъ противъ раціональнаго
„взгляда на вещи. Источникъ вражды здѣсь довольно яс-
„ный: они полагаютъ центръ въ другомъ мѣстѣ, въ необ-
„ходимыхъ силахъ вещества, въ другихъ мірахъ, въ дру-
„гихъ областяхъ природы,—во всякомъ случаѣ въ чемъ-
„то болѣе глубокомъ, далекомъ, таинственномъ и необъ-
„ятномъ, а не въ столь извѣстной и довольно жалкой
„вещи, какъ человѣкъ. Изъ подобныхъ же побужденій
„отвергается центральность человѣка и исповѣдниками
„другихъ воззрѣній“.

„Между тѣмъ, когда и гдѣ было найдено въ природѣ
 „существо или явленіе болѣе загадочное, болѣе высокое,
 „болѣе таинственное, болѣе сложное, чѣмъ человѣкъ? Не
 „составляютъ-ли явныхъ мечтаній всѣ попытки отыскать
 „въ мірѣ тайныя силы, ирраціональныя явленія,—по-
 „пытки, которыя тянутся черезъ всю исторію человѣ-
 „чества? Солнце со своими огненными дождями и извер-
 „женіями,—которыя когда-то воспѣвалъ Ломоносовъ,—
 „не есть-ли *простѣйшая вещь* въ сравненіи съ тѣмъ,
 „что совершается въ человѣкѣ?“

„Дѣйствительно, міръ вовсе не такъ великолѣпенъ и
 „дивенъ, чтобы человѣкъ не могъ считаться его цен-
 „тромъ. Всѣ открытія, всѣ изслѣдованія только *упро-*
 „*щаютъ* наше понятіе о мірѣ, снимаютъ съ него фантас-
 „тическія краски, а нивагъ не увеличиваютъ того разно-
 „образія и той загадочности, которую мы такъ охотно
 „желали бы перенести съ себя на внѣшніе предметы.
 „Человѣкъ—вотъ величайшая загадка, узелъ міроздаанія.“

„Если мы ищемъ выхода изъ этого міра, то намъ
 „необходимо понимать этотъ міръ, видѣть, такъ сказать,
 „его связи и границы. Вотъ въ какомъ отношеніи я
 „считаю полезною свою книгу. Она не заключаетъ въ
 „себѣ рѣшенія дѣла, но ее можно назвать—какъ на-
 „зывается одна изъ ея статей—точною постановкою
 „вопроса.“

„Если бы я сказалъ: *міръ таковъ, какъ онъ описанъ*
 „*въ этой книгѣ*, то, я увѣренъ, самый ярый вольно-
 „думецъ, самый отчаянный материалистъ,—люди все рѣ-
 „шившіе и ни передъ чѣмъ не задумывающіеся—почув-
 „ствовали бы нѣкоторое недоумѣніе. Такъ мы боимся

„знанія, такъ въ каждомъ человѣкѣ говоритъ незаглу-
„шимая потребность чего-то таинственнаго. Матеріа-
„листъ, разрѣшившій все въ атомы, созерцаетъ эти
„атомы съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ (не даромъ Бюх-
„неръ какъ-то назвалъ атомы *божествами*), и вы оскор-
„бите его, вы произнесете кощунство, если скажете,
„что вполне понимаете его атомы, что въ нихъ для васъ
„нѣтъ ничего загадочнаго.“

„Такъ точно эту книгу можно считать кощунствомъ
„противъ того фантастическаго міра, которому многіе,
„сами не зная того, поклоняются: изъ нея вытекаетъ
„требованіе—искать таковаго предмета, на который мы
„могли бы съ полнымъ правомъ обратить свое благо-
„говѣніе“ *).

Такъ выразилъ я тогда потребность чѣмъ-то воспол-
нить свой рационализмъ. За предѣлами рационализма бы-
ла для меня только тьма и, однако, я стремился искать
въ ней предметовъ для познанія. Между тѣмъ, тутъ бы-
ла наша всегдашняя ошибка—облеченіе всякаго содер-
жанія въ нѣчто предметное, и вопросу подлежали ни-
какъ не предметы, а самое познаніе.

VIII.

Внутренній выходъ.

Въ развитіи сознанія существуетъ нѣкоторая пово-
ротная точка; наша мысль обращается тогда отъ внѣш-
няго въ внутреннему, отъ познанія причинъ въ позна-

*) *Миръ какъ чѣло.* Спб. 1872. Предисл. стр. X—XII.

нію цѣлей, отъ изученія природы къ опредѣленію *наилучшаго* и *наихудшаго*. Таѣ и спириты-натуралисты стремились уже не просто къ фактамъ, а къ такимъ фактамъ, которые давали бы имъ усвоеніе и отраду въ ихъ страданіяхъ. Таѣ и вообще, насъ не удовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности міра.

Но гдѣ искать выхода? Никакого выхода изъ раціонализма не можетъ существовать *внутри* самого раціонализма—вотъ главная мысль настоящей книги. Примѣръ спиритовъ наглядно показываетъ, что *на пути знанія*, какъ выражался Бутлеровъ, поворотъ невозможенъ, что тутъ или нужно отказаться отъ своихъ желаній, или отказаться отъ самой науки. Понятно, что изъ этой дилеммы выбираютъ обыкновенно второе рѣшеніе, отказъ отъ науки. Одни просто отворачиваются отъ науки, другіе же начинаютъ мечтать о *неземной* науцѣ, о *трансцендентальной* физикѣ. Исторія умственнаго движенія полна такихъ примѣровъ. Таѣ, мистики и теософы (у насъ знаменитый Лабзинъ) постоянно толковали о своей особой химіи и особой физикѣ, не похожей, какъ они говорили, на *свѣтскія* науки, имѣющія то же названіе.

Повидимому, ничего болѣе не остается, какъ покинуть самую область науки и искать не въ ней, а *за ея предѣлами*, новыхъ предметовъ для нашей мысли. Всего обыкновеннѣе таѣ это и дѣлается и, по сравненію Канта, мы бываемъ похожи на голубя, который вообразилъ бы, что воздухъ есть только помѣха для его

полета, а потому сталъ бы стремиться въ безвоздушное пространство. Тамъ ничего нѣтъ, и нельзя найти никакой опоры для движенія. Мы только обманываемъ самихъ себя, когда думаемъ, что именно въ далекомъ и недоступномъ содержится разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, на которые вблизи не умѣемъ найти отвѣта. Намъ нужно, очевидно, отыскать не внѣшній, а *внутренній* выходъ, не расширить нашу мысль на новыя области, а углубить ее въ той же ея области, или иначе установить на той же опорной точкѣ.

Все дѣло въ томъ, чтобы найти нѣкоторую другую пищу для ума; не нужно отказываться отъ науки, или пытаться ее разрушить и передѣлать, а слѣдуетъ научиться отъ одной умственной дѣятельности переходить къ нѣкоторой другой, очевидно высшей. Если мы найдемъ приемы этой новой дѣятельности, опредѣлимъ ея связь и всѣ отношенія къ научнымъ формамъ мысли, то эти формы не только не будутъ намъ мѣшать, но будутъ даже способствовать удовлетворенію глубочайшихъ запросовъ нашей души.

Въ настоящей книгѣ сдѣланы только немногіе намеки на этотъ предметъ. Чтобы пояснить свою мысль, прибавлю къ этимъ намекамъ еще одно прекрасное сравненіе, найденное мною у Хомякова.

Во времена Ньютона славился въ Англіи отличный профессоръ математики, по имени *Саундерсонъ*, который былъ слѣпъ и не только ничего не видѣлъ, но и не помнилъ свѣта, такъ какъ ослѣпъ, когда ему было не больше года отъ рожденія. Между другими предметами, онъ читалъ своимъ слушателямъ также курсъ оптики и ма-

стерски излагалъ всё открытія Ньютона въ этой области, разложеніе бѣлаго луча на цвѣтные, образованіе радуги и т. д. По характеру онъ былъ человѣкъ живой, отчасти язвительный, и умеръ, какъ говорятъ, полнымъ безбожникомъ.

Хомяковъ вѣроятно не зналъ объ этомъ Саундерсонѣ, но онъ какъ-будто именно его имѣлъ въ виду, когда сдѣлалъ слѣдующее предположеніе:

„Слѣпорожденный человѣкъ пріобрѣтаетъ познанія; онъ въ полномъ кругѣ наукъ встрѣчается съ оптикою, изучаетъ ее, постигаетъ ея законы, — даже, можетъ быть, обогащаетъ ее новыми выводами; а дворникъ ученаго слѣпца *видитъ*. Кто же изъ нихъ лучше *знаетъ* свѣтъ?“ *).

Наши научныя изслѣдованія, можно сказать, всё подобны астрономическимъ и оптическимъ познаніямъ Саундерсона. Даже больше; для того, чтобы спокойнѣе производить эти изслѣдованія, мы часто нарочно закрываемъ глаза, приводимъ себя въ состояніе слѣпыхъ. Очевидно, когда мы самый свѣтъ разсматриваемъ научнымъ образомъ, мы дѣйствуемъ иначе, нежели когда непосредственно воспринимаемъ его зрѣніемъ. Не мудрено, поэтому, что существуютъ слѣпцы съ здоровыми глазами, которые упорно стоятъ на томъ, что научное разсмотрѣніе одно истинно, и что обыкновенное зрѣніе есть пустая выдумка и фантазія. Но ясно также, что одно познаніе, по сущности дѣла, не должно мѣшать другому, что, закрывая по временамъ глаза, мы не только не

*) Соч. А. С. Хомякова. Т. I, изд. 2, стр. 279.

имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія. Саундерсонъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, дѣйствительно не зналъ самаго важнаго, — онъ не имѣлъ и чаянія о томъ просторѣ и разнообразіи, о той лучезарности и красотѣ, по которымъ мы нашъ вещественный міръ называемъ *міромъ Божиимъ*.

Слѣдуетъ приложить это самое различіе и къ другимъ нашимъ умственнымъ занятіямъ. Мы можемъ долго и усердно заниматься исторіею, философіею, религіею, но такъ, что наши познанія, будучи совершенно основательными, будутъ однако походить, по своему внутреннему значенію, на оптическія познанія Саундерсона. Мы и въ этихъ областяхъ можемъ безъ конца все рационализировать, отыскивая связь и формы явленій. Но, горе намъ, если мы вообразимъ, что это — единственное истинное познаніе, и что мы будемъ тѣмъ мудрѣе, чѣмъ крѣпче станемъ закрывать глаза. Для полнаго пониманія — нужно отереть глаза, нужно отогнать отъ себя все, мѣшающее простому, прямому зрѣнію, — и тогда мы увидимъ то, чего никогда не узнаютъ самые ученые Саундерсоны и что бываетъ доступно самымъ простымъ людямъ, — увидимъ душу явленій, ихъ глубокую жизнь и силу, — и можетъ быть услышимъ, что и въ иныхъ нашихъ книгахъ, казавшихся мертвыми, *кричитъ каждая буква*, какъ выразился Гоголь.

Нѣсколько разъ мнѣ приходило на умъ — смягчить въ этомъ изданіи тонъ своей полемики. Но я оставилъ

все по прежнему; теперь, думаль я, когда вся полемика на лицо передь читателями, они будутъ ясно видѣть, что для меня дѣло стоять и стояло дѣйствительно выше всякихъ лицъ. У меня не было никакого желанія сказать противникамъ что нибудь обидное; всѣ мои рѣзкости, какъ убѣдятся читатели, имѣли одну только цѣль— возбудить вниманіе, понудить къ размышленію. По совѣсти, никогда я не воображалъ, что въ какомъ бы то нибыло отношеніи заслуживаю большаго уваженія, чѣмъ мои почтенные противники; моя досада возбуждалась лишь тѣмъ, что ихъ писанія и разсужденія были, на мои глаза, несравненно ниже ихъ личныхъ достоинствъ. Извѣстно, что наука не знаетъ пощады и логика мститъ за себя жестоко; весь вопросъ, значить, только въ томъ, имѣль-ли я право говорить во имя логики и науки. Если же, по недовости, моя рѣчь гдѣ нибудь получила видъ чего-то личнаго, охотно прошу въ этомъ извиненія.

На напечатаніе двухъ замѣтокъ А. М. Бутлерова мною получено позволеніе отъ Н. М. Бутлеровой, за которое приношу ей искреннюю благодарность. Такъ-какъ разборъ мнѣній А. М. Бутлерова имѣль для меня важную цѣль и былъ дѣломъ истинно-серіознымъ, то настоящая книга должна оправдать меня въ глазахъ людей, которые могли получить невѣрное понятіе объ моей полемикѣ, и, въ извѣстномъ смыслѣ, я имѣю право считать эту книгу только подтвержденіемъ моего уваженія къ покойному ученому.

9 февр.

О ВѢЧНЫХЪ ИСТИНАХЪ

I.

ТРИ ПИСЬМА О СПИРИТИЗМѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

ИДОЛЫ.

Интересъ спиритизма.—Равнодушіе.—Оживленіе проповѣди.—Университетъ, натуралисты, журналы.—*Наука*.—*Авторитетъ ученыхъ*.—*Прогрессъ*.—*Эмпиризмъ*.—*Свобода*.—*Позитивизмъ*.—Эти знамена имѣютъ существенное значеніе для спиритизма.

Позвольте предложить вамъ на этотъ разъ небольшое разсужденіе о спиритизмѣ. Между предметами, не касающимися прямо „интереса минуты“, по моему мнѣнію это—одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и важныхъ. Меня, признаюсь, глубоко удивляетъ то равнодушіе къ вопросу о спиритизмѣ, которое такъ часто встрѣчается. И вѣряющіе, и отрицающіе, и совершенно незнающіе, что имъ думать и говорить,—все относятся къ дѣлу слишкомъ легко, не давая настоящей цѣны ни своей вѣрѣ, ни своему отрицанію, или недоумѣнію. Какъ-то я вошелъ въ полутемную комнату и засталъ нѣсколько человѣкъ своихъ знакомыхъ вокругъ стола, терпѣливо выжидающихъ спиритическихъ явленій. „И вамъ не стыдно!“ воскликнулъ я.—Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, столь уже

начиналъ двигаться. „И вамъ не страшно?“ спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчаютъ, чего же бояться?—„И вамъ не скучно?“ свазалъ я наконецъ.—Нѣтъ, говорятъ, это любопытно.

Таково вялое, легкое, спокойное отношеніе, которое установилось въ этимъ новѣйшимъ чудесамъ и откровеніямъ. Конечно, въ этомъ равнодушіи таится нѣкоторое предчувствіе истины, слышится справедливый приговоръ всему дѣлу. Не стали-бы такъ играть этими явленіями, если-бы чувствовали, что въ нихъ дѣйствительно за дѣваются существенныя основы нашей жизни. Люди вообще живутъ легкомысленно, безъ большихъ запросовъ и отчетовъ; но то легкомысліе, съ которымъ относятся къ спиритизму, выходитъ изъ ряда, превышаетъ обыкновенную мѣру, и потому его можно выводить изъ свойствъ самого спиритизма.

Отсюда объясняю я себѣ и то, почему такъ мало интересуются теоретическимъ разсмотрѣніемъ дѣла; если дѣло не имѣетъ практической важности, если чувствуется что оно, въ сущности, какой-то вздоръ, то всякія разсужденія кажутся обыкновенно лишними и скучными. Недоумѣніе, сомнѣніе, неясность—сами по себѣ переносятся легко, если съ ними не связано никакого существеннаго интереса. И тутъ я рѣшительно расхожусь съ равнодушными и спокойными. Практически спиритизмъ дѣло не важное—съ этимъ я согласенъ; но теоретически онъ имѣетъ величайшую занимательность. Когда вы не знаете, что думать и говорить, когда не умѣете дать себѣ никакого отчета въ томъ, что видите собственными глазами, когда всѣ ваши понятія спутаны, и вы вполне сбиты съ толку, то, конечно, вы можете, однакоже, продолжать ваши дѣла, службу, удовольствія. Эти духи,

какъ вы очень хорошо чувствуете, ничему этому не помѣнають. Но оставаться спокойными вы все-таки не имѣете права. Въ васъ должно быть, если не мученіе отъ неразгаданнаго вопроса, то хотя нѣкоторое желаніе прояснить свои мысли, такъ или иначе согласить то, что вы видѣли, съ вашими понятіями. Вотъ тотъ интересъ, который для меня главный въ этомъ дѣлѣ и ради котораго я пишу.

Съ чего же мы начнемъ? Вопросъ о спиритизмѣ, какъ вы согласитесь, вполне подходитъ подъ то, что я только-что сказалъ; это вопросъ нерѣшенный, темный, трудный, въ немъ никто еще не добрался никакого толку, кромѣ развѣ правовѣрныхъ спиритовъ, которыхъ теоріи (т. е. дѣйствія духовъ), однако же, не хотять признать многіе изслѣдователи. Итакъ, для начала, позвольте мнѣ взять дѣло нѣсколько со стороны, сдѣлать нѣсколько соображеній, повидимому побочныхъ, но, какъ я убѣжденъ и постараюсь убѣдить васъ, въ сущности прямо касающихся вопроса. Въ такомъ смутномъ дѣлѣ, пріятно и полезно отыскать мѣсто, гдѣ почва не колеблется подъ ногами, гдѣ возможно разсуждать ясно и отчетливо и отбуда можно спокойно разсматривать явленія.

Спиритизмъ у насъ давно извѣстенъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, я сиживалъ за столиками, шляпами и тому подобными предметами, и ожидалъ вращенія. Съ тѣхъ поръ спиритизмъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ петербургской жизни, не возбуждая однако же общаго и серьезнаго вниманія. Но въ прошломъ году (1875) проповѣдь спиритизма вдругъ получила необыкновенную силу, вдругъ стала вопросомъ литературы, предметомъ общихъ и живыхъ толковъ. Вотъ фактъ, который заслуживаетъ по крайней мѣрѣ столько же вниманія, какъ стулъ стола,

происходящій отъ загадочной причины. Отчего произошла такая огромная переменна въ судьбѣ спиритизма? Судьба всякаго явленія зависитъ въ извѣстной мѣрѣ отъ его сущности, и потому мы можемъ найти здѣсь какую-нибудь важную черту спиритизма.

Въ прошломъ году проповѣдь спиритизма раздалась еъ намъ изъ *университета*; это во первыхъ. Во вторыхъ, проповѣдь исходила отъ двухъ профессоровъ не заурядныхъ или плохихъ, а такихъ, которые имѣютъ извѣстность отличныхъ *ученыхъ*, не простыхъ преподавателей, а изслѣдователей, двигателей науки. Въ третьихъ, оба профессора, проповѣдующіе спиритизмъ, — *натуралисты*, то есть принадлежать въ разряду ученыхъ, имѣющихъ наибольшій авторитетъ, какъ во всей просвѣщенной Европѣ, такъ и у насъ.

Вотъ та сила, которая пришла на помощь спиритизму и вдругъ вызвала его изъ той полутьмы, въ которой онъ прозябалъ (въ Россіи по крайней мѣрѣ). Эта сила имѣетъ для меня совершенно опредѣленный характеръ, который потому я успѣю можетъ быть уяснить и вамъ. Для меня очень характерны и всѣ другія обстоятельства этой исторіи, напримѣръ то, что спиритизмъ явился именно въ петербургскомъ, а не въ другомъ университетѣ, что онъ встрѣтилъ въ самомъ же университетѣ оппозицію, что подобную же оппозицію онъ встрѣтилъ и въ петербургской печати, что два профессора вслѣдствіе этого не могли даже найти для своихъ статей мѣста въ петербургскихъ изданіяхъ, что эти статьи пріютила московская печать, имѣющая однако на спиритизмъ совершенно другіе взгляды, чѣмъ у авторовъ статей, — и такъ далѣе. Друзья и единомышленники раздѣлились, люди враждебные по принципамъ сошлись — вотъ одно изъ

чудесь, которое призвелъ спиритизмъ, и на которое кажется мало обратили вниманія.

Но подойдемъ ближе, и мы увидимъ еще болѣе характеристическія черты. Защитники спиритизма въ своихъ статьяхъ постарались какъ можно яснѣе указать знамена, подъ которыми они идутъ, принципы, на которые они опираются. Сила и законность ихъ проповѣди зависитъ отъ твердости этихъ опоръ. Постараемся указать на главнѣйшія изъ этихъ началъ, руководящихъ нашими авторами *).

1) *Наука*. За наукою признается верховный и всеобщій авторитетъ, то есть, не только всякое рѣшеніе науки есть высшее, на которое не можетъ быть апелляціи, но и нѣтъ такого вопроса, который не подлежалъ бы суду науки.

2) *Авторитетъ ученыхъ*. Особенный вѣсъ, особенная сила принадлежитъ сужденіямъ людей, дѣйствительно посвященныхъ въ науку, ея истинныхъ жерцовъ, истинныхъ служителей. Поэтому профессоръ Вагнеръ ссылается на то, что онъ не просто только знакомъ съ наукой, но сдѣлалъ въ ней открытіе, именно *педогенезизъ*; профессоръ Бутлеровъ, хотя могъ бы сослаться на несравненно большія заслуги, по скромности не говоритъ о себѣ, но за то приводитъ цѣлый рядъ авторитетовъ, подобно ему, признающихъ спиритизмъ, *семнадцать* именъ, за которыя говоритъ ихъ извѣстность въ наукѣ и самое ихъ званіе профессоровъ, академиковъ и членовъ ученыхъ обществъ (стр. 323).

3) *Прогрессъ человеческого знанія*. Науки дѣлаютъ непрерывные успѣхи, открывая новыя явленія, новые

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1875, № 10, статья Н. Вагнера: «Медиумизмъ»; тамъ же, № 11, статья А. Бутлерова: «Медиумическія явленія».

міры предметовъ и свойствъ. Области темныя и загадочныя, вопросы, не поддававшіеся не только разрѣшенію, а даже ясной постановкѣ, понемногу завоевываются наукою, проливаящею на нихъ свой свѣтъ. Къ числу такихъ новыхъ областей и будущихъ завоеваній науки принадлежитъ и спиритизмъ.

4) *Эмпирический методъ*, изученіе фактовъ, какъ единый правильный приемъ изслѣдованія. Фактъ есть единственно вѣрная точка опоры и стоитъ выше всякихъ разсужденій. Мы имѣемъ право говорить только о томъ, что дано намъ фактами, и должны признавать всякій фактъ, какъ бы онъ ни противорѣчилъ нашимъ понятіямъ и разсужденіямъ.

5) *Свобода изслѣдованія*. Приведу прямо воодушевленные слова профессора Вагнера:

„Свобода изслѣдованія, свобода мысли—вотъ желанный лозунгъ, который съ такимъ усердіемъ, съ такою любовью выработывали послѣдніе вѣка! Неужели же этотъ лозунгъ—пустой звукъ, и мы снова подчинены тѣмъ же догматическимъ запрещеніямъ, которыя такъ упорно тяготѣли надъ невѣжественнымъ человѣчествомъ въ средніе вѣка!

„Позволю себѣ еще разъ указать на тѣ слова, которыя я избралъ эпиграфомъ къ моей статьѣ и которыя прочли незамѣченными моими критиками:

„Единственная надежда на улучшение міра лежитъ въ свободной мысли и въ безграничномъ изслѣдованіи, и все, что мѣшаетъ или противодѣйствуетъ этому великому возвышенному принципу—несправедливо!“ *)
(„Моск. Вѣд.“ 1875, № 322, перепечатано изъ „Голоса“).

*) Davis „Der Zauberstab“, 1867. S. 360. Такъ подписанъ эпиграфъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

„6) *Позитивизмъ*. „Для насъ уже кончились“, восклицаетъ тотъ же профессоръ, „времена апіористическихъ „убѣжденій; метафизика снѣла свою лебединую пѣсню, и „принципы Бавона Веруламскаго возродились въ *позитивизмъ, который стоитъ непоколебимо на почвѣ опытныхъ фактическихъ доказательствъ*. Въ настоящее время толковать о религіозномъ *чувствѣ*—значить толковать о чисто субъективной потребности, которая не имѣетъ ничего общаго съ позитивизмомъ, тогда какъ сила медіумизма заключается именно въ томъ, что онъ *стоитъ на почвѣ положительнаго знанія*, что въ изслѣдованію его явленій могутъ и должны быть приложены научные методы“ („Спб. Вѣдомости“ 1875, № 303).

Вотъ тѣ лозунги, тѣ громкіе принципы, тѣ блестящія знамена, подъ которыми выступаетъ передъ нами спиритизмъ. Если я и пропустилъ какой-нибудь изъ менѣе значительныхъ лозунговъ, то я смѣло увѣряю, что выше тѣхъ, которые я перечислилъ, нѣтъ у нашихъ ученыхъ, что у нихъ невозможно найти другихъ руководящихъ началъ. Что же касается до указанныхъ началъ, то они попались въ рѣчь не случайно, а были выставлены нашими учеными по существенной необходимости; во первыхъ, для того, чтобы дать своей проповѣди возможно большую прочность и убѣдительность; во вторыхъ, чтобы положить ясную и рѣзкую границу между собою и разными другими мыслителями и проповѣдниками; въ третьихъ, чтобы оправдать свою проповѣдь, показать ея совершенную невинность и законность. Наши ученые какъ-будто чувствуютъ, что что-то неладно, что они можетъ быть и не совсѣмъ не виноваты; и вотъ они твердятъ: „мы эмпирики, мы позитивисты, мы работаемъ во имя науки, ради ея прогресса; за насъ авторитетъ европей-

скихъ ученыхъ и право на свободное изслѣдованіе; возможно ли винить насъ?" Но это чувство нѣкоторой робости у нашихъ ученыхъ часто смѣняется, какъ и естественно, противоположнымъ чувствомъ отваги, ученой смѣлости. По временамъ кажется, какъ будто они, поднявши всѣ свои знамена, идутъ на своихъ читателей и говорятъ: „Кто противъ насъ? Вы видите эти знамена? Вы ихъ знаете, вы всегда преклонялись передъ ними; такъ преклонитесь же и передъ тѣмъ, что мы теперь несемъ вамъ!“

Въ такомъ видѣ иногда представляется мнѣ эта картина, и наводитъ на меня немалое смущеніе. Идутъ на меня знакомые призраки, которыхъ ничтожество я давно уразумѣлъ и которыхъ обманъ считаю давно великимъ зломъ. Но они увѣржились въ глазахъ публики, разрослись, и вижу я, какъ, собравшись всею толпою, они создали еще новый призракъ, чудовищный, нелѣпый, — какъ они выводятъ своего новаго товарища передъ своими поклонниками и говорятъ имъ: „вы поклоняетесь намъ, — поклонитесь же и ему!“

Простите, что я впадаю въ шутку; но нато вѣдь это и *письмо*, а не диссертация. Возвращаюсь однако же въ серьезному тону.

Знамена или лозунги, выставленные нашими натуралистами, я считаю фантастическими понятіями, не соответствующими тѣмъ предметамъ, которыхъ имена они носятъ, или даже вовсе ничему не соответствующими. Для обозначенія ихъ, я принимаю терминологию Бакона Веруламскаго и называю ихъ *идолами*, то есть ложными образами, кумирами боговъ, не существующихъ въ дѣйствительности. Это — предразсудки новаго времени, это — мифическія созданія нашего вѣка, въ которыя онъ вѣ-

рять часто такъ же слѣпо, какъ вѣрили другіе вѣка въ свои мнѣя и свои предразсудки.

Чтобы объяснить, въ какомъ смыслѣ я отрицаю силу и существенность этихъ понятій, я скажу о каждомъ изъ нихъ хоть нѣсколько словъ. О каждомъ такомъ понятіи можно бы, и даже нужно бы, написать цѣлую книгу; но можетъ быть и немногими словами мнѣ удастся предотвратить хотя нѣкоторыя возможныя здѣсь недоразумѣнія.

1) *Наука* есть дѣло великое, хотя и не наилучшее и не наивысшее изъ человѣческихъ дѣлъ. Но та *наука вообще*, на которую такъ любятъ ссылаться, есть истинный *идолъ*, фантастическое понятіе ученыхъ. Каждый спеціалистъ, математикъ, физикъ, физиологъ, думаетъ, что имѣетъ право говорить во имя *науки*, тогда какъ *наукою вообще* могла и можетъ быть, стремилась и стремится стать только философія, о которой такіе спеціалисты обыкновенно и слышать не хотятъ. Философія рѣшаетъ вопросы о границахъ и свойствахъ познанія, она старается указать точную мѣру его авторитета, тогда какъ спеціалистъ, поклоняющійся своему кумиру, обыкновенно приписываетъ ему безпредѣльное могущество.

2) *Ученые*, такъ называемые жрецы науки, не имѣютъ права на какой-нибудь особенный, высокій авторитетъ. Наука не есть еще мудрость, и, вообще говоря, ученые нисколько не мудрѣе, чѣмъ остальные смертные. Они суть такіе же люди, какъ и всѣ мы; они точно также подвержены слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ и предразсудкамъ. Конечно, занятія науками способствуютъ облагороженію характера и изощренію ума; но, съ другой стороны, при этихъ занятіяхъ, какъ при всякой трудной и выходящей изъ ряду дѣятельности, люди часто становятся въ фальшивое положеніе. Притязанія ученыхъ обык-

новенно выше ихъ силъ, а предрасудки тѣмъ упорнѣе, чѣмъ выше притязанія. Каждая специальность ограничиваетъ кругозоръ человѣка и внушаетъ ему особая предубѣжденія, такъ что едва ли не легче представить себѣ простаго человѣка безъ предрасудковъ, чѣмъ ученаго.

3) *Прогрессъ* есть одинъ изъ самыхъ обманчивыхъ и опасныхъ идоловъ. Фантастическое понятіе о прогрессѣ ведетъ къ тому, что люди перестаютъ признавать постоянство и неизмѣнность чего бы то ни было, и думаютъ, что все можно передѣлать и усовершенить. Безпрестанно являются новаторы, которые пытаются радикально измѣнить самую природу тѣхъ или другихъ вещей; такъ и спириты уже предлагаютъ намъ отвязаться отъ нашей физики и механики, и скоро дѣло кажется дойдетъ до отрицанія логики и до реформы таблицы умноженія.

4) *Эмпиризмъ*—великій и слѣпой идолъ. Намъ проповѣдуютъ силу голыхъ фактовъ, какъ будто голые факты возможны. Всякій фактъ зависитъ отъ нѣкоторой причины и имѣетъ нѣоторыя послѣдствія; вотъ онъ уже и не голый, уже такъ или иначе находится въ связи съ другими фактами. Впрочемъ, знаете ли вы и знаютъ ли наши натуралисты, что послѣдовательные эмпирики утверждаютъ, что *возможны факты безъ всякой причины?* Возьмите русскій переводъ логики Милля, томъ 2-й, и прочитайте тамъ страницу 105 и 106. Если же такъ, если возможны факты безъ причины, то спрашивается, почему же гг. Вагнеръ и Бутлеровъ приходятъ въ такое недоумѣніе отъ фактовъ спиритизма? Если они послѣдовательные эмпирики, то не согласятся ли они на такое рѣшеніе: это—факты безъ причины?

5) *Свобода мысли, свобода изслѣдованія.* Свобода.—

слово неопредѣленное, которое само по себѣ ничего не значитъ. Всегда нужно спросить: какой вы свободы ищите? то есть: отъ какаго стѣсненія желаете избавиться? Нашимъ натуралистамъ, повидимому, ничто не препятствуетъ ни въ ихъ изысканіяхъ, ни въ выраженіи мыслей. Почему же они такъ громко требуютъ свободы? Если ихъ стѣсняютъ не люди, а какіе-нибудь принципы, если, на примѣръ, имъ мѣшаетъ логика, или математика, или здравый смыслъ, то ихъ взыванія въ идолу свободы—напрасныя мольбы.

6) *Позитивизмъ* есть идолъ довольно мудреный. Имя его большею частью призывается всуе, безъ яснаго понятія объ истинныхъ его свойствахъ. Ему приписываютъ величайшую силу противъ метафизики, и за эту-то силу, главнымъ образомъ, ему поклоняются. Въ самомъ дѣлѣ, позитивизмъ заключаетъ въ себѣ ту интересную мысль, что науки (то, что у французовъ называется *les sciences*) не даютъ метафизическаго познанія; мысль эта содержитъ много правды и во всякомъ случаѣ достойна вниманія; но изъ нея еще не слѣдуетъ, что невозможны метафизика, логика, психологія, какъ это заключаетъ позитивизмъ, заключаетъ потому, что отрицаетъ все, кромѣ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ (*sciences*).

Итакъ, по моему мнѣнію, ни одно изъ знаменъ, подъ которыми выводится спиритизмъ, не способно защитить его, не можетъ служить за него речательствомъ. Пусть спиритизмъ будетъ что вамъ угодно, пусть онъ есть откровеніе высочайшихъ истинъ и спасеніе рода человѣческаго, но онъ явился въ намъ подъ покровомъ самыхъ характеристическихъ предразсудковъ нашего времени. Это не даромъ, это имѣетъ свои причины. Натуралисты,—эти пророки нашего всемени, стали пророками спири-

тизма. Это очень важно. Тѣ способы разсужденія, тѣ приемы мысли, тѣ руководящія принципы, которые употребляются защитниками спиритизма, не представляют ни одной черты правильнаго метода, а состоятъ сплошь только изъ заблужденій, свойственныхъ ученымъ натуралистамъ, и именно современнымъ. Это поразительно. Мало того: чтобы спасти спиритизмъ, натуралисты принуждены доводить эти свои заблужденія до послѣдней ихъ крайности и изо всей силы держаться за эту крайность. Они хотятъ опытомъ узнать то, чего опытъ дать не можетъ; хотятъ метафизику сдѣлать позитивною; обѣщаютъ намъ науку, не подчиненную никакому методу, никакимъ законамъ, и прогрессъ, не имѣющій ни пути, ни предѣловъ. Это, конечно; чудеса, большія чудеса, но скорѣе всего—это ошибки, слѣдовательно очень простыя, хоть и печальныя явленія!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ЗА НЕПОСВЯЩЕННЫХЪ.

Фанатизмъ нашей литературы.—Предубѣжденія.—Вѣра на слово.—Требованія отъ непосвященныхъ.—Чистый эмпиризмъ.—Безвыходное положеніе.—Дилемма.—Все возможно.—Спекулятивная область.

Что наша литература есть литература фанатическая— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Разсужденія, правильное развитіе мыслей, логическіе послѣдовательные споры у насъ не существуютъ, почти невозможны по натурѣ нашихъ пишущихъ и по натурѣ нашей публики. У насъ возможно и имѣютъ ходъ, почти исключительно, только всякія вѣры и ненависти, всякія идолопоклонства и затаптыванія въ грязь, всякіе свисты и боготворенія. Вашъ покорный слуга тѣмъ больше имѣетъ право это говорить, что самъ принадлежитъ къ числу затоптанныхъ въ грязь. Вы, пожалуй, не предполагали, что дѣло дошло до подобной крайности, и что я нахожусь въ такомъ ужасномъ положеніи; но фактъ уже заявленъ тѣми, кого можно считать въ такихъ дѣлахъ вполне свѣдущими. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1874 года, отъ 27 ноября, г. Михайловскій, на половину съ торжествомъ, на половину съ сожалѣніемъ, говорить: „мы втоптали въ грязь г. Стрехова, человѣка...“ и пр. Пожалуйста, не подумайте, что я принимаю все происшествіе въ шутку; старанія этихъ *мы* не всегда оставались безуспѣшными...

Но простите, что я заговорилъ о себѣ; мнѣ хотѣлось только сказать, что фанатизмъ нашей печати мнѣ очень хорошо знакомъ, и прибавить, что онъ мнѣ и понятенъ; по крайней мѣрѣ я, кажется, всегда зналъ, почему именно и чѣмъ я раздражаю публику; даже при совершенной недобросовѣстности нападокъ, я все-таки видѣлъ, въ чемъ дѣло; меня часто бранили и надо мной глумились не по разногласію мнѣній, а только потому, что съ такими людьми, какъ я, рассуждать было некогда, что нужно было поворѣе *дѣлать прогрессъ*, и, слѣдовательно, не давать никому останавливать вниманіе на подобныхъ мнѣ людяхъ и вещахъ. Я хорошо понималъ и эту тонкую политику.

Проповѣдникамъ спиритизма въ настоящую минуту приходится тоже испытывать фанатизмъ нашей литературной полемики; но странно, что они, кажется, вовсе не понимаютъ своего положенія. Они оба жалуются на непочтительность обращенія, на „комки грязи“, полетѣвшіе въ нихъ со всѣхъ сторонъ. Такая жалоба, пожалуй, еще извинительна; она только доказывается, что наши профессора—люди непривычные къ литературѣ. Но затѣмъ, они какъ-будто не могутъ, или не хотятъ догадаться, чѣмъ же возбуждается этотъ фанатизмъ, въ чемъ существенный смыслъ встрѣченной ими ярости. Они часто говорятъ о предубѣжденіяхъ, о закоренѣлыхъ предразсудкахъ, но не удостоиваютъ, а можетъ быть и не умѣютъ формулировать эти предразсудки. Между тѣмъ, для людей ученыхъ, для проповѣдниковъ новыхъ истинъ, казалось бы, дѣло важное и настоятельное—анализировать со всею ясностію убѣжденія, противудѣйствующія ихъ проповѣди. Разложите, опровергните эти убѣжденія—и мы тотчасъ примемъ вашъ спиритизмъ. Но наши ученые

не дѣлають для этого ни одинаго шага; они только и твердятъ: „это факты, факты; какъ же можно не вѣрить фактамъ?“

Приемъ очень характерный. Вѣдь чего они добиваются? Того, чтобы имъ повѣрили на слово. Вотъ почему они увѣряють, что они и ихъ единомышленники люди честные, что они находятся въ здоровомъ умѣ и въ полной памяти; вотъ отчего они ссылаются на профессоровъ, академиковъ, членовъ парламента, судей и т. д., какъ на людей, которые не стануть мошенничать и не могли бы занимать своихъ мѣстъ, если бы были поврежденные. Едва-едва проскальзываетъ кое-гдѣ замѣчаніе, что такой-то, будучи хорошимъ физикомъ или химикомъ, „конечно умѣетъ наблюдать“ (хотя, правду сказать, *наблюдательность* ученыхъ пользуется дурною славою). Словомъ, всѣ люди, по отношенію къ спиритизму, раздѣляются на два разряда, — на посвященныхъ, которые на опытѣ убѣдились въ существованіи спиритическихъ явленій, и на непосвященныхъ, которые не имѣли этого счастья. Непосвященные, по мнѣнію защитниковъ спиритизма, должны: 1) вѣрить честному слову, или присягѣ посвященныхъ, 2) сами дѣлать опыты, или искать медіумовъ, и такимъ образомъ стараться перейти въ разрядъ посвященныхъ, и 3) до тѣхъ поръ не разсуждать и не раздумывать, — такъ какъ всякія разсужденія непосвященныхъ будто-бы основаны на однихъ предубѣжденіяхъ и искажаютъ дѣло, или даже доводятъ до ужасной вещи — до невѣрія въ факты.

Вотъ научная постановка вопроса, по истинѣ еще небывалая и неслыханная; вотъ эмпиризмъ въ его чистѣйшемъ видѣ. И легко убѣдиться, что въ такомъ видѣ эмпиризмъ необходимъ для защитниковъ спиритизма.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы были чистыми эмпириками, еслибы для насъ всѣ вопросы, изученіе всѣхъ явленій—имѣли именно такую постановку, какую дали теперь наши ученые спиритизму,—то только тогда спиритизмъ удивлялъ бы насъ столь же мало, какъ и другія явленія, или на оборотъ—всѣ явленія были бы для насъ столько же удивительными, какъ спиритизмъ.

Но увы! Удастся ли нашимъ ученымъ обратить насъ сплошь въ чистыхъ эмпириковъ, и такимъ образомъ уравнять въ нашихъ глазахъ спиритизмъ со всѣми другими предметами? Я сильно боюсь, что родъ человѣческій никогда не достигнетъ такого просвѣщенія. Природа человѣческая такъ груба и упорна, что сколько ни будь на землѣ университетовъ и академій,—непосвященные никогда не будутъ вѣрить просто на честное слово и никогда не бросятъ дурной привычки разсуждать о томъ, чтѣ имъ разсказываютъ. Вотъ почему Гегель говаривалъ, что чистыми эмпириками могутъ быть только животныя, а не люди. Но я полагаю, что великій философъ ошибся: и животныя не могутъ вполне достигнуть чистаго эмпиризма; эта противуестественная точка зрѣнія могла быть придумана только людьми, только учеными, вообразившими, что могутъ передѣлать умъ человѣческій, и усиливающимися удержаться въ положеніи, невозможномъ для равновѣсія.

Вы видите, я становлюсь на сторону непосвященныхъ; мнѣ странно, что въ ихъ правамъ и мнѣніямъ наши послѣдователи спиритизма отнеслись съ такимъ презрѣніемъ и невниманіемъ. Намъ говорятъ, чтобы мы не выдавши судить не смѣли. Но помилуйте, что же будетъ тогда съ нами? Теперь, пока мы еще не чистые эмпирики, мы вѣдь разсуждаемъ съ утра до вечера. Когда я читаю газету

или книгу, когда разговариваю съ учеными и неучеными людьми, я безпрестанно работаю умомъ; я ничему не вѣрю просто на слово, я объ каждомъ свѣдѣніи стараюсь самъ разсудить, насколько оно вѣроятно или невѣроятно. Я справляюсь со своею памятью, соображаюсь съ тѣми понятіями о людяхъ и вещахъ, которыя нажилъ въ теченіи моей жизни, и рѣшаю дѣло по крайнему моему разумѣнію. Что же бы со мною было, еслибы каждую минуту ко мнѣ могъ явиться духъ чистый эмпирикъ, въ родѣ Совратовскаго демона, и вдругъ сказать мнѣ: „ты не видѣлъ, такъ и не суди!“ Тогда вѣдь просто не было бы житья на свѣтѣ!

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, историка или географа. Онъ сидитъ надъ книгами, соображаетъ всякія извѣстія, рѣшаетъ, что и какъ должно было быть по законамъ человѣческой природы, стремится подняться до самаго высокаго и правильнаго пониманія событій, которыя грубо, фальшиво, безтолково передаются очевидцами и памятниками. И вдругъ ему говорятъ: „они видѣли, а ты не видѣлъ; какую же силу могутъ имѣть всѣ твои разсужденія?“ Такимъ образомъ пришлось бы молчать, читая самые невѣроятные рассказы, и не возможно было бы отвергнуть ни одной басни; мало того, въ рассказахъ противорѣчащихъ и спутанныхъ нельзя было бы дѣлать выбора и устранять противорѣчія и нелѣпости. Ибо вообще, мы лишились бы всякаго права отрицать; чистые эмпирики сейчасъ сказали бы: „можетъ быть это и ложь, но можетъ быть и фактъ; тогда передъ фактомъ нечего разсуждать!“

Такого, по истинѣ безвыходнаго, положенія признать нельзя. Если каждое движеніе моей мысли будетъ оставлено вопросомъ: „а можетъ быть это фактъ? безсмыс-

ленный, нелѣпый, но фактъ?“—то все вокругъ меня придетъ въ хаосъ, и я уже не могу ровно ничему повѣрить и ровно ничего понять.

Нѣтъ, давайте лучше рассуждать. Прежде чѣмъ повѣрить тому, что намъ рассказываютъ, и прежде чѣмъ приняться за спиритическіе опыты, давайте немножко подумаемъ. По обыкновенному человѣческому разуму, нехорошо, когда человѣкъ берется за дѣло, не рассмотрѣвши, что это такое, и не разсудивши, нужно ли за него браться и въ чему оно можетъ привести. Такъ и тутъ, если мы не хотимъ только шутить и забавляться, мы должны подумать.

Опытовъ, по моему, сдѣлано достаточно, а книгъ написано, какъ и всегда, больше, чѣмъ нужно. Да и посмотрите, кто опыты дѣлалъ?—Люди ученые, извѣстные; дѣлалъ даже таковой гениальный человѣкъ, какъ Фарадей. Почему же я стану предполагать, что увижу лучше и больше, чѣмъ они? Со мною должна повториться одна изъ тѣхъ исторій, которыя случились съ ними; или опыты будутъ неудачны, какъ у Фарадея, Тиндала, Менделѣева, или я увижу то, что видѣли Уоллесъ, Бутлеровъ, Вагнеръ. Съ какой стати я воображу, что именно мнѣ придется все разрѣшить и открыть сущность дѣла?

Итакъ, я не нахожу ни нужды, ни пользы выходить изъ толпы непосвященныхъ; я присоединяюсь къ этимъ десяткамъ и сотнямъ тысячъ читателей, которые узнаютъ о спиритизмѣ только изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, и, по праву и закону человѣческой природы, принимаютъ размышлять о немъ. Я всею душою вхожу въ ихъ положеніе и предлагаю имъ: давайте думать вмѣстѣ.

Прежде всего обратимся къ себѣ, а пожалуй и къ нашимъ проповѣдникамъ, съ такими вопросами:

Что такое спиритическія явленія? Мы не спрашиваемъ объ ихъ сущности, а только о томъ разрядѣ, куда ихъ слѣдуетъ отнести. Намъ представляется слѣдующая дилемма:

1) Или это—естественныя явленія, образующія только новую область, подобно тому, какъ нѣкогда новою областью были явленія магнетическія, электрическія, волосность, эндосмосъ и т. д.

2) Или это—явленія сверхъестественныя, чудеса, то есть дѣйствія міра сверхчувственного, который стоитъ выше природы и имѣетъ силу измѣнять ея законы.

Вотъ два разряда; изъ которыхъ одинъ составляетъ отрицаніе другаго, такъ что третьяго разряда и вообразить невозможно. Если мы имѣемъ какія-нибудь понятія о законахъ природы, о свойствахъ и порядкахъ ея явленій, то мы сейчасъ рѣшимъ, принадлежитъ ли данное явленіе (дѣйствительное или воображаемое—все равно),— въ естественнымъ; или нѣтъ. Если въ спиритическихъ явленіяхъ оба разряда явленій смѣшаны, то натуралисты, повидимому, должны бы умѣть отдѣлить естественныя отъ неестественныхъ, и сказать намъ, которыя принадлежатъ въ одному и которыя въ другому разряду.

Но что же оказывается? Натуралисты ведутъ себя въ настоящемъ случаѣ чрезвычайно лукаво; они всячески уклоняются, не только отъ рѣшенія, но и отъ постановки вопроса; они усиленно укрываются за чистый эмпиризмъ и твердятъ: „это факты, новые факты; ихъ нужно изслѣдовать, ничего не предрѣшая“. Они даже прикидываются, что не понимаютъ, чего мы хотимъ, и принимаются жаловаться на наши предрасудки, на наше упорство противъ науки, на деспотизмъ нашихъ мнѣній.

Между тѣмъ, казалось бы легко понять, что дѣло

идеть о предметѣ, имѣющемъ для насъ величайшую важность, и потому хоть немножко потрудиться вникнуть въ наши мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, если спиритизмъ состоитъ изъ явленій естественныхъ, но только новыхъ, то намъ странно, изъ-за чего натуралисты такъ волнуются. Мы не имѣемъ причины волноваться. Мало ли новыхъ фактовъ? Пусть натуралисты ихъ изслѣдуютъ съ свойственнымъ имъ мастерствомъ; мы спокойно подождемъ результатовъ.

Но, если спиритизмъ есть чудо, обнаруженіе сверхъестественныхъ силъ,—то дѣло другое. Мы всё воспитаны въ той мысли, что есть міръ, состоящій выше природы. Мы съ дѣтства не вѣрили, и большею частію не вѣримъ до сихъ поръ, чтобы земная жизнь содержала весь смыслъ нашего существованія, и чтобы все бытіе было такъ скудно и глухо, какъ то, что называется вещественною природою. Итакъ, если спириты могутъ приподнять намъ завѣсу, закрывающую этотъ высшій міръ, то они укрѣпятъ тѣ вѣрованія и подтвердятъ тѣ надежды, на которыхъ до сихъ поръ держится жизнь главной массы человечества. Вотъ та могущественная струна, которую затрогиваютъ рассказы о спиритическихъ явленіяхъ.

Не странно ли послѣ этого, что натуралисты считаютъ возможнымъ обойти вопросъ такой безмѣрной важности? Они, какъ я сказалъ, не хотятъ даже поставить этого вопроса,—и для этого стараются доказать, будто бы самая наша дилемма неправильна. „Мы, говорятъ они, вовсе не имѣемъ такихъ понятій о законахъ природы, о свойствахъ и порядкахъ ея явленій, чтобы могли рѣшить, принадлежитъ ли данное явленіе

(дѣйствительное, или воображаемое) къ естественнымъ, или къ сверхъестественнымъ. Мы не знаемъ, утверждаютъ они, что возможно и что невозможно, и считаемъ притязаніе на такое знаніе—нелѣпнымъ“. Вотъ та величайшая крайность, до которой дошли наши изслѣдователи спиритизма, и вы видите, что дойти до нея они были необходимо вынуждены; вотъ геркулесовы столбы эмпиризма. Ибо, если мы не въ состояніи различить, что вещественное и что духовное, что естественно и что чудо, что возможно и что невозможно,—то тогда нечего разсуждать, нечего удивляться, нечего думать о наукѣ, а остается только завести тетрадку съ надписью: *все возможно*, и записывать въ нее фактъ за фактомъ.

Удивительно приятно однако же то, что для нашихъ ученыхъ какъ-будто неизвѣстно и непонятно существованіе совершенно иного ученія о человѣческомъ познаніи, ученія очень распространеннаго, имѣющаго большую силу и составляющаго неодолимое препятствіе къ признанію спиритизма. Удивительно то, что они до того закоснѣли въ чистомъ эмпиризмѣ, что ничего другаго и не видятъ, не хотятъ и говорить объ иномъ ученіи, и вмѣсто того, чтобы объяснить намъ, непосвященнымъ, его несостоятельность, только бранятъ насъ за упорство. Въ одномъ лишь мѣстѣ профессоръ Бутлеровъ коснулся этого вопроса, но не сталъ распространяться.

„Я желалъ бы только“, пишетъ онъ, „не встрѣтить предъ взятыхъ мнѣній и доводовъ въ родѣ того, который гласитъ, что *этого не могло быть потому что это невозможно*, между тѣмъ какъ, при сколько нибудь серьезномъ мышленіи, ясно, что внѣ области чисто спекулятивной, вопросъ о невозможности какого-либо явленія природы—не рѣшается окончательно апіорнымъ пу-

„темъ“ (стр. 308). Это значитъ, что если только мы не зайдемъ въ область спекуляціи, мы не имѣемъ средствъ рѣшить, — возможно, или невозможно какое-нибудь явленіе.

Но отчего же намъ не зайти въ спекулятивную область? Отчего нашъ ученый думаетъ, что стоитъ только назвать эту область, чтобы всѣ отъ нея отвернулись и побѣжали? Отчего онъ не видитъ, что въ эту область заходятъ всѣ, даже самые простые люди, незнающіе даже и слова *спекуляція*? Отчего онъ не предполагаетъ, что именно въ этомъ заключается величайшее препятствіе для вѣры въ факты, подобные спиритическимъ? И слѣдовательно, почему онъ не удостоитъ разоблачить передъ нами эту, по его мнѣнію, столь вредную доктрину?

Человѣческая мысль подвергается въ наши дни великому презрѣнію. Съ нею не хотятъ считаться, объ ней и говорить не хотятъ. Ее считаютъ предразсудкомъ и видятъ въ ней помѣху, которую надѣются побѣдить фактами.

Однако посмотримъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я прямо приступлю къ дѣлу.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНАГО.

Чистая математика.—Явленія не подходящія подъ математику и явленія противорѣчающія математикѣ.—Воображаемые опыты.—Причины.—Законы.—Переходъ отъ математики къ физикѣ.—Платоновская теорія воспоминанія.—Кошка съѣдающая мышь.—Заключеніе.

Вѣрите ли вы въ непреложность чистой математики? Убѣждены ли вы въ томъ, что дважды два четыре, что эти и подобныя истины справедливы всегда и вездѣ, и что самъ Богъ, какъ говорили въ старыя времена, не могъ бы сдѣлать дважды два пять, не могъ бы измѣнить ни одной изъ таковыхъ истинъ? Я убѣжденъ въ этомъ, и полагаю, что и вы убѣждены, такъ что, какъ ни любопытно и важно разъясненіе того, на чемъ основано это убѣжденіе, можно покамѣсть отложить это разъясненіе. Что касается до нашихъ натуралистовъ, то и они, повидимому, признаютъ непреложность математическихъ истинъ; говорю *повидимому*, потому что они не сочли за нужное точно сказать, признаютъ ли они что-нибудь, кромѣ своихъ любимыхъ фактовъ. По нѣкоторымъ выраженіямъ, можно подумать даже, что они сомнѣваются въ математикѣ; но я предполагаю, что это лишь обмолвки, вырвавшіяся у нихъ по неосмотрительности, и не подлежащія строгому разбору.

Такъ, напримѣръ, профессоръ Вагнеръ, который, вообще, во сто разъ менѣе точенъ и остороженъ, чѣмъ профес-

сорь Бултеровъ, въ одномъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ подсмѣивается надъ увѣренностію ученыхъ въ твердости нынѣшнихъ наукъ:

„... вдругъ теперь открывается новый міръ со своими „законами, со своими силами, которыя сильнѣе нашихъ „земныхъ (?) силъ. Какъ же не встрѣтитъ скептицизмомъ „и глумленіемъ эту новую область намъ, которыхъ „глубокая ученость измѣрила глубину небесныхъ океановъ „и свѣсила далекіе міры (и ?) солнца? Неужели же наши „вѣсы и *математическіе законы ничтожны* передъ ка- „кими-то невѣдомыми законами, которые, *неизвѣстно еще,* „*подчинятся ли непогрѣшимой математикѣ или нѣтъ?* „Да, это крайне обидно для нашего гордаго, ученаго „ума“ („Русск. Вѣстн.“ 1875 г. № 10 стр. 948).

Здѣсь очевидная насмѣшка надъ математическими законами и непогрѣшимостію математики. Но въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понять эту насмѣшку? Въ томъ ли, что есть явленія, которыя *противорѣчатъ* математикѣ, ниспровергаютъ ея законы,—или только въ томъ, что есть явленія, которыя *находятся* *вне* области математики? Можно принять, что авторъ имѣлъ въ виду этотъ послѣдній смыслъ, и что онъ въ непреложности математики не сомнѣвается; онъ какъ бы хотѣлъ возразить противъ тѣхъ, которые думаютъ, что всѣ предметы знанія должны и могутъ быть разсматриваемы математически, и потому указываетъ на спиритическія явленія, о которыхъ этого сказать нельзя. Таковъ самый лучший смыслъ его словъ. Но въ дѣйствительности они имѣютъ другое направленіе; если вспомнить рассказы о спиритическихъ явленіяхъ, то мы увидимъ, что профессору Вагнеру хотѣлось выразить другое; онъ, очевидно, хотѣлъ сказать: „есть вещи, есть явленія, которыя *должны бы*

подлежать нашимъ вѣсамъ и математическимъ законамъ, но на самомъ дѣлѣ не подлежатъ; есть вещи и явленія, которыя *должны бы* подчиняться непогрѣшимой математикѣ, но не подчиняются; отдаленнѣйшія звѣзды и всѣ небесные океаны подчиняются, а эти вновь открытыя явленія—нѣтъ; вотъ въ чемъ великая новость“.

Если такъ, то позволю себѣ заявить, что я не только признаю непогрѣшимость математики, но и убѣжденъ непоколебимо, что такихъ вещей и явленій, о которыхъ говорить, или хотѣлъ говорить, профессоръ Вагнеръ, нѣтъ, что они—*невозможны*.

Всѣ предметы, о которыхъ говорить математика, подчинены ей безусловно, а о предметахъ, которые ей не подчинены, она и не говоритъ, и говорить не можетъ.

Въ математикѣ, на примѣръ, существуютъ положенія: „двѣ величины равныя порознь третьей равны между собою“; „двѣ стороны треугольника вмѣстѣ взятыя больше третьей“. Если предметы, о которыхъ мы разсуждаемъ или которые разсматриваемъ, не суть величины, не суть треугольники, то указанная математическія положенія въ нимъ вовсе не относятся; если же дѣло идетъ о величинахъ и треугольникахъ, то эти положенія будутъ безусловно вѣрны, и не только спириты, но самъ Богъ не могъ бы создать такихъ величинъ и такихъ треугольниковъ, для которыхъ эти положенія оказались бы ложными.

Итакъ, согласимся признавать математическія истины непреложными, условимся считать ихъ внѣ сомнѣнія, и пойдемъ далѣе. Если намъ удастся сдѣлать отсюда хотя одинъ небольшой шагъ въ область непреложнаго и почувствовать, что у насъ твердая почва подъ ногами, то, полагаю, сущность вопроса уже очень выяснится передъ нами.

Для этого я хотѣлъ бы сдѣлать съ вами опытъ, такой простой и ясный опытъ, что его можно даже и не дѣлать, а только вообразить, только предположить. Положимъ, что вы кромѣ математики ничего непреложнаго не признаете, что за этимъ исключеніемъ вы чистый эмпирикъ и вѣрите только фактамъ. Я приглашаю васъ съ свой кабинетъ и показываю вамъ двѣ палочки изъ сургуча, изъ дерева, или, пожалуй, изъ какаго-нибудь вамъ неизвѣстнаго матеріала. Я объявляю вамъ, что хочу переломить ихъ пополамъ, и спрашиваю васъ, сколько у меня выйдетъ половинокъ? Вы говорите: четыре. Я переламаваю передъ вашими глазами свои палочки, раскрываю ладони—оказывается *пять!*

Что вы скажете на это? Повѣрите ли собственнымъ глазамъ? Я увѣренъ, что нѣтъ; вы, конечно, подумаете, что я сплутовалъ и незамѣтно подсунулъ лишнюю половинку. Но тогда я васъ стану уверять въ томъ, что вы измѣняете строго-эмпирическому методу и заражены страстью въ апіорнымъ выводамъ. Не думайте, скажу я вамъ, что здѣсь можно судить по математическому положенію: *дважды два четыре*. Математика справедлива только въ отвлеченіи, когда мы мысленно перемножаемъ два на два. Но если оказался фактъ, къ которому математическое правило неприменимо, то фактъ все-таки останется фактомъ. По настоящему, вы даже не имѣете права требовать, чтобы я указалъ вамъ причину уклоненія факта отъ правила; но, если угодно, я признаю и непреложность причинной связи явленій, и сейчасъ-же вамъ укажу нѣсколько причинъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть это уклоненіе. Можетъ быть, оно происходитъ:

- 1) Отъ *матеріала* палочекъ. Это такой сургучъ, такое

дерево, скажу я, что при переломѣ оказывается лишняя половинка.

2) Отъ *способа* переламыванія. Я такъ умѣю ломать, скажу я, всякія палочки.

3) Отъ того стола, на которомъ производился опытъ, или отъ той комнаты, въ которой онъ происходилъ.

4) Отъ того, что я особенный человекъ — медиумъ, или еще лучше, я скажу, что тутъ не я, а вы сами причина, что вы-то и есть медиумъ, только сами того не знаете.

Ну что вы мнѣ возразите противъ этого? Такъ какъ всякій опытъ производится при извѣстныхъ частныхъ обстоятельствахъ, то я могу сослаться на любое изъ этихъ обстоятельствъ. И вы не имѣете права отвергать ни одинаго моего объясненія, такъ какъ судить *вообще*, выставять положенія, имѣющія мѣсто для *всѣхъ* случаевъ, для *всѣхъ* обстоятельствъ, вы не имѣете права. Это запрещено строгимъ эмпиризмомъ, это значило бы судить не по опыту, а аргію.

Итакъ, вы должны молчать, а я стану продолжать свои эксперименты.

Вотъ у меня двѣ кучки монетъ, положимъ—гривенниковъ; въ одной 11, въ другой 19 гривенниковъ. Смотрите, я ихъ смѣшиваю въ одну кучку, и считаю, сколько вышло. Вы думаете, конечно, тридцать; оказывается 31, т. е. одинъ гривенникъ лишний.

Второй экспериментъ. Беру палочку и разбиваю эту общую кучку гривенниковъ на двѣ кучки. Считаю, нахожу въ одной 7, въ другой 23; слѣдовательно, одинъ гривенникъ пропалъ.

Третій экспериментъ. Эти двѣ новыя кучки соединяю въ одну. Считаю, и нахожу опять 31. И т. д.

Вы изумляетесь, но я торжествую и увѣщаваю васъ не колебаться въ эмпиризмъ и твердо вѣрить фактамъ. Посмотрите, прибавляю я, тутъ оказывается даже нѣкоторая законность. Очевидно, какая-то сила стремится къ такъ называемымъ *первымъ* числамъ. *Первыми* числами называются въ математикѣ числа, которыя ни на какое другое число не могутъ раздѣлиться безъ остатка. Таковы 11, 19, 31, 7, 23. Какая-то сила не хочетъ, чтобы получались другія числа, кромѣ первыхъ, и вотъ отчего—то гривенникъ прибавится, то исчезнетъ.

Вы спросите, отчего зависитъ дѣйствіе этой силы? Я опять отвѣчу, что или отъ меня, или отъ моей комнаты, или отъ васъ самихъ, или, наконецъ, отъ того, что сегодня четвертый вторникъ одиннадцатаго мѣсяца, что луна теперь убываетъ и планета Юпитеръ настолько-то подошла къ Сатурну и т. д. Я могу сослаться на множество причинъ, и могу дать моимъ опытамъ большое разнообразіе. Напримѣръ, я устрою у себя музыку и стану наблюдать, какъ подъ эту музыку будутъ складываться и раздѣляться гривенники. Или я буду, въ моментъ складыванія и раздѣленія, произносить извѣстные слова, думать объ извѣстныхъ предметахъ, и буду замѣчать, какіе отъ этого получатся результаты. Я сдѣлаю такимъ образомъ цѣлыя ряды опытовъ, пожалуй въ присутствіи многихъ свидѣтелей, и потомъ напечатаю все это, въ поученіе современниковъ и потомства.

Ну что вы скажете? Я серьезно спрашиваю васъ, признаете ли вы подобныя явленія возможными, или нѣтъ? Подумайте и отвѣчайте. Надѣюсь, что вы скажете: нѣтъ. Безъ всякихъ опытовъ, и даже безъ всякой мысли объ опытахъ, вы скажете, что такія явленія невозможны. Вы даже откажетесь идти въ тому физіку, который

стать бы васъ приглашать наблюдать эти явленія. Ваше невѣріе будетъ такъ же упорно, какъ невѣріе Руссо, который говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „если бы мнѣ сказали, что въ сосѣдней комнатѣ разсыпался типографскій шрифтъ и что случайно вышелъ изъ буквъ первый стихъ Энеиды, то я даже не поднялся бы съ мѣста, чтобы посмотрѣть, правду ли мнѣ говорятъ“.

Но что же значить *невозможно*? Откуда у насъ является такое непобѣдимое упорство? Попробуемте сколько-нибудь разяснить себѣ это дѣло.

Для этого, очевидно, намъ уже не слѣдуетъ дѣлать опытовъ и наблюдений, а придется анализировать свои мысли; противъ желанія г. Бутлерова мы будемъ вынуждены зайти въ *спекулятивную область*, въ ту область, которая, по предразсудкамъ нашего времени, считается чѣмъ-то темнымъ и дивимъ, но которая, въ сущности, есть всегдашняя и законная область человѣческаго ума. Еще Платонъ училъ, что есть познаніе подобное *воспоминанію*, то есть, не почерпаемое изъ предметовъ, насъ окружающихъ, а существующее въ самой душѣ и какъ-будто усвоенное ею въ какомъ-то прежнемъ существованіи, раньше ея соединенія съ тѣломъ. Попробуемъ же и мы *вспомнить*, какія вещи по сущности своей возможны, и какія невозможны.

Когда я переламываю двѣ палочки пополамъ, или смѣшиваю двѣ кучки гривенниковъ, то я совершаю нѣкоторое *дѣйствіе*. Для меня совершенно ясно, въ чемъ состоитъ это дѣйствіе; оно состоитъ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ измѣненіи пространственныхъ отношеній, при чемъ всѣ другія свойства и отношенія вещей остаются безъ перемѣны. Каждая вещь можетъ находиться въ разное время въ разныхъ мѣстахъ и при этомъ остается

тою же вещью. Такъ что, измѣняя мѣсто вещей, измѣняя порядокъ, въ которомъ я ихъ считаю, я не измѣняю самихъ вещей. Я знаю, что дѣлаю, и потому знаю, что изъ этого выйдетъ. Я не могу тутъ получить того, чего самъ не произвелъ, не могу вынуть ничего, кромѣ того, что самъ же положилъ. Всякій опытъ можетъ дать только то, что заключается въ его условіяхъ, а такъ какъ здѣсь условія полагаются мною самимъ, то и результатъ мнѣ извѣстенъ прежде всякаго опыта. Если я вообще могу сосчитать гривенники, лежащіе въ одной кучкѣ, то я долженъ получить тотъ же результатъ, то же число, на какія бы кучки я ихъ ни разбивалъ, и въ какія бы ни соединялъ. Если же у меня получаются разные результаты, то значитъ, я не могу сосчитать и вообще ни одной кучки.

Не знаю, достаточно ли это ясно и убѣдительно, но я принужденъ на этомъ остановиться. Тутъ возникаютъ важныя и обширныя вопросы о числѣ, пространствѣ, времени и т. д., въ которые вдаваться здѣсь, конечно, невозможно. Но мнѣ хотѣлось только нагляднымъ примѣромъ вызвать въ васъ мысль, что могутъ быть физическія истины столь же непреложныя, какъ математическія, что, по природѣ своей, по очевидному априорному характеру, тѣ и другія истины не различаются, что въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о вещественныхъ явленіяхъ, нужно иногда только хорошенько *вспомнить*, какъ выражается Платонъ, основанія, хранящіяся въ нашей душѣ, и мы безъ наблюденій заранѣе найдемъ, какихъ результатовъ слѣдуетъ ожидать. Въ математикѣ это всего легче; вещественная же природа, очевидно, постоянно насъ чѣмъ-то развлекаетъ, чѣмъ-то мѣшаетъ намъ вспоминать ясно и отчетливо. Мало по малу дѣло однако же

подвигается впередъ, и истинный успѣхъ физическихъ наукъ заключается именно въ томъ, что истины физическія получаютъ характеръ математической непреложности.

Но сдѣлаемте, для ясности, еще шагъ. Вѣроятно, многимъ читателямъ статья моя покажется сухою, скучною и неудобопонятною; но я попробую высказаться до конца. И такъ, сдѣлаемъ еще нѣсколько эспериментовъ.

Если у меня два стакана и въ каждомъ нѣкоторое количество воды, и если я вылью воду изъ одного стакана въ другой, то въ какомъ отношеніи количество соединенной воды будетъ къ количествамъ, бывшимъ отдѣльно въ стаканахъ? Конечно, соединенное количество будетъ сумма прежнихъ отдѣльныхъ количествъ. Это вы скажете безъ всякаго опыта, и на томъ самомъ основаніи, на которомъ число гривенниковъ въ соединенной кучкѣ равняется суммѣ чиселъ въ отдѣльныхъ кучкахъ. Но какъ убѣдиться въ этомъ прямымъ измѣреніемъ? Воду считать нельзя, и, если стаканы не имѣютъ особенной правильной формы, то и объемъ жидкостей очень трудно опредѣлить. Самый легкій способъ, какъ вы конечно знаете, — *взвѣсить* тѣ количества жидкостей, которыя желаемъ опредѣлить. Тогда окажется, что вѣсъ соединенной воды равенъ суммѣ вѣса воды одного стакана и вѣса воды другаго. Этотъ способъ измѣренія вещества оказался самымъ удобнымъ и самымъ надежнымъ, и потому имѣетъ наибольшее употребленіе въ физическихъ наукахъ. Вы видите однако же, что этотъ приѣмъ есть лишь точное повтореніе того, что мы дѣлали, считая гривенники; онъ вполне соотвѣтствуетъ этому счету и замѣняетъ его. Старинные физики явно выражали эту мысль, когда давали такіа опре-

дѣленія: „количество вещества въ какомъ нибудь тѣлѣ есть *число* атомовъ, въ этомъ тѣлѣ заключающихся“. Откуда слѣдовало, что два количества въ соединеніи заключаютъ соединенное число атомовъ, т. е. сумму двухъ чиселъ.

Мы сливали воду съ водою. Но что будетъ, если мы сольемъ различныя жидкости, или соединимъ различныя жидкости съ различными твердыми тѣлами? Тутъ происходятъ разнообразнѣйшія явленія, часто блестящія и поразительныя, такія любопытныя, что химики, заглядѣвъшійся на нихъ, забывали измѣрять, и даже не задавали себѣ того вопроса о количествѣ, на который мы желаемъ отвѣта. Когда же задали, когда стали измѣрять, оказалось, что происходитъ тоже самое, что съ водою, то есть вѣсъ соединеннаго вещества всегда равняется суммѣ вѣса составныхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что передъ нами безъ конца повторяется нѣкоторое простѣйшее правило, которому слѣдуютъ вещественныя явленія. Правило это такъ просто, что первые химики признавали его за нѣчто само собою разумѣющееся и употребляли только *для потырки* производимыхъ опытовъ. Но нынче это правило провозглашено великимъ открытіемъ и украшено очень пышными названіями. Оно именуется *закономъ сохранения вещества*, или также *вѣчностью матеріи*, даже *безсмертіемъ матеріи*, какъ выражается высокопарный Молешоттъ. Между тѣмъ, въ сущности, это правило гласитъ только, что въ веществѣ мы можемъ дѣлать измѣренія, опредѣлять *количества*, и что находимыя въ немъ количества, какъ всякія количества, подчиняются законамъ сложения и вычитанія чиселъ. Въ сущности, уже изъ того, что вѣсъ воды, заключающейся въ

стаканѣ, есть опредѣленное *количество*, я долженъ заключить, что, приливши новое количество воды, получу сумму двухъ количествъ. Если бы законъ сложения не соблюдался, то невозможно было бы и вообще взвѣсить воду: ея вѣсъ не былъ бы опредѣленнымъ количествомъ.

Таковъ смыслъ такъ называемаго *сохраненія вещества*, и этотъ смыслъ всего лучше показываетъ, отъ чего зависитъ непреложность этого закона. Она зависитъ не отъ того, что мы проникли въ сущность вещества, а только отъ того, что беремъ въ немъ лишь одну сторону, одну черту, беремъ лишь то, что подлежитъ измѣренію, а слѣдовательно и всѣмъ законамъ числа. Прибавляю это замѣчаніе потому, что натуралистовъ часто упрекаютъ въ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ, въ гордой мысли, будто имъ доступна сущность явленій. Такъ и г. Вагнеръ жалуется на ученую гордость, будто бы составляющую главное препятствіе къ принятію спиритизма. Жалоба эта въ извѣстномъ смыслѣ справедлива; нѣтъ нынче на свѣтѣ людей болѣе самодовольныхъ, болѣе увѣренныхъ, что они *ходятъ въ свѣтъ*, чѣмъ натуралисты. И вотъ почему я прошу васъ замѣтить, что законъ вѣчности вещества, по моему мнѣнію, составляетъ столь скудную истину, что она не должна ни мало льстить человѣческой гордости и ни мало не удовлетворяетъ нашего истиннаго, глубокаго любопытства. Увы! то, что мы знаемъ такъ несомнѣнно, — почти ничего въ себѣ не содержитъ! Наши истины тогда, и потому только, ясны и непреложны, когда изъ нихъ выключается сердцевина дѣла, когда въ нихъ обходится сущность вещей.

Представьте себѣ, напримѣръ, что какой-нибудь человекъ, положимъ Сократъ, выпилъ ядъ и умеръ. Какое событіе! Смерть вообще, не только человека, а всякаго

животнаго, всякаго организма, есть очень загадочное дѣло, въ той же степени загадочное, какъ жизнь. А тутъ! Мы до сихъ поръ размышляемъ надъ смертью Сократа—такъ этотъ фактъ полонъ для насъ важности и смысла. Въ минуту же событія, каждый конечно сказалъ бы: „Сократъ поставилъ себя выше смерти; это его послѣдній и высшій урокъ, подтверждающій и завершающій все его ученіе“.

Посмотрите же, какой странный получится контрастъ, если мы подведемъ это событіе подъ физическій законъ сохраненія вещества. Этотъ законъ тутъ вполне примѣняется; онъ гласитъ, что вѣсъ мертваго тѣла Сократа былъ въ точности равенъ: вѣсу тѣла Сократа до принятія яда, сложенному съ вѣсомъ выпитой имъ цикуты. Это свѣдѣніе, совершенно несомнѣнное, очевидно, не уловляетъ ни единой существенной черты факта. Есть однако натуралисты, которые съ какимъ-то наивнымъ торжествомъ говорятъ о томъ, что въ подобныхъ случаяхъ ни одинъ атомъ вещества не теряется, что люди умираютъ, но вещество бессмертно. Увы! Это значитъ только, что мы ничего не понимаемъ въ тайнахъ жизни и смерти, что мы умѣемъ твердо стоять лишь на такой точкѣ зрѣнія, съ которой между человѣкомъ и камнемъ нѣтъ различія, и смерть Сократа не представляетъ ни малѣйшаго измѣненія въ мірѣ.

Возьмемъ еще примѣръ; возьмемъ простое явленіе, на значительность котораго, обыкновенно упускаемую изъ виду, съ особенною рѣзвостію указалъ какъ-то Гегель. Положимъ, у насъ живая кошка и живая мышь, и мы тщательно взвѣсили то и другое животное. Представимъ, что кошка съѣдаетъ мышь. Чтò случилось? Случилось собственно дѣло удивительное. Одно изъ двухъ

существо уничтожило другое, то есть, не только соединилось съ нимъ, сблизилось съ нимъ въ пространствѣ, а обратило его въ свою плоть и кровь, претворило его въ самого себя; изъ двухъ самостоятельныхъ существъ, такихъ, что самостоятельности ихъ намъ нивавя существова не извѣстны, и что лишь подобныя существа мы можемъ называть дѣйствительно отдѣльными существами, — изъ двухъ такихъ существъ вышло одно. Въ извѣстномъ отношеніи, ариметика нарушена самымъ рѣзкимъ образомъ; но за то въ другомъ отношеніи, какъ оказывается, законъ сложения соблюденъ строжайшимъ образомъ. Если взвѣсить потомъ кошку, окажется, что вѣсъ ея будетъ въ точности равенъ: ея прежнему вѣсу, сложенному съ вѣсомъ мыши.

Многое можно было бы еще сказать на эту тему, на ту тему, что есть извѣстный смыслъ въ ученіи Пифагора, принимавшаго числа за сущность вещей, что дѣйствительно *regunt numeri mundum* (числа управляютъ міромъ). А съ этою темою соприкасаются другіе предметы; она связана съ самыми коренными вопросами о нашемъ познаніи вообще и о томъ, что слѣдуетъ называть сущностью вещей. Но я ограничусь сказаннымъ; я хотѣлъ дать почувствовать, что есть и могутъ быть физическія истины несомнѣнныя, какъ аксіомы математики, и что, слѣдовательно, говоря о вещественныхъ явленіяхъ, мы въ извѣстныхъ случаяхъ можемъ совершенно точно различать *возможное отъ невозможнаго*. Вотъ та точка зрѣнія, на которую я желалъ бы поставить вопросъ о спиритизмѣ, которая, по моему, одна тверда, ясна и плодотворна. По всей вѣроятности, слова мои останутся *гласомъ вопіющаго въ пустынь*; предубѣжденные натуралисты, съ такою увѣренностью во-

ображающіе, что у нихъ подъ руками не числа, не суммы и разности, а *чистые факты*, а сама сущность дѣла, ни за что не откажутся отъ своего эмпиризма. Да, скучна, очень скучна физика, химія, еще скучнѣе математика и гносеологія; чистый эмпиризмъ гораздо занимательнѣе! Для меня вполне понятна та жадность, съ которою натуралисты, десятки лѣтъ работавшіе надъ своею наукою, бросились на факты безсмысленные, неподходящіе ни подъ какую науку, ни подъ какія начала, нелѣпыя, безобразныя, безтолковыя. Эти факты лучше утоляютъ какую-то внутреннюю незаглушимую жажду, чѣмъ самыя точныя и ясныя научныя изслѣдованія. Тутъ и причина, почему натуралисты, измѣняя истинному духу своей науки, забывая ея великія преданія, такъ усердно принялись превозносить эмпиризмъ, стали провозглашать его лучшимъ достояніемъ вѣка и человѣчества.

Увы, господа! Ваша скука законна и законна ваша жажда; но тотъ выходъ изъ вашего положенія, на который вы рѣшились, никуда не годится. Случай этотъ составляетъ поучительный примѣръ, показывающій, что тьма, въ которой бродитъ человѣчество, не разсвѣтается свѣтомъ вашего естествознанія, а напротивъ почему-то сгустилась нынче надъ вами больше, чѣмъ надъ другими людьми; вамъ нужно искать другаго, болѣе правильнаго выхода, слѣдовательно—другаго, болѣе надежнаго свѣта.

1876.

II.

ЕЩЕ ПИСЬМО О СПИРИТИЗМѢ.

(Новое Время, 1 февр. 1884 г.)

Въ наукѣ нѣтъ ничего постояннаго. Все въ ней измѣняется; нѣтъ ни единаго закона, никакой истины, никакого общаго положенія, которое не могло бы быть измѣнено и опровергнуто дальнѣйшими изслѣдованіями.

Это не я говорю; это говоритъ профессоръ Н. П. Вагнеръ. Онъ заявлялъ это и прежде, а теперь высказалъ еще яснѣе въ „Открытомъ письмѣ“ во мнѣ („Новое Время“, 1883 г., 13-го и 20-го іюля).

Я же говорю совершенно противоположное; я утверждаю, что въ наукахъ существуютъ неизмѣнныя истины, такія общія положенія, такіе законы, теоремы, которые никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ оказаться ложными, которые останутся неприкосновенными, не смотря ни на какія дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія. Это было высказано мною въ *Трехъ письмахъ о спиритизмѣ* (см. выше).

Вотъ въ чемъ состоитъ нашъ споръ; вотъ его главный пунктъ, существенный вопросъ. Если любезный читатель желаетъ удостоить насъ своего вниманія, то я поворно прошу его не упускать изъ виду, что все дѣло

именно въ этомъ, въ вопросѣ о *непреложныхъ истинахъ*. Не будемъ путаться и раскидываться; перестанемъ пускать свою мысль по вѣтру и безбожно марать бумагу, въ предположеніи, что это кому-то полезно, и въ надеждѣ, что кто-то другой поправитъ дѣло, а намъ нужно только заварить ванну и произвести сумятицу въ головахъ простодушныхъ читателей. Вотъ передъ нами настоящее дѣло; вотъ опредѣленный, ясный и точный вопросъ: *существуютъ ли въ наукахъ непреложныя истины?* Мнѣ можно бы было истинно гордиться, если бы наши ученые спириты, по поводу моей полемики, обратили вниманіе на этотъ вопросъ и стали имъ заниматься. Тогда бы началось, по моему убѣжденію, дѣйствительное *изслѣдованіе* предмета, а не толкованіе вервиль и вкось, не представляющее никакой научной строгости и не дающее поэтому никакой надежды на выходъ, на правильную постановку и разъясненіе дѣла. Безъ сомнѣнія многимъ нравится то состояніе, когда у нихъ туманъ въ головѣ и смутно бродятъ въ душѣ чувства страха, удивленія, надежды, недоумѣнія. Но оставимъ на время эту забаву и возьмемъ за правильную работу.

Чтобы доказать свою мысль о непреложныхъ истинахъ, я ссылался на то, на что обыкновенно ссылаются въ этомъ случаѣ. Я указывалъ во первыхъ на математику, на математическія теоремы и аксіомы, на то, что дважды два четыре и что въ треугольникѣ двѣ стороны вмѣстѣ взяты больше третьей. Кромѣ того, я указывалъ и на другія истины, на тѣ, которыя имѣютъ силу въ механикѣ и физикѣ, на примѣръ, что всякая перемѣна имѣетъ причину, что вещество не исчезаетъ и не прибавляется. Такъ какъ г. Бутлеровъ открыто и прямо призналъ непреложность математическихъ положеній, то

я старался показывать связь между этими положеніями и истинами физическими. Законъ сохранения вещества я сводилъ на дважды два четыре, на законъ чиселъ. И вообще, я ставилъ вопросъ, не сводятся ли физическіе и другіе законы природы на нѣкоторыя непреложныя истины, на математическія, или какія другія подобныя положенія? Если какіе законы сводятся, какъ напримѣръ законъ сохранения вещества, то необходимо признать и эти законы совершенно непреложными, ненарушимыми ни въ какомъ случаѣ. Если же мы большинство найденныхъ нами законовъ и не умѣемъ еще свести на непреложныя истины, то очевидно мы, однакоже, пытаемъ увѣренность, что такое сведеніе возможно, и только поэтому рѣшаемся заранѣе, не достигши полной теоріи, признавать ихъ неизбежность. Вотъ отчего, обыкновенные натуралисты съ такимъ непобѣдимымъ недоувѣріемъ смотрятъ на спиритическія явленія. Какихъ бы они взглядовъ ни держались, они вообще убѣждены въ неизмѣнности порядка природы, то есть въ томъ, что вполнѣ познанныя наукою черты этого порядка сводятся на нѣкоторыя непреложныя истины. И, слѣдовательно, относительно каждой черты, по крайней мѣрѣ неизбѣженъ и правиленъ вопросъ о такомъ сведеніи. Тутъ узелъ дѣла, отъ котораго зависитъ вся судьба спиритизма, и его чудесность, и его привлекательность, и то невѣріе и вражда, которыя онъ возбуждаетъ. Ходъ моей мысли, какъ видите, самый простой. Спириты удивляются и даже сердятся, почему имъ не вѣрятъ, почему смѣютъ отвергать ихъ факты. Я и сказалъ почему.

Все это было мною напечатано еще въ 1876 году. Вскорѣ послѣ того, я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ А. М. Бутлеровымъ и съ Н. П. Вагнеромъ и слы-

палъ отъ нихъ нѣкоторые замѣчанія на мои *три письма*; но печатно они мнѣ не возражали, и скоро я сталъ думать, что разсужденія мои, по обыкновенію, останутся безъ всякаго публичнаго отвѣта, котораго, разумѣется, я очень желалъ. Частный разговоръ едва ли когда имѣетъ полную и отчетливую печатнаго заявленія, а главное, не даетъ права на продолженіе спора.

Поэтому я чрезвычайно обрадовался, когда появилось „Открытое письмо“ Н. П. Вагнера. Два листа газеты, въ которыхъ напечатано это письмо, я тщательно берегу, перечитываю и изучаю. Тонъ насмѣшливый и порядочно высокомерный; но меня восхищаетъ то, что г. Вагнеръ, въ сущности, согласился со мною въ самомъ важномъ пунктѣ. Именно, онъ призналъ правильною мою постановку вопроса, призналъ, что вопросъ идетъ о непреложныхъ истинахъ и что спириты отказываются признавать ихъ непреложность. Такого откровеннаго, яснаго заявленія, я думаю, не найдется во всей спиритической литературѣ; такъ что споръ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ въ томъ направленіи, какое ему слѣдуетъ имѣть. Судите сами, противъ чего возражаетъ мой противникъ:

1) Противъ *дважды два четыре*. „Въ нашихъ измѣряющихъ средствахъ“, говоритъ онъ, „нѣтъ ни одного, которое показало бы намъ точную мѣру, или вѣсъ какого нибудь вещества“. „Химіи всегда отбрасываютъ тѣ доли, которыя не могутъ быть ими взвѣшены“... „Такимъ образомъ, мы можемъ только случайно, опредѣлить въ совершенной точности дѣйствительную, а не кажущуюся какую-нибудь единицу“.

Откуда слѣдуетъ, что не только у спирита, а и у простаго химика легко можетъ выйти дважды два три, или дважды два пять.

Возраженіе странное и неправильное съ точки зрѣнія самого автора. Конечно, если мы измѣрять не можемъ, то намъ бесполезна таблица Пифагора. Но невозможность или неумѣнье что-нибудь дѣлать никакъ не доказываетъ, что мы это дѣло имѣемъ право дѣлать на разные лады, какъ намъ вздумается. Кто сможетъ измѣрять и научится считать, для того всегда будетъ дважды два четыре. Слѣдующее возраженіе будетъ лучше.

2) Противъ того, что въ *въ треугольникъ двѣ стороны вмѣстѣ взятыя больше третьей*. Такъ какъ я, говоря объ этой теоремѣ, привелъ давнишнее выраженіе, что самъ Богъ не могъ бы построить неподходящихъ подъ нее треугольниковъ, то мой противникъ находитъ здѣсь, кажется, нѣкоторое богохульство. Онъ удивляется, что я какія-то истины „считаю обязательными“ для Бога, и рѣшительно говоритъ:

„Вы даже для Бога ставите категорію, которую Онъ „перейти не можетъ“. „Но именно на этой неизмѣримой высотѣ, мнѣ кажется, все возможно. Тамъ возможны безконечныя пространства, отсутствіе формы, „всякихъ категорій и даже (не ужасайтесь!) возможны „треугольники, у которыхъ двѣ стороны вмѣстѣ взятыя „меньше третьей“.

Тутъ уже не предполагается, что Богъ ошибается въ измѣреніи, какъ тѣ химики, которыхъ вѣсы недостаточно точны, а прямо утверждается, что Богъ, въ силу своего всемогущества, можетъ отмѣнить какую угодно изъ теоремъ Эвклида.

На это я замѣчу, что о Богѣ или слѣдуетъ вовсе молчать, или же, когда говоримъ о Немъ, то, по крайней мѣрѣ, не приписывать Ему ничего злаго или недѣльнаго. Для Бога все возможно, но это не даетъ намъ права

говорить, что для Него возможны ошибки. И поэтому, если мы вообразимъ себѣ Его производящимъ умноженіе, или опредѣляющимъ свойства геометрическихъ фигуръ, то должны думать, что и для Него дважды-два будетъ четыре, и двѣ стороны треугольника вмѣстѣ взяты будутъ больше третьей.

3) Противъ того, что *часть меньше цѣлаго*. „Вы говорите“, пишетъ мой противникъ, „что часть не можетъ быть больше цѣлаго. Но эта аксіома въ таковой формѣ не есть аксіома. Возьмите отъ большого куска металла небольшой кусочекъ и превратите его въ тонкую пластинку или въ тонкую проволоку. Онъ будетъ больше цѣлаго, займетъ большее пространство. Слѣдовательно, въ выраженію вашей аксіомы, для того, чтобы оно имѣло силу, вы должны сдѣлать дополненіе или оговорку: при *ceteris paribus*. Я могъ бы представить вамъ другіе факты, при которыхъ малое количество вещества являлось необыкновенно большимъ“.

Боже мой! Зачѣмъ же намъ факты? Каждому понятно, что изъ вершка толстой проволоки можно сдѣлать цѣлый аршинъ тонкой. Но только что же это доказываетъ? Вѣдь то, что изъ части одной вещи можно сдѣлать другую вещь, которая будетъ больше первой, вовсе не противорѣчить тому, что въ каждой вещи часть меньше самой вещи, что вещь равна своимъ частямъ взятымъ вмѣстѣ и т. д. Нашъ авторъ сбился. Онъ думаетъ, что положеніе: *цѣлое больше своей части* есть фактъ и что противъ него можно вооружиться другими фактами, экспериментами, исключениями. Но это не фактъ, а тавтологія: цѣлое называется цѣлымъ по отношенію къ своимъ частямъ, и части называются частями только по отношенію къ своему цѣлому.

Никогда я не думалъ, что спириты возстанутъ и противъ тавтологій; я и не выставлялъ имъ этой аксіомы о цѣломъ и частяхъ. Мой противникъ прихватилъ ее по дорогѣ.

4) Противъ *сохраненія вещества*. Съ замѣтною осторожностію выступаетъ мой противникъ противъ этого знаменитаго закона, но все-таки выступаетъ. Сперва онъ вообще замѣчаетъ, что „человѣку трудно представить „себѣ вѣчное бытіе“, или еще рѣшительнѣе, что „понятіе о вѣчности не вмѣщается въ человѣческомъ мозгу“, и потомъ говоритъ: „Вѣчна ли матерія? Предоставимъ „рѣшать этотъ вопросъ матеріалистамъ“ („Новое Время“, 20-го іюля 1883 года). Какъ? А физики и химики? А вѣсы Лавуазье? Вѣдь подъ *стѣпностію вещества* всегда разумѣется неизмѣнное сохраненіе его количества.

Изъ послѣдующихъ разсужденій нашего автора видно, что онъ такъ и разумѣетъ и что онъ отвергаетъ непреложность этого закона. Онъ указываетъ на то, что уже матеріалисты признаютъ эфиръ, „котораго невозможно „ни свѣсити, ни смѣрити“; спиритуалисты же (къ которымъ принадлежитъ авторъ) признаютъ сверхъ того еще „*психическую силу*“, связанную „въ своихъ проявленіяхъ „съ колебаніями эфира“, но притомъ такую, что ей „подчиняются свойства и явленія физическія“. Слѣдовательно, тутъ еще менѣе возможно измѣреніе и взвѣшиваніе, и этому отсутствію мѣры принуждена бываетъ, хотя „въ относительно рѣдкихъ случаяхъ“, подчиниться и матерія.

Впрочемъ, отрицаніе закона сохраненія вещества давно заявлено спиритами; вспомнимъ разсказъ Цѣльнера о столикѣ, исчезавшемъ на нѣсколько часовъ, разсказъ, повторенный въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ г. Бутлеровымъ.

На это я пока не буду дѣлать никакихъ замѣчаній.

Значеніе этого закона я пытался дважды пояснить: въ третьемъ письмѣ „О спиритизмѣ“ (см. выше стр. 28—36) и въ статьѣ „Объ основныхъ понятіяхъ физиологіи“ („Русская Мысль“ 1883, май *). Но теперь, остановимся лучше на общей сторонѣ вопроса, постараемся объять дѣло какъ можно шире. Само собою понятно, что человѣку, убѣжденному въ томъ, что не всегда дважды два четыре и цѣлое больше своей части, уже вовсе не трудно думать, что существуютъ или со временемъ могутъ быть найдены исключенія изъ законовъ сохраненія вещества, сохраненія энергіи, тяготѣнія и т. д. Спрашивается, что значитъ это отрицаніе? Откуда оно возникло и чѣмъ держится?

Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ величайшую важность. Непреложныя истинны составляютъ самое ядро науки, ея существенную и центральную часть. Это—лучшій образецъ нашего познанія, который поэтому составляетъ цѣль и правило всякихъ научныхъ изслѣдованій. Всякія обобщенія дѣлаются и всякіе законы отыскиваются только въ той надеждѣ, что мы посредствомъ ихъ приближаемся къ нѣкоторымъ неизбѣжнымъ положеніямъ, что все многообразіе и разнорѣчіе явленій со временемъ будетъ нами подчинено непреложнымъ истинамъ. Стремленіе къ такому подчиненію есть главный нервъ науки.

Отъ этого происходитъ, что нашъ взглядъ на науку вполне опредѣляется тѣмъ, какъ мы смотримъ на непреложныя истинны, и наоборотъ. Если мы составили себѣ неправильное понятіе о значеніи науки, то мы волей-неволей должны будемъ неправильно судить и о непрелож-

*) Статья эта вошла въ книгу: *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи*. Спб. 1886.

ныхъ истинахъ; мы будемъ принуждены въ усидимъ и попыткамъ сомнѣваться и въ томъ, что дважды два четыре. И вотъ, по моему, секретъ всего заблужденія спиритовъ. Скажу прямо: они *преуменьшили значеніе науки*. Мнѣ приходится стоять за твердость науки, они же ее колеблютъ именно потому, что имъ захотѣлось отъ нея больше, чѣмъ она даетъ. Такъ наказывается всякое превышеніе силъ и правъ. Вздумавши пойти дальше законныхъ предѣловъ науки, расширить ее область, они неизбежно пришли къ отрицанію твердыхъ и ясныхъ путей науки, пришли къ *неопредѣленности*, то есть къ тому, что исключаетъ всякую науку, что ей противно больше всего на свѣтѣ. По жадности къ познаніямъ, погнавшись за мнимыми открытіями, они побросали тяжелыя и вѣрныя орудія науки и пришли—къ *скептицизму*, къ отрицанію истиннаго знанія.

И такъ, вотъ какая задача. Дѣло идетъ ни больше ни меньше, какъ объ истинной силѣ и слѣдовательно объ истинныхъ предѣлахъ науки. Признаюсь, что изслѣдованіе этого предмета представляетъ для меня главный интересъ всѣхъ этихъ разсужденій. Наука есть явленіе блистательное и могущественное. Не только нельзя оставаться равнодушнымъ къ этой важной сферѣ духовной жизни, но нельзя не любить ее, нельзя не восхищаться ея могучимъ и твердымъ развитіемъ. Въ то время, какъ хаосъ царитъ во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческихъ стремленій, одна наука, повидимому, идетъ по ясному пути, крѣпко вѣритъ въ себя, исполнена самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Возьмемъ же ее за исходную точку для устроенія нашего умственнаго міра, для опредѣленія нашихъ отношеній къ другимъ областямъ. Если мы сумѣемъ найти центръ и радіусъ науки, то есть ее истин-

ныя производящія силы, то мы легко опредѣлимъ величину ея сферы и границы, до которыхъ она простирается. Тогда намъ станетъ ясно, что есть многое находящееся внѣ науки, и даже отчасти отвернутся свойства этихъ иныхъ областей, напримѣръ то свойство, которое не даетъ имъ входить въ хорошо знакомую намъ научную область. Случай спиритовъ интересенъ именно въ томъ отношеніи, что эти ученые очевидно выходятъ за предѣлы науки: тутъ очень ясно обнаруживается и то стремленіе, по которому человѣкъ не можетъ вполне довольствоваться только наукою, и та ненарушимость ея предѣловъ, противъ которой они дѣлаютъ свои отчаянныя усилія.

Мой противникъ выражаетъ настроеніе спиритовъ съ такою откровенностію, что разъяснивши себѣ смыслъ его словъ, мы легко поймемъ положеніе дѣла. Почему онъ съ такою развязностію возстаетъ противъ непреложныхъ истинъ? Потому, что онъ видитъ въ нихъ вовсе не то, что слѣдуетъ; онъ воображаетъ, что эти истины суть какіе-то *факты*, какія-то эмпирическія данныя. Онъ очевидно думаетъ, что никакихъ другихъ истинъ и не бываетъ, и быть не можетъ. Онъ и у меня воображаетъ этотъ самый взглядъ. „Вы строите“, говоритъ онъ мнѣ. „границы вашей возможной области изъ реальныхъ фактовъ. Въ нихъ лежитъ ваша точка отравленія. Математическія истины, аксіомы, которыя для васъ составляютъ критеріумъ возможнаго, не заключаютъ въ себѣ ничего логическаго, разумнаго. Это не болѣе, какъ логика фактовъ, логика чиселъ, непонятная ни для кого, и этой логикѣ вы слѣпо вѣрите. Для васъ она выше Бога“...

Дѣло ясное. Если это только факты, если это простыя

эмпирическое познания, то никакъ нельзя утверждать, что невозможны изъ нихъ исключенія, что не можетъ быть фактовъ имъ противоположныхъ. Хотя бы я всю жизнь видѣлъ только черныхъ воронъ, я не смѣю сказать, что завтра не увижу, или что Богъ не можетъ создать бѣлой вороны. Такъ и относительно всякаго другаго факта. Вотъ почему, нашъ авторъ, считая аксіому о цѣломъ и частяхъ за эмпирическую истину, преспокойно принялся отыскивать факты, въ которыхъ часть будто бы больше цѣлаго.

Если бы было такъ, если бы всѣ наши истины были только обобщенными фактами, только эмпирическими истинами, тогда дѣйствительно было бы *все возможно*, и за такой выводъ упорно держатся спириты. Чтобы оправдать возможность своихъ чудесныхъ явленій и откровеній, они должны объявить себя въ наукѣ чистыми эмпириками, то есть принуждены отвергнуть непреложность каеихъ бы то ни было истинъ.

За этой логикой скрывается однако нѣчто другое. Спиритизмъ есть одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ, показывающихъ, что наши взгляды на науку зависятъ не отъ мышленія, а отъ другихъ, гораздо болѣе глубокихъ стремленій нашей души. Въ прежнихъ письмахъ я говорилъ о *скукѣ*, обуявшей натуралистовъ. Конечно, здѣсь разумѣлась не пошлая скука, а та тоска, когда душевныя требованія остаются безъ удовлетворенія. Такъ или иначе, только чистое служеніе наукѣ очень рѣдко; большею частію она составляетъ для людей средство, или игрушку; поэтому, несмотря на свою несравненную силу и твердость, она постоянно подвергается опасности искаженія, можетъ быть очень серьезной.

Чего нужно спиритамъ? Они представляютъ намъ об-

различъ того великаго честолюбія, которое овладѣло натуралистами: вѣдь ученые спириты почти всѣ натуралисты. Естественныя науки чѣмъ дальше тѣмъ больше чувствуютъ свою силу и авторитетъ; и вотъ, ученые этой области стали думать, что она составляетъ центръ всего человѣческаго вѣдѣнія, что для ихъ изслѣдованій нѣтъ ничего недоступнаго и что самое общее міросозерцаніе должно основываться на этихъ изслѣдованіяхъ. Натуралисты давно известны своимъ научнымъ еретичествомъ, то есть тѣмъ, что они обыкновенно не хотятъ и знать ничего другаго и вѣрять только въ свои науки. Но теперь притязанія ихъ возрасли неизмѣримо.

„Я смѣло иду“, пишетъ мой противникъ „въ ту область, которую вы считаете невозможной. Ибо только въ этой области моя мысль можетъ вращаться съ *полной свободой*, только здѣсь ей не представляется *опасности* натолкнуться на разныя перегородки и категоріи, которыя вы ставите съ такою любовью. Я не могу представить себѣ, чтобы могло въ мірѣ существовать что-либо неподвижное и что могло бы оставаться въ этомъ покоѣ цѣлую вѣчность“. „Неподвижныя категоріи—это временныя формы общія и частныя, связанныя съ временемъ и пространствомъ; но тамъ, гдѣ исчезаютъ время и пространство, тамъ исчезаютъ и эти категоріи“.

Видите—какая смѣлость! Нашъ натуралистъ желаетъ стать выше времени и пространства, выше всякихъ категорій; онъ стремится въ область невозможнаго и требуетъ себѣ *полной свободы*... Что же? Вольному воля, и пусть себѣ онъ летитъ, куда вздумается. Но только причеъ тутъ наука? Ему она очень нужна и онъ говорить во имя ея; но ей онъ не нуженъ, ей нѣтъ до

него дѣла. Наука не ищетъ свободы въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ авторъ; она напротивъ ищетъ строгости, неуклонности, послѣдовательности. Тотъ истинный ученый, кто вполне подчиняется научному методу и научнымъ принципамъ. Наука связываетъ; она внутри, въ самой себѣ, безусловно принудительна и обязательна, и только на этомъ основаніи ученые имѣютъ право требовать свободы отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій.

Нашъ авторъ самъ иногда чувствуетъ, что въ его стремленіяхъ и сужденіяхъ нѣтъ ничего научнаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ одномъ мѣстѣ, онъ прямо отказывается отъ тѣхъ наукъ, служителямъ которыхъ состоитъ.

„Эти факты (спиритическіе)“, говоритъ онъ, „раскрываютъ намъ одинъ уголокъ, приподнимаютъ одинъ край, шею завѣсы, за которой скрыты верховные законы и контролирующій порядокъ всего существующаго. Въ нихъ отерываются высшія регулирующія начала, съ нихъ развертываются иные горизонты и начинается новая наука, къ которой въ наши земныя, перегороженные дочныя науки служатъ только вступленіемъ или преддверіемъ“.

Вотъ это рѣчь ясная. Авторъ желаетъ полной свободы отъ земныхъ наукъ; онъ отвергаетъ ихъ начала, тотъ порядокъ, который онъ нашли въ существующемъ, тѣ законы, которые онъ установили. Все это потому, что онъ усматриваетъ нѣкоторую новую науку, съ другими, высшими законами и началами. Превосходно! Тутъ мы, по крайней мѣрѣ, не летаемъ выше всякихъ категорій и опредѣленій и, хотя въ мечтахъ, но видимъ отвлеченное подобіе настоящей науки. Но, если такъ, то не первое ли дѣло истиннаго ученаго будетъ: провести

ясную границу новой науки и точно указать ея отношенія въ *земныхъ* наукамъ? Не слишкомъ ли поторопился г. Вагнеръ возстать противъ аксіомъ геометріи и непреложныхъ истинъ физики? Какая бы ни была ваша новая наука, ей и нѣтъ нужды, и нѣтъ непремѣнной обязанности, ниспровергать старыя науки. Развѣ въ исторіи настоящихъ, а не выдуманныхъ наукъ есть такіе примѣры? Развѣ исчисленіе безконечно-малыхъ ниспровергло геометрію? Развѣ химія отвергла механику или астрономію?

Но у насъ дѣло очевидно идетъ наоборотъ. Не новая наука требуетъ ниспроверженія прежнихъ наукъ, а усилилась довольно старая путаница, для которой потребовалась новая наука. Однако, если мы, во имя неизвѣстныхъ будущихъ наукъ, будемъ считать невѣрными и шаткими всѣ положенія дѣйствительно-существующихъ наукъ, то прямой выводъ изъ этого—полный скептицизмъ, совершенное невѣдѣніе. Такая мысль есть отрицаніе научнаго духа, есть противорѣчіе самой идеѣ, создающей науку. Наука предполагаетъ возможность познанія; истины, ею добытыя, могутъ быть дополнены, расширены, обобщены, но не выкинуты за бортъ, какъ негодныя. Въ этомъ состоитъ тотъ твердый и торжественный ходъ, которымъ идетъ нынѣ естествознаніе, а не въ томъ, что оно будто бы ни единой истины не считаетъ непреложною. Однимъ словомъ, хотя и много новаго можетъ быть на свѣтѣ, но оно никогда не будетъ противорѣчить тому, чтѣ мы знаемъ несомнѣнно.

Спиритамъ почему-то кажется, что непреложныя истины составляютъ какою-то помѣху свободному движенію науки, что онѣ препятствуютъ ея успѣхамъ, осуждаютъ ее на застой. Все должно прогрессировать,

говорять они; какъ же можетъ что-нибудь оставаться неподвижнымъ? По этому случаю, г. Вагнеръ горячо вступаетъ за прогрессъ:

„Какой идеаль“, говоритъ онъ мнѣ, „можетъ быть выше того, который влечетъ васъ неудержимо въ высъ, впередъ, въ ширину, на просторъ вѣчнаго и безграничнаго, который дѣлаетъ васъ нравственнѣе, чище, развитѣе, человѣчнѣе? Вы до сихъ поръ не знали, какъ названіе этого идеала? Его зовутъ прогрессъ, тотъ самый прогрессъ, который заставляетъ человека разрушать категорію и постоянно стремиться къ неопредѣленному и вѣчному, тотъ идолъ, которому будетъ вѣчно инстинктивно поклоняться человечество“.

Здѣсь очень интересны тѣ слова, которыя мною подчеркнуты. Какой жаръ, какое воодушевленіе во всей этой рѣчи! Но посмотрите, къ чему же онъ такъ пламенно стремится? Онъ стремится на *просторъ*, къ *неопредѣленному!* То есть онъ самъ не знаетъ, къ чему онъ стремится; ему отчего-то тѣсно, и онъ, чтобы избавиться отъ этой тѣсноты, хочетъ разрушать всякую категорію, установленную наукой.

Но такое бессознательное движеніе, безъ ясной цѣли и ясныхъ путей, едва ли заслуживаетъ имени прогресса. Это не прогрессъ, а скорѣе шатаніе и путаница. Многіе нынче заражены этимъ глухимъ безпокойствомъ; они зря хватаются за все новое и зря отбрасываютъ все старое. Они иногда дѣлаютъ это съ великимъ энтузіазмомъ и воображаютъ, что идутъ все впередъ и впередъ. Но такъ какъ они тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ слѣпѣе, то оказывается, что они въ сущности плутають на одномъ и томъ же мѣстѣ, что они безпрестанно впадаютъ въ древнѣйшія ошибки, не видятъ очевиднѣйшихъ просвѣтовъ истины

и безъ устали только повторяютъ тѣ заблужденія, изъ которыхъ состоитъ наибольшая часть исторіи человѣческаго ума.

Настоящій прогрессъ возможенъ конечно только тогда, когда мы въ старомъ умѣемъ видѣть то, что въ немъ вѣрно, и въ новомъ то, что въ немъ ложно. А для этого у насъ должны быть твердыя правила, несомнѣнные принципы; если же мы не имѣемъ такихъ правилъ и принциповъ, или отъ природы не способны найти ихъ, то мы очевидно осуждены на вѣчное круженіе, а не на прогрессъ.

Приведу наконецъ послѣднюю выдержку изъ письма г. Вагнера, выдержку, излагающую существенный пунктъ всего дѣла и разъясняющую загадку всѣхъ его мнѣній. Споръ нашъ идетъ о сущности науки, о ея коренныхъ основахъ, и потому прошу вашего вниманія въ слѣдующимъ словамъ моего противника:

„Истина одна, и она обхватываетъ все мірозданіе. Нѣтъ ни одного микроскопическаго и повидимому ничтожнѣйшаго фактива, который бы могъ вырваться изъ ея объятій и который не составлялъ бы части въ этомъ огромномъ, вѣчномъ и безпредѣльномъ цѣломъ. Если мы признаемъ истину единой—то точно также должны признать единой и ея практическое выраженіе, или науку. Эта наука должна быть единой, цѣльной, міровой, универсальной. Она обхватываетъ все, въ томъ числѣ и вашу философію со всѣми ея спекуляціями, какъ крайній вульминаціонный пунктъ и вѣчный выводъ всякаго знанія“.

Первое положеніе здѣсь очень странно. *Истина одна*—это значитъ вѣдь, что то, что истинно для меня, истинно и для васъ, и для всякаго; словомъ, что истина для

всѣхъ *одна и та же*. Между тѣмъ у автора является какое-то единство, которое обхватываетъ весь міръ и изъ объятій котораго ничто не можетъ вырваться.

Но не въ этомъ дѣло. Важна здѣсь та мысль, что наука будто бы едина и что эта наука все обхватываетъ. Универсальная, міровая наука—вотъ мечта современныхъ натуралистовъ и вотъ источникъ всякихъ ихъ блужданій. Они думаютъ, что могутъ все познать и что все подлежитъ ихъ изслѣдованію, тѣмъ самымъ приемамъ изысканія, какіе приняты въ естественныхъ наукахъ. Другаго познанія, кромѣ научнаго, они не допускаютъ, а научнымъ считаютъ только то, что дознано естественно-научными приемами.

Откуда вы легко поймете всѣ тѣ крайности, къ которымъ волей-неволей должны были прійти натуралисты.

Если имъ говорить, что есть области вѣдѣнія, дающія болѣе важныя и существенныя понятія, чѣмъ естественныя науки, они отвѣчаютъ, что наука одна и другой быть не можетъ.

Если имъ указываютъ, что до сихъ поръ старанія иныхъ натуралистовъ овладѣть извѣстными задачами оставались тщетными, они возражаютъ: „Какъ? вы противъ прогресса? со временемъ мы всюду проникнемъ и все завоюемъ!“

Если имъ говорить, что, по самой сущности естественно-научныхъ методовъ, ихъ изслѣдованіямъ положена извѣстная граница, они съ жаромъ восклицаютъ: „Какъ? вы противъ свободы изслѣдованія? вы хотите стѣснять науку?“

Если, наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ указываютъ на то, что они сами себѣ противорѣчатъ, что, погнавшись за предѣлы своей законной области, они принуж-

денъ отвергать самыя непреложныя изъ научныхъ истинъ, то они и тутъ не отступаютъ и начинаютъ толковать, что высшая мудрость состоитъ въ чистомъ эмпиризмѣ, который все объемлетъ, но ни за что не ручается, даже за то, что цѣлое больше своей части.

Однимъ словомъ, они впадаютъ въ неопредѣленность, въ скептицизмъ, въ нелѣпость, и все это съ такимъ торжественнымъ видомъ и горячимъ энтузіазмомъ, какъ будто дѣлаютъ прекраснѣйшее дѣло, какъ будто это имъ и надобно.

Какіе потемки, какая потеря ясныхъ основъ для сужденія! Спириты очень хорошій образецъ нашего современнаго просвѣщенія. Такъ-какъ множество натуралистовъ объявили себя матеріалистами, свазали, что они знаютъ сущность вещей и что кромѣ этой сущности все вздоръ, то явились ученые изъ той же области, которые стали утверждать, что матеріалисты ошибаются, что, конечно, они правильно опираются на естественныя науки, но что эти науки слѣдуетъ перестроить и расширить. Одного только не приходитъ въ голову ни тѣмъ ни другимъ, того, что эти науки въ сущности не способны рѣшать вопросы, о которыхъ идетъ дѣло, что ихъ прекрасныя изслѣдованія имѣютъ иной смыслъ и иное направленіе, что они не могутъ ни мѣшать, ни способствовать чувствамъ и мыслямъ, область которыхъ лежить внѣ границъ науки.

Наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе, не объемлетъ *жизни*. Внѣ науки находится главная сторона нашего бытія, то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастьемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣ-нибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ,

а все это вокруг насъ, прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуемъ, какъ въ прямой стихіи нашей жизни. Поэтому, не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокая отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи. Каждый изъ насъ—не простое колесо въ огромной машинѣ; каждый, главнымъ образомъ, есть герой той комедіи или трагедіи, которая называется его жизнью.

Чувствую, что выставляю положенія, которыя хотя совершенно просты и ясны, но покажутся очень новыми. Съ этой точки зрѣнія обыкновенно не смотрятъ на дѣло. Хотя отношеніе науки къ жизни, или взаимныя отношенія между разными областями нашего вѣдѣнія, составляютъ вопросы великой важности, но ихъ почти все упускаютъ изъ виду. Почему грамматика, ариметика, логика обыкновенно никому не мѣшаютъ, и не питаютъ никакихъ притязаній, а естественная исторія порождаетъ матеріалистовъ и спиритовъ и считается иными вредною наукою? Оттого, что естественныя науки имѣютъ попользованіе говорить о сущности вещей, которой обыкновенно не касаются другія науки. Между тѣмъ, въ дѣйствительности грамматика едва ли не больше даетъ понятія о сущности языка, или логика о сущности мышленія, чѣмъ зоологія о сущности животнаго. Скажу прямо свою дерзкую мысль: притязанія естественныхъ наукъ зависать, по моему мнѣнію, отъ того великаго несовершенства, въ которомъ онѣ еще находятся. Въ нынѣшнемъ матеріализмѣ и спиритизмѣ мы, можетъ

быть, только вновь переживаемъ первую ступень философіи, повторяемъ въ грубой формѣ разсужденія Талеса, или Демокрита. Когда естественныя науки болѣе разовьются и глубже проникнутся научнымъ духомъ, онѣ ясно будутъ видѣть, какъ онѣ далеки отъ сущности вещей. Тогда онѣ никому не будутъ мѣшать и никому не будутъ навязывать какихъ-нибудь quasi-философскихъ ученій.

И вотъ въ чему веду я всю эту рѣчь: непреложныя истины, такъ пугающія моего противника, не имѣютъ той важности, которую онѣ имъ придастъ. Сфера, ими описываемая, или сторона, ими освѣщаемая, вовсе не захватываетъ того, что всего существеннѣе и дороже для человѣка и въ неясномъ стремленіи къ чему заключается единственное извиненіе спиритовъ. Чудеса, которыми намъ нужно дивиться, и силы, передъ которыми слѣдуетъ превлоняться, не тамъ, гдѣ ищеть ихъ спиритизмъ; они гораздо ближе, они всегда вокругъ насъ и съ нами. Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ. Это—прекрасное и истинное ученіе; на этомъ пути нужно искать Бога, а не въ четвертомъ измѣреніи пространства.

Если бы непреложныя истины были нѣкоторые основные факты мірозданія, содержали въ себѣ дѣйствительное, такъ связать конкретное, познаніе міроваго устройства, то они составляли бы не малую нашу гордость, и тогда было бы великимъ торжествомъ указать изъ нихъ исключенія.

Но если это вовсе не факты, вовсе не эмпирическія познанія, а положенія вполнѣ или отчасти формальныя, которыя потому и справедливы всегда и безусловно, что

не захватываютъ собою сущности вещей, то ни Богу, ни людямъ, не можетъ быть нужды ихъ опровергать, то отрицаніе ихъ есть совершенно напрасная нелѣпость, и вполнѣ правы тѣ ученые, которые съ негодованіемъ встрѣчаютъ попытки на подобныя нелѣпости.

И такъ я опять предлагаю спиритамъ вопросъ: признаютъ ли они въ наукахъ непреложныя истины, и какія именно, т. е. по какимъ признакамъ можно отличить такія истины отъ истинъ частныхъ, допускающихъ исключеніе? Пусть не ссылаются на прогрессъ, на свободу изслѣдованія, на новую, еще несуществующую, науку и т. д., а пусть прямо уважутъ границу, отдѣляющую въ научныхъ истинахъ эмпирическое отъ умозрительнаго.

Мой противникъ совершенно правъ, говоря, что я вездѣ ставлю перегородки. Въ насмѣшку онъ называетъ мои разсужденія *перегородочною философіею*; но я былъ бы душевно радъ, если бы это живописное названіе навсегда осталось за моею философіею. По моему, нѣтъ ничего хуже путаницы, когда человѣкъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что говорить и думаетъ, когда онъ *свободно* носится по всякимъ вѣтрамъ и въ головѣ его собирается самый пестрый и разнообразный соръ. Нерѣдко это называется просвѣщеніемъ, любознательностью, ученостью, но въ сущности это хуже всякаго невѣжества. Въ наше время, столь гордое своими успѣхами въ наукахъ и нравственности, довѣрчивые люди преспокойно набиваютъ себя всяческими обрывками словъ и мыслей, носящихся вокругъ нихъ; этотъ хаосъ удовлетворяетъ ихъ, насыщаетъ, заглушаетъ въ нихъ потребность яснаго и точнаго пониманія. Вотъ почему никогда не было такого распространеннаго невѣжества, такихъ разнообразныхъ заблужденій, такого паденія умственнаго уровня,

такого непрерывнаго круженія на одномъ мѣстѣ, какъ въ наше время. Противъ этого зла одно средство:—по- стараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будемъ строго различать и опредѣлять принципы, которыхъ держимся, и методы, которымъ слѣдуемъ. Другаго спасенія отъ путанницы быть не можетъ.

27 янв. 1884 г.

Н. С.

III.

УМСТВОВАНИЕ И ОПЫТЪ.

(Новое Время 7 февр. 1884 г.)

Хорошій опытъ стоитъ больше,
чѣмъ умозрѣнія хотя бы и мозга,
подобнаго мозгу Ньютона.

Гомфри Дэви.

„Еще письмо о спиритизмѣ“, помѣщенное надняхъ Н. Н. Страховымъ въ „Новомъ Времени“ (1 февраля 1884 года), вызываетъ меня на нѣкоторыя замѣчанія. Не стану вдаваться въ сущность дѣла, потому что это значило бы повторяться, и буду кратко.

Хотя г. Страховъ и заявляетъ, что я „открыто и прямо призналъ непреложность математическихъ положеній“, но это, новидимому, не мѣшаетъ ему обращать и ко мнѣ свои возраженія и вопросы. Дѣйствительно, мы съ г. Страховымъ расходимся во многомъ: для него, напримѣръ, „законъ сохранения вещества“ принадлежитъ къ непреложнымъ истинамъ, „сводится на дважды два четыре, на законъ чиселъ“, а для меня непреложно только сохраненіе того *нѣчто*, той сущности, которая можетъ быть веществомъ (въ обычномъ смыслѣ этого названія), а можетъ также и не быть имъ. При этомъ

я не скрываю, что въ такомъ допущеніи привели меня факты, а не априорическія сужденія.

Но дѣло въ томъ, что все это мною уже высказано; только г. Страховъ, должно быть, не удостоиваетъ читать тотъ органъ („Ребусъ“), въ которомъ я напечаталъ свои замѣтки, а потому и незнакомъ достаточно съ моею точкой зрѣнія.

Странна судьба вопроса о мѣдунимическихъ явленіяхъ! Ихъ оспариваютъ, отвергаютъ, судятъ о нихъ такъ и сякъ, не считая нужнымъ знакомиться съ литературой предмета; не наблюдая, безъ собственныхъ опытовъ, голымъ умствованіемъ, сиются доказать несуществованіе того, что для насъ, приведенныхъ къ убѣжденію фактами, не болѣе какъ реальность вполне констатированная, несомнѣнная. Эта странная судьба, впрочемъ, обычна для всего, ломающаго старья, окаменѣлыя убѣжденія, превратившіяся отъ привычки въ нимъ чуть не въ догматы: начинаютъ каждый разъ съ того, что противопоставляютъ фактамъ слова; но... вѣдь „нѣтъ ничего неумолимѣе факта“...

Г. Страховъ считаетъ насъ „очень хорошими образчиками нашего современнаго просвѣщенія“, и я вполне принимаю такую квалификацію, разумѣя ее въ томъ смыслѣ, который давно указанъ извѣстнымъ Де-Морганомъ. Та же квалификація относится, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и къ самому г. Страхову: онъ—образчикъ того направленія, которое сейчасъ очерчено мною. Время покажетъ, на чьей сторонѣ научность и истина.

А. Бутлеровъ.

IV.

ФИЗИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СПИРИТИЗМА.

(*Новое Время*, 26 февр. 1885).

Противники мои приводят меня въ немалое затрудненіе. Будучи величайшимъ охотникомъ до логичности, опредѣленности и ясности, я поставилъ относительно спиритизма совершенно точный вопросъ: по какимъ основаніямъ мы отличаемъ возможное отъ невозможнаго? Я утверждалъ, что *для опыта* все возможно, и потому опытъ одинъ, самъ по себѣ, не даетъ намъ руководства въ мышленіи и познаніи; напротивъ, *для умозрѣнія* существуютъ вещи невозможныя, и потому оно составляетъ настоящую опору для нашихъ разсужденій и доказательствъ. Если у меня въ карманѣ было три двугривенныхъ и, вздумавши подать ихъ нищему, я нашелъ только два, то на основаніи опыта я могу заключать, что нищимъ подавать не слѣдуетъ, потому что при этомъ три монеты обращаются въ двѣ. Въ подобныхъ нелѣпостяхъ мы постоянно бродили бы, какъ въ лѣсу, если бы отъ нихъ не спасало насъ и не выводило изъ этого лѣса умозрѣніе.

Поэтому я усердно просилъ моихъ противниковъ, чтобы они не говорили ни о прогрессѣ человѣчества, ни о моемъ

дипломъ на магистра зоологии, ни о священныхъ правахъ науки и т. п., а разбирали бы вопросъ: не противорѣчатъ ли спиритическія наблюденія нѣкоторымъ яснымъ истинамъ умозрѣнія? и гдѣ та граница умозрительныхъ истинъ, которой не можетъ и не долженъ переступать никакой выводъ?

Профессоръ Н. П. Вагнеръ очень порадовалъ меня, прямо принявши мой вызовъ и утверждая, что такой границы вовсе не существуетъ, что, напримѣръ, для Бога и дважды-два можетъ выйдти не четыре, а пять и т. д. Съ великимъ стараніемъ я разобралъ всѣ разсужденія г. Вагнера и показалъ, что ошибка его заключается въ незнаніи того, что такое умозрѣніе. Не имѣя понятія о настоящихъ свойствахъ умозрѣнія и непреложныхъ истинъ, которыя изъ него вытекаютъ и составляютъ ядро и правило всѣхъ наукъ, спириты вообразили (я говорю объ *ученыхъ* спиритахъ), что они могутъ проповѣдывать спиритизмъ *во имя науки*. Я старался показать, что, въ сущности, ученый спиритизмъ есть *бунтъ противъ науки*, а такой бунтъ есть всегда дѣло безуспѣшное, — есть не только нелѣпость, но и нелѣпость никому не нужная. (См. выше: „Еще письмо о спиритизмѣ“).

Истинныя свойства научнаго познанія, граница, явно ему положенная, очевидная область, лежащая внѣ этой границы, — вотъ что я разъяснялъ, стараясь говорить сколько можно отчетливѣе и понятнѣе. Но труды мои пропали даромъ. Появились отвѣты, которые на мой вопросъ, поставленный такъ настойчиво и касающійся такого важнаго предмета, вовсе не отвѣчали. Напрасно я ихъ читалъ и перечитывалъ, изучая каждую фразу; мнѣ никакъ не удавалось найти точку, гдѣ бы я могъ опять завязать нить поднятаго спора.

Противниковъ у меня три: 1) Профессоръ Бутлеровъ. Онъ напечаталъ коротенькую замѣтку подъ заглавіемъ: „Умствование и опытъ“ („Новое Время“, 7-го февраля 1884 г.). Заглавіе обрадовало меня до чрезвычайности; но оказалось, что въ замѣткѣ ничего не говорится ни объ умствованіи, ни объ опытѣ. Г. Бутлеровъ хотѣлъ только заявить, что „повидимому“ я и къ нему обращаюсь съ возраженіями и вопросами; но что, если такъ, то, конечно, я дѣлаю это лишь потому, что „должно быть“ не читаю журналъ „Ребусъ“, а то я зналъ бы, какъ онъ, г. Бутлеровъ, думаетъ объ умствованіи и опытѣ.

2) Профессоръ Вагнеръ. Онъ напечаталъ довольно большой отвѣтъ подъ заглавіемъ: „Раздвоенная философія“ („Новое Время“, 5-го апрѣля 1884 г.). И тутъ, заглавіе обѣщало мнѣ что-то подходящее въ дѣлу, но статья обманула мои ожиданія. Главное дѣло для г. Вагнера какъ-будто въ томъ, чтобы поязвительнѣе укорить меня. Онъ говоритъ о своихъ зоологическихъ занятіяхъ, объ истинѣ, о Богѣ, о человѣчности, о наукѣ, реализмѣ и т. д.—все это съ тѣмъ, чтобы тяжелѣе поразить меня. Но моего вопроса онъ вовсе не разбираетъ, на мою постановку дѣла не обращаетъ вниманія. Кажется самое сильное и ясное его возраженіе противъ меня заключается въ томъ, что „диво и совѣстно слышать подобныя рѣчи отъ магистра зоологіи“. „Спрячьте же вашъ ученый дипломъ!“ восклицаетъ онъ съ негодованіемъ. Боже мой! Какъ же я его спрячу, если не знаю, гдѣ онъ у меня запропастился?

3) Третій мой противникъ есть вн. Д. Н. Цертелевъ. Онъ напечаталъ недавно отдѣльную брошюру съ длиннымъ заглавіемъ: *I. Спиритизмъ, съ точки зрѣнія философіи. II. (Отвѣтъ Н. Н. Страхову). Мидіумизмъ*

и границы возможнаго. Спб. 1885. Главная мысль автора та; что не существует такого философскаго ученія, съ которымъ нельзя было бы согласить призна- нія истинности медиумическихъ явленій. Итакъ, и этотъ мой противникъ приступаетъ ко мнѣ со стороны, или сверху. Опять я не нахожу никакого разбора моихъ мыслей и рѣчей; за то авторъ цитуетъ Канта, Гарт- мана, Шопенгауэра, Мирвиля и проч., а изъ Мэнъ-де- Бирана приводитъ длинныя выписки.

Вы видите, я стараюсь быть краткимъ; не будемъ отвлекаться отъ дѣла. Но, чтобы мои противники не жаловались на эту краткость, я свяжу объ нихъ еще нѣсколько словъ. Они очевидно небрежно и невнима- тельно относятся къ моему писанію. Если такъ, то зачѣмъ же они о немъ пишутъ? Эту загадку я вамъ раскрою. Они дѣлаютъ это потому, что и своему пи- санію они такъ же мало придаютъ важности, какъ моему. Они не уважаютъ не только моей рѣчи, но и своей собственной. Поэтому, если они читаютъ меня небрежно, то сами пишутъ, пожалуй, еще небрежнѣе, чѣмъ меня читаютъ. Имъ не приходитъ на мысль, что они дѣлаютъ серіозное дѣло; ихъ нельзя убѣдить, что они могутъ участвовать въ изысканіи истины, что на- ступила надобность задуматься. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, всякое говореніе и печатаніе такъ понизилось въ своемъ значеніи, что люди берутся за перо, или выходятъ на кафедру, въ самомъ легкомъ настроеніи мыслей, не за- даваясь большими требованіями. Поэтому, даже когда вы услышите имена Платона и Гегеля, когда рѣчь коснется истины, Бога, сущности вещей, никогда не думайте, что говорящій поднялся или стремится подняться до серіоз- ности, соответствующей этимъ именамъ и этимъ пред-

метамъ. Ничуть не бывало; великіе мыслители и великіе предметы сами по себѣ, а наша рѣчь сама по себѣ; они только поводъ для нашихъ разглагольствій, только случай для ссылокъ на громкій авторитетъ, ни они совершенно внѣ той сферы, въ которой мы вращаемся. Мы хотимъ только немножко поболтать, а серьезная мысль, дѣйствительное стремленіе къ рѣшенію великихъ вопросовъ существуетъ и развивается гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но нивагъ не у насъ.

Вотъ гдѣ и корень всякой невнимательности и небрежности въ отношеніи къ себѣ, а потому и въ отношеніи къ другимъ.

Изъ этого общаго приговора я долженъ, однако, сейчасъ же сдѣлать исключеніе, именно въ пользу г. Бутлерова. Хотя онъ очевидно невнимателенъ ко мнѣ, хотя онъ не хочетъ вникнуть въ мою постановку вопроса; но онъ, безъ сомнѣнія, внимателенъ къ самому себѣ. Моей рѣчи онъ не уважаетъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ уважаетъ свою собственную рѣчь. Какъ истый ученый, онъ старательно обдумываетъ свои мысли и слова. Говорю это съ радостью и благодарностью, потому что, еслибы не онъ, не знаю, какъ бы я и выбрался изъ того чрезвычайнаго затрудненія, въ которое поставили меня мои противники. Г. Бутлеровъ угадалъ: имѣя вокругъ себя много превосходнѣйшихъ книгъ, я дѣйствительно до тѣхъ поръ не читалъ „Ребуса“. Да и теперь, ознакомившись съ этимъ журналомъ, я все-таки упорствую и нахожу, что могу нѣсколько лучше употребить свое время, чѣмъ на его чтеніе. Чудесно сдѣлалъ г. Бутлеровъ, что тѣ самыя свои статьи, которыя я отыскивалъ въ „Ребусѣ“ и на которыя онъ мнѣ указывалъ, онъ потомъ издалъ особой брошюрой: *Кое-*

что о мидіумизмѣ и объ изученіи мидіумическихъ явленій. Спб. 1884. Съ этой брошюрой я, можно сказать, не разставался до настоящей минуты. И когда я внимательнѣйшимъ образомъ изучилъ всѣ ея статьи, то вполне убѣдился, что мнѣ пора оставить г. Вагнера, что г. Бутлеровъ понимаетъ вопросъ глубже и правильнѣе, а главное, что онъ предложилъ уже нѣкоторое рѣшеніе вопроса. Это рѣшеніе даетъ поводъ къ интереснѣйшимъ соображеніямъ, и слишкомъ малое вниманіе, которое на него обращаютъ, вѣжеться составляетъ даже предметъ нѣкотораго безпокойства для г. Бутлерова.

I.

Обманъ обобщенія.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Медіумическія явленія противорѣчатъ законамъ физики и химіи. Въ точности мы не можемъ сказать, всѣ ли законы нарушаются этими явленіями и въ какой именно мѣрѣ. Напримѣръ, когда раздаются медіумическіе звуки, или видны медіумическія свѣтовые явленія, то нельзя ручаться, что этотъ свѣтъ и этотъ звукъ распространяется по тѣмъ самымъ законамъ, которые излагаются въ курсахъ физики. Но это уже совершенный пустякъ, почти не стоящій вниманія, въ сравненіи съ тѣмъ, что несомнѣнно находятъ и признаютъ спириты. По ихъ убѣжденію, медіумическія явленія нарушаютъ самые главные, основные законы физическаго міра, законъ *сохраненія вещества* и законъ *сохраненія энергіи*. Первый законъ нарушается въ явленіяхъ исчезанія и появленія неодушевленныхъ вещественныхъ предметовъ и въ такъ называемой *матеріи*

риализации духовъ или душъ, частной или полной. Законъ же сохранения энергіи нарушается и не въ та-кихъ, все-таки чрезвычайныхъ случаяхъ, а въ каждомъ обнаруженіи медиумизма. Малѣйшее движеніе стола, малѣйшій стукъ, который въ немъ раздастся, представляетъ для спиритовъ уже нарушеніе закона энергіи, и только въ качествѣ такого нарушенія и признается за медиумическое явленіе. Звукъ, какъ извѣстно, происходитъ отъ движенія матеріальныхъ частицъ и, слѣдовательно, когда нѣтъ физическихъ причинъ для такого движенія, то онъ столь же большое чудо, какъ и поднятіе духами на воздухъ пятипудоваго стола.

Такимъ образомъ, въ самыхъ простыхъ спиритическихъ опытахъ совершаются явленія, которыхъ не можетъ признать никакой физикъ, не отказавшись отъ самыхъ основъ своей науки. Физическія явленія, необъяснимыя изъ законовъ физическаго міра, происходяція вопреки этимъ законамъ,—вотъ въ сущности о чемъ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію спиритовъ, опытъ и наблюденіе совершенно точныхъ и достовѣрныхъ людей. Все это—чудеса въ самомъ строгомъ смыслѣ, все это сверхъестественно, не исключая ни малѣйшаго звука, если онъ происходитъ медиумически.

Вы чувствуете, что такимъ образомъ значеніе вопроса становится огромнымъ, ужаснымъ. Но посмотрите, какъ оно тотчасъ можетъ быть умалено и сглажено, если мы переведемъ его на тотъ языкъ натуралистовъ, который употребляется г. Бутлеровымъ. Мы скажемъ, во первыхъ, что это просто нѣкоторые *опыты и наблюденія*—дѣло самое простое. Потомъ мы образуемъ изъ этихъ опытовъ особый отдѣлъ, особую область изслѣдованія; мы назовемъ ихъ *медиумическими явленіями*. Если, изучая

какимъ нибудь чудесамъ, насъ спросить: что это такое?—мы тогда спокойно можемъ отвѣчать: *это медиумизмъ*. Наконецъ, мы точнѣе опредѣлимъ физическую особенность этихъ явленій; мы не будемъ называть ихъ сверхъестественными, чудесными; мы только выведемъ изъ нашихъ опытовъ заключеніе, что тутъ происходятъ очевидныя отступленія отъ физическихъ законовъ сохраненія вещества и сохраненія энергіи, и что на насъ, какъ на натуралистахъ, лежитъ обязанность отыскивать причины и правила этихъ отступленій.

Такъ понимаетъ дѣло г. Бутлеровъ, и это одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ того, какъ слова могутъ закрывать сущность дѣла. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ передъ собраніемъ русскихъ натуралистовъ въ Одессѣ, 27 августа 1883 года. Онъ ихъ успокоивалъ относительно мистицизма и сверхъестественности и настоятельно указывалъ имъ, какъ людямъ науки, ихъ нравственный долгъ по отношенію къ „новой обширной области знанія“.

Этотъ странный обманъ, въ который сперва впадаетъ самъ добросовѣстный и отличный ученый и въ который потомъ онъ старается вовлечь другихъ, очевидно, происходитъ по старинному приему *обобщенія*. Когда о чемъ-нибудь говорится, какъ о *нѣкоторомъ фактѣ*, нѣкоторомъ предметѣ изслѣдованія, когда потомъ является *одна изъ областей* знанія, нарушение *одного* изъ законовъ физики, и т. д., то для насъ понемногу стирается особенность предмета, его частный характеръ. Посредствомъ такихъ обобщеній, каждая вещь вносится въ разрядъ безчисленныхъ, предполагаемыхъ существующими, вещей, и весь міръ обращается въ хаосъ, такъ какъ ни объ одной вещи нельзя будетъ сказать, что она всегда и вездѣ должна имѣть тѣ же опредѣленные свойства.

Очевидно, намъ слѣдуетъ поворотить нашъ путь, слѣдуетъ отъ общихъ понятій идти въ самому предмету и добиваться уразумѣнія той его природы, которая отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ однородныхъ предметовъ.

II.

Источникъ двухъ главныхъ законовъ.

Что такое законъ сохраненія вещества и законъ сохраненія энергіи? Если это—нѣкоторые эмпирическіе законы, *одни изъ многихъ* законовъ, сила и значеніе которыхъ подлежатъ еще изслѣдованію, то мы, наблюдая ихъ нарушеніе или видоизмѣненіе, имѣемъ передъ собою только новую задачу для физическихъ изысканій. Но если это законы совершенно особаго рода, можетъ-быть даже *единственные въ своемъ родѣ*, то общія ссылки на наблюденіе, опытъ, изслѣдованіе и т. д. будутъ совершенно неправильны.

Г. Бутлеровъ въ своей брошюрѣ высказываетъ объ этихъ законахъ слѣдующее положеніе:

„Абсолютное ничтожество для насъ немислимо; нельзя „представить себѣ, чтобы *ничто* могло сдѣлаться *ничѣмъ*. „Такимъ образомъ, вовсе не опытнымъ, а чисто апріорнымъ путемъ неотразимо вытекають для насъ такъ называемые *законъ вѣчности матеріи* и *законъ сохраненія силъ*“. („Кое-что о медиумизмѣ“, стр. 24).

Признаюсь откровенно, велика была моя радость, когда я прочиталъ эти слова. Послѣ такихъ точныхъ и ясныхъ словъ—нѣтъ спасенія моему противнику, и если онъ будетъ твердо ихъ держаться, то никогда, ни во вѣки вѣковъ онъ ничего не докажетъ для своей темы; спери-

тизмъ, медиумизмъ, діалогизмъ—какъ ни называйте—все разлетается прахомъ!

Пойдемъ по порядку. Впервыхъ, положеніе г. Бутлерова есть все, что мнѣ нужно. Изъ чего я бился? Я хотѣлъ доказать, что въ физикѣ существуютъ истины столь же несомнѣнныя, непреложныя, какъ математическія теоремы, какъ дважды два четыре. И вотъ, мнѣ говорятъ, что два основныхъ закона, главные законы физики и химіи даны намъ *не опытнымъ, а чисто апіорнымъ путемъ*, слѣдовательно на вѣки непреложны. То, что я стремился доказать, считаютъ доказаннымъ и несомнѣннымъ.

Вовторыхъ, г. Бутлеровъ очевидно противорѣчитъ себѣ. Прежде онъ часто говорилъ, что признаетъ непреложность только чистой математики; даже и въ настоящей брошюрѣ онъ вновь ссылается на слова Франсуа Араго, что „отрицающій что-либо въ области чисто-математической поступаетъ неразумно“ („Кое-что о медиумизмѣ“, стр. 19). Такими заявленіями г. Бутлеровъ ввелъ меня въ заблужденіе. Конечно, онъ не скажетъ, что законы сохраненія вещества и энергіи принадлежатъ къ чисто-математической области; слѣдовательно онъ призналъ наконецъ, что и въ физикѣ, и въ химіи есть истины непреложныя. А какъ только сдѣлано такое признаніе, то я имѣю право вывести, что и въ другихъ научныхъ областяхъ, можетъ-быть, есть подобныя истины, и вообще, имѣю право потребовать, чтобы ученые изслѣдовали и опредѣлили весь кругъ этихъ истинъ, чтобы они не укрывались въ скептицизмъ и не твердили, что для нихъ будто бы нѣтъ границы между возможнымъ и невозможнымъ.

Втретьихъ—меня смущаетъ та легкость, съ которою

мнѣ достается побѣда. Къ ученымъ мнѣніямъ г. Бутле-рова я питаю все должное уваженіе; для меня они авторитетны ужъ никакъ не менѣе, чѣмъ слова того де-Моргана, которымъ онъ думаетъ испугать меня. Однако, такъ какъ я самъ давно и очень живо интересуюсь этимъ вопросомъ, то позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Не всѣ натуралисты признаютъ эти законы за апріорные; напротивъ, большинство считаетъ ихъ полученными изъ опыта. Поразительно то, что при такомъ полномъ разногласіи, касающемся такого важнѣйшаго дѣла, натуралисты по большей части даже не тревожатся и не спорятъ. Не оглядываясь и съ совершенно твердой увѣренностью, одинъ провозглашаетъ опытными тѣ самые законы, которые другой объявляетъ апріорными. Былъ случай, когда это равнодушіе къ вопросу, или лучше—неумѣніе за него приняться, привело ученый міръ въ большое затрудненіе; но и затрудненіе не вызвало изслѣдованія объ источникѣ законовъ. Это была полемика о томъ, кому слѣдуетъ приписать открытіе сохраненія энергіи. Претендентовъ было нѣсколько, и главныхъ два—нѣмецъ Робертъ Майеръ и англичанинъ Джоуль. Нѣмецъ, очевидно, шелъ апріорнымъ путемъ, англичанинъ—экспериментальнымъ. Длинные споры, которые велись по этому поводу и въ которыхъ участвовали и сами претенденты, окончились, однако, явнымъ перевѣсомъ на сторону Майера. Онъ не дѣлалъ никакихъ опытовъ, онъ вывелъ начало сохраненія энергіи изъ нѣсколькихъ давно извѣстныхъ фактовъ, но вывелъ его *во всемъ его значеніи* и распространилъ свой выводъ на всѣ области вещественнаго міра. Это была просто новая мысль, новая мѣрка, прикинутая къ мірозданію.

Понятно, что англичане, какъ заклятые эмпирики, не

могли переварить подобнаго способа открытій. Любопытный читатель можетъ найти въ книжкѣ Тэта (есть на русскомъ: *И. Г. Тэтъ. Обзоръ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ успѣховъ физическихъ знаній. Спб. 1877*) образчики этой полемики. Тэтъ говоритъ, на примѣръ: „я долженъ обратить ваше вниманіе на несостоятельность апріорныхъ „принциповъ, которые Майеръ кладетъ въ основу своихъ „выводовъ. Ихъ два: первый—*causa aequat effectum*, въ „которомъ я никогда не могъ отыскать смысла, и второй—*ex nihilo nihil fit*. Они, пожалуй, пригодны служить основой для схоластическихъ препирательствъ, „въ родѣ знаменитаго стариннаго вопроса о числѣ ангеловъ, могущихъ помѣститься на вончикѣ иглы: но „вводить ихъ въ научныя разсужденія, въ какой бы то „ни было формѣ, отнюдь не слѣдуетъ“ (стр. 49).

И такъ, на тотъ самый принципъ (что изъ ничего ничего не бываетъ), на который ссылается г. Бутлеровъ, Тэтъ строжайше запрещаетъ ссылаться „въ научныхъ разсужденіяхъ“. И не диво. Тэтъ хочетъ быть послѣдовательнымъ эмпирикомъ, какъ Юмъ, Милль, Бэнъ и великое множество другихъ знаменитостей.

Этотъ споръ, по моему мнѣнію, паразителенъ въ высочайшей степени. Въ серединѣ XIX вѣка открытъ былъ величайшій изъ физическихъ законовъ, и натуралисты не знаютъ, не могутъ опредѣлить, какимъ образомъ совершилось это открытіе! Такъ мало они понимаютъ самихъ себя, въ такомъ упадкѣ сознаніе научныхъ методовъ!

Для довершенія характеристики дѣла, приведу еще мнѣніе Фридриха Мора, принадлежащаго тоже къ претендентамъ на открытіе и высказавшагося съ большою наивностью и опредѣленностью. Въ книгѣ: *Allgemeine Theorie der Bewegung und Kraft* (Braunsch. 1869), онъ го-

ворить: „Неразрушимость вещества есть чисто эмпирическое понятие, которое получилось въ химіи изъ тысячи опытовъ. Никакой философъ не могъ бы развить этого понятія посредствомъ чистаго умозрѣнія, и при- служникъ въ химической лабораторіи лучше разумѣтъ его и убѣжденъ въ немъ, чѣмъ математикъ или философъ, нисколько незнающій химіи“ (стр. 31).

Черезъ нѣсколько страницъ, вотъ что тотъ же Моръ говоритъ о законѣ энергіи:

„Законъ сохраненія энергіи, обнимающій собою механическую теорію теплоты, эквивалентность превращеній, механическую теорію сродства и вообще всю физику, гласитъ лишь то, что дѣйствіе равно причинѣ; это чисто рациональный законъ, и потому онъ столь же мало можетъ быть доказываемъ опытомъ, какъ и то, что 3 и 1 равно 4“ (стр. 40).

И такъ, вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Для однихъ оба закона эмпирическіе, для другихъ—они апріорные; а есть и такіе ученые, для которыхъ одинъ законъ эмпирической, а другой апріорный. По всему видно, что для натуралистовъ не ясны основанія, на которыхъ они строятъ свою науку. Поэтому, хотя утвержденіе г. Бутлерова объ апріорности обоихъ законовъ есть *все, что мнѣ нужно*, но, въ сожалѣнію, нельзя не сомнѣваться въ его правахъ на такое утвержденіе. Истины, которыя произносятся безъ сознанія ихъ дѣйствительнаго значенія, по несчастію не имѣютъ никакой силы, не могутъ быть точкою опоры ни для насъ самихъ, ни для нашихъ противниковъ.

III.

Гипотеза превращеній.

Дѣйствительно, высказавши приведенное выше положеніе, г. Бутлеровъ сейчасъ же, такъ-сказать не переводя дыханія, начинаетъ отрицать его. Ничего другого, конечно, и нельзя было ожидать отъ приверженца спиритизма. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, онъ былъ бы въ безвыходномъ положеніи. И вотъ онъ пишетъ:

„Раздѣленіе одного изъ нихъ отъ другаго (*т. е. закона вѣчности матеріи отъ закона сохраненія силъ*) основывается, понятно, на томъ, такъ-сказать механически, дуализмѣ, котораго реальность подлежитъ еще вопросу, но который намъ необходимъ для приложенія нашихъ привычныхъ приемовъ сужденій и по которому *вещество и сила* разсматриваются нами, какъ двѣ особыя, отдѣльныя сущности“ (стр. 25).

Другими словами, различіе между веществомъ и энергіею, слѣдовательно самыя понятія о нихъ *подлежатъ еще вопросу*, зависятъ лишь отъ нашей привычки къ *механическому дуализму*. Такимъ образомъ г. Бутлеровъ, утверждая оба закона, получаетъ возможность не признавать въ сущности ни одного изъ нихъ. Именно, по его предположенію, ничто не мѣшаетъ допустить, что вещество можетъ переходить въ энергію, а энергія въ вещество.

Разумѣется, что въ такомъ случаѣ открывается необозримое поле новыхъ возможностей.

„Такъ какъ“, говоритъ онъ, „превращеніе различныхъ, признанныхъ наукою, видовъ энергіи одного въ другой

„доказано, то, съ нашей точки зрѣнія, и возможность превращенія вещества, какъ особой формы энергіи, въ энергію невещественнаго вида, а равно и возможность обратнаго перехода также должны быть признаны. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, по закону сохраненія силъ (правильнѣе—по аксіомѣ сохраненія всякой сущности, по немыслимости абсолютнаго ничтожества, по невозможности превращенія въ *ничто* того, что представляло *ничто*), должно имѣть мѣсто опредѣленное количественное отношеніе (эквивалентность). Съ этой точки зрѣнія является возможнымъ то, что фактически дано намъ въ числѣ медуимическихъ явленій: *материализація* и *дематериализація*. вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется, конечно, такъ называемый законъ вѣчности *матеріи* въ обычномъ его смыслѣ“ (стр. 38).

Въ этихъ словахъ высказано все существенное, въ чемъ состоитъ и на чемъ опирается гипотеза г. Бутлерова, гипотеза, которую можно назвать *физическою теоріею спиритизма*.

Что же мы скажемъ на это? Прежде всего скажу, что ничего страннѣе, — нѣтъ, это слабо, — ничего чудовищнѣе этой гипотезы нельзя себѣ представить. Г. Вагнеръ, ради спиритизма дѣлалъ выходки противъ непреложныхъ истинъ, противъ дважды два четыре; г. Бутлеровъ очевидно не признаетъ этихъ выходокъ правильными и не вооружается противъ аксіомъ и тавтологій; но его гипотеза — хуже въ логическомъ отношеніи. Она изумительна по своей внутренней несообразности.

IV.

Различіе двухъ законовъ.

Разберемъ дѣло по порядку.

Если умозрѣніе даетъ намъ два закона, законъ сохраненія вещества и законъ сохраненія энергіи, то вѣжется, необходимо было бы точно изложить, *какъ* оно ихъ намъ даетъ, въ какой формѣ, что тутъ разумѣется подъ *веществомъ*, что подъ *энергіею* и въ чемъ полагается ихъ *сохраненіе*. Тогда бы мы видѣли, чѣмъ эти законы различаются, почему ихъ два и почему нельзя ихъ ни слить, ни замѣнить одинъ другимъ, и т. п. Между тѣмъ г. Бутлеровъ ничего этого не сдѣлалъ и все это перемѣшалъ. Ходъ его мыслей слѣдующій:

1) Существуетъ умозрительная истина, аксіома, что сущность сохраняется.

2) На основаніи этой аксіомы въ физикѣ признается сохраненіе вещества и сохраненіе энергіи, двухъ отдѣльныхъ сущностей.

3) Но умозрѣніе требуетъ приведенія всего къ единству. Слѣдовательно, можно и даже нужно принять, что вещество и энергія составляютъ видоизмѣненія одной и той же сущности.

4) Какъ энергія, сохраняясь, — превращается изъ одного вида въ другой, такъ можно предположить, что энергія превращается въ вещество, а вещество въ энергію.

Такое разсужденіе, говорю я, ниже всякой критики. Оно, очевидно, все основано на приѣмѣ обобщенія, при которомъ смѣшиваются всѣ понятія. Посмотрите:

Сохраненіе вещества и энергіи, подъ которымъ (сохраненіемъ) физика разумѣетъ неизмѣнность ихъ *количествъ*, подведено подъ общее понятіе *сохраненія сущности*, болѣе широкое и неопредѣленное.

Вещество и энергія, точныя физическія понятія, смѣшаны въ общемъ понятіи *сущностей*. Можно пожалуй подумать, что такихъ сущностей есть еще много.

Понятіе превращенія, которое относится лишь къ энергіи, распространено на вещество. А физика вѣдь учитъ, что количество энергіи сохраняется, *не смотря* на ея превращенія, вещество же сохраняется *потому*, что не терпитъ никакихъ превращеній, на примѣръ, состоитъ изъ атомовъ, отъ вѣчности неизмѣнныхъ.

Мнѣ слѣдовало бы теперь, откинувъ эту путаницу, изложить въ истинномъ смыслѣ оба главныхъ физическихъ закона. Предметъ этотъ очень любопытенъ и заслуживаетъ самаго внимательнаго и дробнаго изслѣдованія, а не такого бѣглого изложенія, какъ у г. Бутлерова, и не тѣхъ немногихъ строкъ, которыми придется здѣсь ограничиться.

Скажу только одно: сохраненіе вещества есть первый и основной законъ, а сохраненіе энергіи *второй* и *выводной*. Когда въ физикѣ всѣ явленія сводятся на механическія понятія, то, въ послѣднемъ анализѣ, мы необходимо должны принять нѣчто, *занимающее пространство, подвижное и инертное*, то есть не претерпѣвающее никакихъ перемѣнъ отъ перемѣны мѣста и не имѣющее въ себѣ самомъ никакихъ причинъ измѣненія. Это и будетъ *вещество*, количество котораго, по самому этому понятію, должно сохраняться неизмѣнно. Разумѣется ни о какихъ превращеніяхъ этого вещества не можетъ быть и рѣчи.

Второй законъ, сохраненіе энергіи, получается только въ томъ случаѣ, если признается первый. *Если* количество вещества неизмѣнно, и *если* силы, дѣйствующія между его частицами, имѣютъ неизмѣнный образъ дѣйствія, то необходимо будутъ происходить перемѣны въ положеніи тѣлъ, движенія ихъ будутъ получать различную скорость и форму, переходить во вращательныя, колебательныя и т. д., но, при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, то количество, которое называется *энергіею*, не будетъ измѣняться. Энергія сохраняется, *если* сохраняется вещество. Такимъ образомъ, этотъ законъ есть механическая теорема, непременно требующая для себя сохраненія вещества. Въ такомъ смыслѣ вывелъ этотъ законъ Гельмгольцъ въ своей статьѣ: *Ueber die Erhaltung der Kraft* (Berl. 1847). И Фридрихъ Моръ, изъ котораго мы привели выписку, имѣлъ полное право раздѣлять оба закона по ихъ происхожденію и, признавая сохраненіе вещества за эмпирической законъ, утверждать, что сохраненіе энергіи есть уже законъ рациональный.

Если же положимъ, что вещество не сохраняется, то тогда *не можетъ быть и рѣчи* о сохраненіи энергіи, тогда энергія не имѣетъ никакого основанія и никакой возможности сохраняться. Оба закона падаютъ разомъ и въ одну сторону. Дѣло вышло бы еще яснѣе, если бы мы могли здѣсь пуститься въ объясненіе того, чтѣ такое *энергія*. Гипотеза г. Бутлерова похожа на то, какъ если бы, взявши какое-нибудь количество извѣстнаго вещества, мы предположили, что посредствомъ уменьшенія его по вѣсу мы можемъ увеличить его по объему и что сумма его объема и вѣса всегда сохраняется. Что такое сумма объема и вѣса? И какъ недостающій вѣсъ обратится въ прибавившійся объемъ? Подобныя вещи

можно вѣдь только сказать словами, но мыслить что-нибудь при этихъ словахъ невозможно.

V.

Исканіе духовнаго въ мірѣ.

И такъ гипотеза г. Бутлерова представляетъ величайшую странность. Странно отрицать аксіомы и тавтологіи; но еще страннѣе сдѣлать такое сочетаніе понятій, которое не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого смысла.

Простите меня за рѣзкость выраженій; я никогда бы ихъ не употребилъ, еслибы это не были совершенно *точные* выраженія. Притомъ я надѣюсь, что важность самаго предмета возьметъ верхъ у серьезныхъ читателей надъ соображеніями о словахъ и лицахъ. Г. Бутлеровъ имѣетъ высокія, даже самыя высокія цѣли, и я вполне сочувствую его стремленіямъ, и веду полемику изъ-за этихъ самыхъ цѣлей, изъ-за путей, которые въ немъ ведутъ. Мнѣ было бы грустно и обидно, еслибы мои письма о спиритизмѣ были приписаны какому нибудь другому побужденію. Дѣло идетъ о духѣ, о присутствіи въ мірѣ духовнаго начала, и, слѣдовательно, о томъ, гдѣ намъ искать его и какъ намъ къ нему вышаться, какъ приходитъ съ нимъ въ связь и сліянніе. Г. Бутлеровъ въ своей брошюрѣ прямо указываетъ на подобныя цѣли и дѣлаетъ нѣкоторыя рѣшительныя заявленія, о которыхъ я, можетъ быть, напишу вамъ еще письмо.

Но первое, что онъ дѣлаетъ, есть то возстаніе противъ физики и та физическая теорія, о которыхъ теперь пишу. И вотъ моя мысль, которую записалъ и

защищаю:—такія теоріи, вопервыхъ, невозможны и, вторыхъ, совершенно не нужны, ни мало не требуются дѣломъ. Согласитесь, что для того, кто жаждетъ найти духовное въ мірѣ, было бы величайшимъ бѣдствіемъ, еслибы оказалось, что для этого необходимо отвергать физику, отрицать умозрѣніе и даже сочетать извѣстныя понятія вопреки ихъ прямому смыслу. И вотъ, я утверждаю, что такой горькой необходимости вовсе не существуетъ.

Свою полемикою я желалъ бы принудительно, насильно привести противниковъ къ мысли, что они должны оставить дорогу, на которую вышли, и что имъ необходимо искать другаго выхода. Мнѣ казалось, что, ставши съ ними на одну почву, можно сильнѣе обратить ихъ вниманіе, что можно подтвердить ихъ стремленія, но вмѣстѣ указать имъ заблужденіе, при которомъ никакой успѣхъ невозможенъ. Иначе моя рѣчь была бы непонятна, и мнѣ пришлось бы дѣлать такъ, какъ это завелось и многими дѣлается въ нашъ просвѣщенный вѣкъ: применить къ людямъ сколько-нибудь сходнымъ по образу мыслей и жить въ своей *partii*, не заботясь о другихъ *partіяхъ* и забавляясь только враждою съ ними.

Писать вообще трудно, а въ наше время въ особенности. Современное просвѣщеніе имѣетъ страшную односторонность. Есть простѣйшія понятія, есть основныя истины, которыя такъ спутаны и извращены, или даже такъ твердо забыты и устранены изъ обращенія, что рѣчь объ нихъ кажется непонятною, дикою, и что самъ говорящій долженъ съ великимъ трудомъ высвободить свою мысль изъ привычнаго всѣмъ потока огрубѣвшихъ формъ и искаженій.

Вы спрашиваете, или готовы спросить: *какъ же существуетъ въ мірѣ духовное?* Если оно не проявляется въ спиритическихъ чудесахъ, то гдѣ же и какъ оно дѣйствительно проявляется? Странные вопросы! Все, что имѣетъ для насъ высокую цѣну, все истинное, прекрасное, великое, существенное, всегда кажется намъ далеко отъ насъ. Мы вѣчно думаемъ, что оно скрыто отъ насъ на недоступныхъ высотахъ и глубинахъ, что оно существуетъ за дальними морями, во тѣмѣ давно минувшихъ временъ, или же въ особыхъ избранныхъ людяхъ, въ таинственныхъ и непонятныхъ явленіяхъ, насколько не похожихъ на тѣ простыя и регулярныя явленія, среди которыхъ мы проводимъ нашу будничную и пошлую жизнь. Мы страдаемъ отъ этой мысли, мы отъ нея несчастны; мы не хотимъ вѣрить въ такое скудное существованіе, какъ наше, и потому готовы вѣрить во всякія чудеса.

Между тѣмъ, и истина, и духъ, и всякое высшее благо,—все это доступно каждому всегда и вездѣ; все это близко къ намъ, все это было бы прямо передъ нашими глазами, еслибы мы упорно не отворачивались, еслибы мы сами не создавали себѣ того густаго тумана, который закрываетъ отъ насъ свѣтъ.

Можетъ быть, я скоро вернусь къ этой темѣ: *какъ существуетъ въ мірѣ духовное?*

Н. С.

20 янв.

МЕДИУМИЗМЪ И УМОЗРѢНІЕ БЕЗЪ ОПЫТА

Отвѣтъ г. СТРАХОВУ *).

(*Новое Время*, 27 авг. 1885 г.).

Винюсъ, я нѣсколько запоздалъ отвѣтомъ г. Страхову. Самъ онъ, однако же, болѣе года собиравшійся выступить противъ меня со своими возраженіями, не вправѣ ожидать поспѣшности съ моей стороны. Виновать я предъ тѣми немногими, которые не пропустили безъ вниманія нашего спора и относятся, значить, небезучастно къ его предмету. Для нихъ собственно я и пишу теперь, такъ-какъ сильно сомнѣваюсь въ возможности сдвинуть сколько нибудь самого г. Страхова съ его „умозрѣній“, столь опредѣленно рѣшающихъ для него вопросы *физическаго* міра. Г. Страховъ, размышляя, считаетъ себя познавшимъ сущность вещества, а я, экспериментируя всю жизнь, очень далеко отъ того, чтобы претендовать на такое знаніе; для него безъ опыта

*) См. письмо г. Страхова „Физическая теорія спиритизма“ „Нов. Время“ № 3232.—Отвѣтъ этотъ былъ доставленъ г. Бутлеровымъ еще въ апрѣлѣ. Извиняемся передъ почтеннымъ авторомъ, что такъ запоздали помѣщеніемъ его статьи.

ясно то, что возможно и что невозможно въ мірѣ явленій, для меня же вопросъ этотъ выясняется только путемъ фактовъ; въ качествѣ бывшаго реалиста, незнающаго нынѣ, „гдѣ запропастился“ у него магистерскій дипломъ,—г. Страховъ считаетъ правильнымъ игнорировать явленія, несогласныя съ его умозрѣніемъ, а я, продолжая оставаться естествоиспытателемъ, нахожу такое именно отношеніе къ фактамъ „бунтомъ противъ науки“ и квалификацію бунтовщиковъ этого рода припущенъ сложить съ больныхъ головъ „ученыхъ спиритовъ“ на здоровую голову г. Страхова. Сойтись въ убѣжденіяхъ намъ, очевидно, надежды мало; но я, подобно самому г. Страхову, радъ спорить изъ-за цѣли, для нѣкотораго уясненія дѣла. Не могу, поэтому, не быть ему благодарнымъ за то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ моей брошюрѣ, и за самое возбужденіе полемики.

Я желалъ бы только видѣть у г. Страхова немножко болѣе осторожности и снисходительности въ чужимъ убѣжденіямъ. Онъ былъ бы тогда нѣсколько разборчивѣе въ выраженіяхъ. По этому поводу, позволю себѣ сообщить къ свѣдѣнію г. Страхова то, что сказалъ недавно своему противнику одинъ изъ моихъ товарищей по наукѣ:

„Неужели васъ никогда не дѣлало недовѣрчивымъ къ себѣ то обстоятельство, что слова и мысли, которыя вы приписываете своимъ противникамъ, такъ глупы? Я еще хорошо помню изъ времени моего студенчества, что мнѣ случалось подчасъ, при горячихъ спорахъ, выходить изъ себя отъ неразумія возраженій моего противника и не понимать, какъ могла подобная мысль зародиться въ человѣческой головѣ. А потомъ, почти всегда оказыва-

лось, что я не понял возраженія. Позже я убѣдился изъ опыта, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нормальная личность кажется говорящей вопіющую нелѣпность, правильнѣе всего повременить съ подобнымъ заключеніемъ. Это придало мнѣ болѣе осторожности, чѣмъ сколько я нахожу ея въ васъ“ *).

Въ самомъ дѣлѣ, интересно бы знать, изъ какихъ словъ *ученыхъ* медиумистовъ извлечь г. Страховъ ту гучу нелѣпостей, которую онъ рѣшается взвалить на нихъ? Изъ чего слѣдуетъ, напр., что „малѣйшее движеніе стола, малѣйшій стукъ который въ немъ раздается, представляетъ для спиритовъ уже нарушеніе закона энергии, и только въ качествѣ такого нарушенія признается за медиумическое явленіе“? Откуда взялъ г. Страховъ, что „нѣтъ физическихъ причинъ“, производящихъ медиумическіе звуки, что „физическія явленія“ медиумическаго характера „необъяснимы изъ законовъ физическаго міра“ и происходятъ „вопреки этимъ законамъ“ и проч. и проч.? Значитъ ли это, — обнаруживать въ своей и чужой рѣчи то уваженіе, въ недостаткѣ котораго г. Страховъ упрекаетъ своихъ противниковъ? А для того, чтобы познакомить г. Страхова съ тѣмъ, какъ поборники медиумизма дѣйствительно смотрятъ на эти явленія, мнѣ очень хотѣлось бы отослать его въ едва ли читаннымъ имъ статьямъ покойнаго Цёлльнера. Заодно съ Цёлльнеромъ утверждаю и я, что „ученымъ спиритамъ“ вовсе не приходится „отказываться“ отъ *дѣйствительныхъ* „основъ науки“, а предстоитъ только, сообразно съ новыми фактами, измѣнять и расширять

*) Оствальдъ въ открытомъ письмѣ къ Альбрехту Пау (брошюра In Sachen der modernen Chemie), стр. 7-я.

эти основы. Или г. Страховъ не въ шутку признаетъ, что „основы“ уже постигнуты до конца имъ, г. Страховымъ, и современной физикой? Несомнѣнная реальность фактовъ медиумизма всего лучше свидѣтельствуемъ о шаткости кое-какихъ современныхъ „основъ“ и о недостаточности извѣстныхъ „законовъ“. Что же касается моего, избрѣтаемаго г. Страховымъ, „впаденія“ въ „странный обманъ“ и „вовлеченія“ въ него „другихъ“, то мнѣ хорошо извѣстно, что не я впадаю въ обманъ, идя отъ факта къ заключенію, а обманываетъ себя г. Страховъ, отворачиваясь отъ фактовъ въ угоду своего „умозрѣнія“. На этотъ несомнѣнно ложный и ненаучный путь хотѣлъ бы онъ, кажется, увлечь и другихъ; но это было бы дурной услугою знанію и плохо согласовалось бы съ тѣми „высокими цѣлями“, о своемъ сочувствіи къ которымъ заявлялъ г. Страховъ. То, что говоритъ онъ относительно насъ, я готовъ повторить и въ приложеніи къ нему самому: „я желалъ бы принудительно, насильно привести противниковъ къ мысли, что они должны оставить дорогу, на которую вышли“ (т. е. должны отказаться отъ *априористическаго* отрицанія фактовъ) „и что имъ необходимо искать другаго выхода“, т. е. добросовѣстно и терпѣливо познакомиться съ фактами, и только потомъ уже доказывать намъ—если они и тогда сочтутъ себя вправѣ это дѣлать—какъ, въ чемъ и почему впадаемъ мы въ заблужденіе. Это дѣйствительно бы значило „стать съ нами на одну почву“; теперь же, г. Страховъ вовсе не имѣетъ права говорить, что это имъ сдѣлано: какая тутъ одна почва, когда одинъ толкуетъ о фактѣ, какъ основѣ умозрѣнія въ данномъ случаѣ, а другой умозрительно отвергаетъ фактъ?

Если бы желаніе мое исполнилось, и г. Страховъ, строго осуществивъ на дѣлѣ свое намѣреніе относительно „ставанія на одну съ нами почву“, взялся за факты, тогда и „Ребусъ“, какъ органъ, добросовѣстно и только относящійся къ этимъ фактамъ, не вызывалъ бы въ немъ нынѣшняго высокоумѣрнаго отношенія, оправдываемаго только самодовольнымъ незнаніемъ читающаго.

Я могъ бы разбирать письмо г. Страхова съ самаго начала и доказывать, что, съ одной стороны, „для опыта“ вовсе не „все возможно“, а съ другой—здоровое умозрѣніе невозможно безъ опыта,—что правиленъ только тотъ путь, гдѣ опытъ и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ гармоническомъ сочетаніи. Но все это не затрогивало бы самой сути дѣла, которой посвящаетъ г. Страховъ послѣднюю четверть своего письма. Перейду поэтому прямо къ ней, предпославши лишь одно маленькое поясненіе.

Я дѣйствительно сдѣлалъ промахъ, не высказавшись съ самаго начала съ достаточной опредѣленностью въ томъ смыслѣ, что „законъ вѣчности матеріи“, какъ нѣчто отдѣльное отъ закона сохраненія всякой сущности, „неотразимо вытекаетъ апріорнымъ путемъ“ *только подъ условіемъ* обычнаго взгляда на вещество, какъ на особую, самостоятельную сущность—взгляда, котораго придерживается г. Страховъ, но котораго совѣмъ не держусь я. Этимъ промахомъ я доставилъ г. Страхову напрасную „радость“ и „ввелъ его въ заблужденіе“. Г. Страхову показалось, что я „очевидно противорѣчу себѣ“. Сознаюсь и каюсь,—поводъ къ „радости“ и „заблужденію“ дѣйствительно данъ мной—хотя и неу-

мышленно—на все то время, которое употребляетъ читатель на то, чтобы дойти до слѣдующей страницы. На ней г. Страховъ нашелъ мой собственный взглядъ, и его радость была, увы, непродолжительна.

Странно, однако же, что, и прочтя эту страницу, г. Страховъ продолжаетъ, кажется, считать меня согласнымъ съ тѣмъ, что „умозрѣніе даетъ намъ два закона: законъ сохранения вещества и законъ сохранения энергіи“. Приступая въ существенной части вопроса (IV глава письма), онъ на этомъ именно основаніи обвиняетъ меня въ томъ, что и будто бы „все перемѣшалъ“, а потомъ приписываетъ мнѣ, въ четырехъ особыхъ пунктахъ, „ходъ мыслей“ собственнаго изобрѣтенія и въ концѣ концовъ заявляетъ, что „такое разсужденіе“ (выдуманное, замѣтите, г. Страховымъ, но вовсе не предлагаемое мною) „ниже всякой критики“. По неволѣ опять вспомнишь приведенныя выше слова моего коллеги!

О томъ, что говорю я въ своей брошюрѣ относительно шаткости нашихъ понятій о веществахъ, — г. Страховъ—ни слова: *вещественный атомъ* для него данъ и несомнѣненъ отдѣльно отъ силы, тогда какъ я склоненъ отвергать его существованіе; г. Страховъ выходитъ изъ того, достовѣрность чего я отрицаю. Мудрено ли послѣ этого, что намъ трудно сойтись? При этомъ, я несомнѣнно имѣю право упрекнуть г. Страхова въ томъ, въ чемъ обвиняетъ онъ меня: „онъ не хочетъ вникнуть въ мою постановку вопроса“. Наполнивъ большую часть своего письма если не излишнимъ, то не существеннымъ, г. Страховъ почти не останавливается на основномъ; а между тѣмъ, онъ самъ говоритъ, что ему *стѣдовало бы* „изложить въ истинномъ (?) смыслѣ оба главные физическіе закона“ и что предметъ заслу-

живаешь „не тѣхъ немногихъ строкъ, которыми мнѣ (г. Страхову) придется здѣсь ограничиться“. Зачѣмъ же стало дѣло? Отчего бы не посвятить письмо именно этимъ основамъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться голословнымъ утверженіемъ извѣстныхъ положеній, которыя святы и ненарушимы для него, г. Страхова, а совсѣмъ не для меня?

Г. Страховъ ссылается на то, чему учить физика, и на то, какъ смотреть на дѣло механика. Повидимому. г. Страховъ думаетъ, что науки эти познаютъ и объясняютъ явленія физическаго міра въ ихъ *дѣйствительной сущности*, что разчлененіе вещества на атомы свободные отъ всякой силы и отвлеченіе понятія о силѣ отъ инертнаго атома лежатъ въ самой природѣ дѣла, а не представляютъ простой приѣмъ нашего сужденія, обусловливаемый не „вещами по себѣ“, а нашей субъективной природой. Въ этомъ-то и лежитъ корень его заблужденія и нашего несогласія.

Вещество, говоритъ г. Страховъ, „не терпитъ никакихъ превращеній“. При этомъ онъ, очевидно, разумѣетъ атомы, принимаемые теоріей, а не тѣла, агрегаты атомовъ, которые мы на самомъ дѣлѣ наблюдаемъ. Эти послѣдніе подвержены, напротивъ, явнымъ и постояннымъ превращеніямъ. Если же вопросъ касается *атомовъ*, то пусть г. Страховъ попробуетъ прежде всего доказать, что они не фикція, а существуютъ на дѣлѣ. Но если даже допустить реальное существованіе атомовъ, то мыслить эту реальность безъ силы невозможно: атомъ неспособный дѣйствовать эквивалентенъ атому несуществующему—онъ нуль въ физической природѣ. И выходитъ, что отдѣленіе вещества отъ силы, причины отъ дѣйствія, и силы отъ вещества—есть не болѣе, какъ

извѣстный приемъ сужденія. Такимъ приемомъ и пользуется механика; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы онъ непрерываемо соотвѣтствовалъ дѣйствительной сущности явленій.

Первый изъ тѣхъ пунктовъ, на которые г. Страховъ самовольно разлагаетъ мой „ходъ мыслей“, я дѣйствительно вполне принимаю: *сущность сохраняется*—это для меня умозрительная истина, аксіома. На этомъ, однакоже, дѣло и оканчивается: допущеніе двухъ отдѣльныхъ сущностей, вещества и энергіи,—я не считаю правильнымъ съ философской точки зрѣнія, а „приведеніе ихъ къ единству“ основываю вовсе не на „требованіи умозрѣнія“, а на томъ, что нѣтъ вещества безъ силы, количество же силы далеко не всегда пріурочивается въ количеству вещества. Последнее низводится иногда до минимума, а энергія остается и даже возрастаетъ въ громадныхъ размѣрахъ находимъ мы ее и тамъ, гдѣ уже совсѣмъ отсутствуютъ обычные признаки вещественности. Лучиспусканіе, тяготѣніе представляютъ примѣры, указанные мной и благоразумно оставленные въ сторонѣ г. Страховымъ.

Говоря о сохраненіи энергіи, какъ о механической теоремѣ, г. Страховъ, повидимому, понимаетъ подъ именемъ „вещества“ *массу*, которая, рядомъ съ *скоростью*, нужна механику для выраженія количества энергіи. Пусть механикъ и пользуется этими понятіями, — онъ будетъ совершенно правъ въ своей области; но приписывать „массѣ“ постоянную неизмѣнность на дѣлѣ и всегдашнюю реальность — я не считаю возможнымъ. Нельзя говорить серьезно о „массѣ“ частицъ эфира, колеблющейся въ лучѣ, или о массахъ въ средѣ, передающей тяготѣніе, какъ о *реальныхъ объектахъ*, и пе

видѣть, что это лишь извѣстный пріемъ математическаго сужденія. „Масса“, какъ количество *отъсого* вещества, въ реальной природѣ для насъ доступна и понятна; „масса“ частицъ невѣсомыхъ, всепроникающихъ — становится фикціей, отвлеченіемъ.

Было время, что подобныя вопросы казались мнѣ простыми и ясными; но оно давно прошло для меня. Не отвергаю при этомъ, что знакомство съ фактами, столь упорно игнорируемыми нашими противниками, играло тутъ немаловажную роль; но, и помимо этихъ фактовъ, достаточно, мнѣ кажется, взглянуть на дѣло поглубже, немножко отрѣшившись отъ школьныхъ понятій, чтобы познать свое незнаніе въ такихъ вопросахъ. А г. Страховъ, должно быть, еще продолжаетъ приписывать нашему теперешнему знанію больше того, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Попробую пояснить примѣрами, какъ трудно иногда говорить о „массѣ“ не въ математической механикѣ, а въ реальной природѣ. Опредѣлить „массу“, т. е. мѣрить количество вещества умѣемъ мы только по объему или по вѣсу. Г. Страховъ знаетъ, какъ шатовъ первый способъ: къ веществу прибавлена энергія въ теплотной формѣ — и объемъ его увеличился; электризація также можетъ иногда измѣнять объемъ. А вѣдь количество вещества осталось прежнее, — и выходитъ, пожалуй, что энергія тоже можетъ „занимать пространство“. Измѣреніе количества вещества по вѣсу удобнѣе; оно предпочтительно и употребляется; но развѣ и оно представляетъ абсолютный характеръ? Пока мы употребляемъ вѣсы и гири, т. е., для измѣренія величины земнаго притяженія падающаго на землю извѣстнаго предмета, пользуемся тѣмъ же самымъ притяженіемъ, устраняя дру-

гія, то дѣло просто. Но возьмемъ для мѣры другую силу, силу молекулярную, наприм., упругость, т. е. употребимъ динамометръ, пружинные вѣсы достаточной чувствительности. Вѣдь тогда показаніе инструмента для одной и той же массы вещества будетъ различно, смотря по широтѣ мѣста, въ которомъ производится опытъ. Или—еще лучше: помѣстивши вѣсы близъ желѣзнаго предмета, мы взвѣшиваемъ кусокъ стали, а потомъ намагничиваемъ сталь. Показаніе вѣсовъ измѣняется; но развѣ количество вещества измѣнилось? Между тѣмъ, еслибы мы не знали магнетизма, то, натѣнувшись при взвѣшиваніяхъ случайно на только-что указанныя условія, мы, на первый разъ, затруднились бы признать количество вещества неизмѣнившимся. Смотря по состоянію вещества, его отношеніе къ извѣстному роду притяженія, магнитному, электрическому, можетъ измѣняться; почему—спрашивается—должны мы считать неизмѣннымъ его отношеніе къ тому роду притяженія, которое зовется тяготѣніемъ и котораго напряженіе составляетъ вѣсъ? Не наблюдались условія, при которыхъ это измѣненіе произошло бы на дѣлѣ?—Ну, а если эти условія еще неизвѣстны и когда-либо намъ представятся, будутъ найдены,—тогда что?

По отношенію къ вопросу о неизмѣнности вѣса, укажу г. Страхову на слова лица, которое онъ конечно не заподозритъ въ снисходительности къ медиумизму. Вотъ что высказалъ мой уважаемый сотоварищъ, профессоръ Менделѣевъ, въ своемъ знаменитомъ мемуарѣ „О періодическомъ законѣ“:

„Закопъ сохраненія вѣса можно разсматривать какъ частный случай закона сохраненія силъ или движенія. Вѣсъ, конечно, обуславливается особеннымъ родомъ дви-

женія вещества, и нѣтъ причины отрицать возможность превращенія этого движенія въ химическую энергію, или въ какую-либо другую форму движенія. Два свойства, представляемые элементами въ настоящее время—постоянство атомнаго вѣса и неразлагаемость—находятся даже исторически въ тѣсномъ отношеніи между собою. Если бы, значитъ, какой-нибудь изъ извѣстныхъ нынѣ элементовъ подвергся разложенію, или образовался новый элементъ, то это могло бы, пожалуй, сопровождаться убылью или возрастаніемъ вѣса“ *).

И такъ, наши понятія о количествѣ вещества оказываются вовсе не столь устойчивыми, какъ то думаетъ г. Страховъ; понятіе же о силѣ—всюду, гдѣ есть дѣйствіе; а вещества безъ дѣйствія мы не знаемъ, и внѣ дѣйствія явленія міра не подлежатъ чувственному познанию. Надъ этимъ царитъ аксіома сохраненія сущности. Что же оказывается теперь болѣе реальнымъ, вещество ли съ своей „массой“, или сила съ своимъ *дѣйствіемъ*?

Г. Страхову кажется, что мы хотимъ „найти духовное въ мірѣ“, пытаюсь „отвергать физику, отрицать умозрѣніе и даже сочетать извѣстныя понятія вопреки ихъ прямому смыслу“. Онъ утверждаетъ, „что такой горькой необходимости вовсе не существуетъ“. Я тоже утверждаю это послѣднее заодно съ нимъ; но вполне отрицаю все первое. Я утверждаю далѣе, что путь нашъ ведетъ не къ отрицанію физики и умозрѣнія, а къ расширенію науки и къ *здоровому* умозрѣнію, чуждому уз-

*) Liebig's Annal. Supplementband VIII (1870, стр. 206, въ отдѣльномъ оттискѣ изъ «Moniteur scientifique» Кевенулла, стр. 36).

кой самодовольной увѣренности въ несуществованіи того, съ чѣмъ оно еще не знакомо.

Я желалъ бы, чтобы г. Страховъ не „можетъ быть“, а дѣйствительно вернулся въ „темѣ: *какъ существуетъ въ мірѣ духовное*“? Мнѣ крайне интересно было бы узнать, считаетъ ли онъ духъ силой, или признаетъ его существованіе внѣ всякой дѣятельности въ мірѣ явленій, сохраняя прерогативъ силы и дѣйствія для одного вещества?— „Густой туманъ“, который мы, будто бы, „сами себѣ создаемъ“, не облачаетъ г. Страхова; пусть же онъ выведетъ и насъ на свѣтъ, если только этотъ его свѣтъ освѣщаетъ не одинъ тотъ уголокъ, въ которомъ сидитъ г. Страховъ.

А. Бутлеровъ.

VI.

ЗАКОНОМѢРНОСТЬ СТИХІЙ И ПОНЯТІЙ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ А. М. БУТЛЕРОВУ.

(*Новое Время*, 11 и 26 нояб. 1885 г.).

Покорно благодарю васъ за отвѣтъ, за вниманіе къ тому, что мною писано, и за очевидное желаніе—возразить мнѣ и по существу дѣла. Мнѣ очень бы хотѣлось, со своей стороны, наилучшимъ образомъ воспользоваться вашими возраженіями и дать спору самое серьезное направленіе. Пожалуйста, не подозрѣвайте меня ни въ какомъ коварствѣ. У меня вовсе нѣтъ охоты останавливаться, на примѣръ, на тѣхъ, довольно многочисленныхъ, обвиненіяхъ и отрицаніяхъ, для которыхъ вы не приводите никакихъ основаній. Не хочу подражать вамъ, воздержусь отъ своей привычки шутить, не стану васъ упрекать и допрашивать. Нельзя мнѣ щадить ваши мнѣнія; но, чтобы доказать мое уваженіе къ такому противнику, какъ вы, я и буду отвѣчать только на ваши мысли, разбирать только тѣ мѣста, гдѣ вы разсуждаете, а чтобы не досаждать никому изъ разумѣющихъ читателей, постараюсь сосредоточиться на важнѣйшихъ пунктахъ.

I.

Ходъ спора и его общая почва.

Вашъ отвѣтъ и начинается и продолжается тою мыслью, что опытъ есть первоначальное основаніе всякаго познанія, что только факты рѣшаютъ всякій вопросъ о дѣйствительности, и что мы не имѣемъ права отрицать что бы то ни было на основаніи одного умозрѣнія. Вы ничего не говорите въ подтвержденіе или разъясненіе такого безусловнаго эмпиризма; но за то весьма рѣшительно выводите изъ него слѣдствія. Именно, вы постоянно отсылаете меня къ опыту; вы настойчиво требуете, чтобы я прежде всего „добросовѣстно и терпѣливо познакомился съ фактами“, чтобы читаль Цѣлльнера, Дэвиса и т. д. Вы даже утверждаете, что безъ этого я никакъ не могу стать съ вами *на одну почву* (слѣдовательно, не могу и спорить). „Какая тутъ одна „почва“, говорите вы, „когда одинъ толкуетъ о фактѣ, какъ основѣ умозрѣнія въ данномъ случаѣ, а другой „умозрительно отвергаетъ фактъ?“.

Но вѣдь это значитъ только, что вы возвращаетесь къ самому началу спора. Пожалуй, я радъ, потому что приписываю общему смыслу спора величайшую важность.

Вы отсылаете меня къ опыту, тогда какъ съ того я и началъ, что нельзя всегда безусловно ссылаться на опытъ; вы требуете, чтобы я не судилъ о незнакомыхъ мнѣ лично фактахъ, тогда какъ я прямо и выступилъ съ защитой людей, отвергающихъ иные заявляемые факты и при этомъ даже вовсе не желающихъ съ ними знакомиться; вы говорите, что нѣтъ у насъ общей почвы, тогда какъ я, можно сказать, по пятамъ слѣдовалъ за

учеными спиритами. Они постоянно жаловались, и вы теперь жалуетесь, на предубѣжденіе, на невниманіе, на невѣріе. Я и сталъ объяснять, отчего происходитъ это предубѣжденіе и невниманіе, на чемъ основывается такое удивительное явленіе, какъ невѣріе въ факты, притомъ въ факты, засвидѣтельствованные множествомъ людей, и между ними людей ученыхъ, знаменитыхъ въ наукѣ. (*Борьба съ Западомъ*, в. 2. „За непосвященныхъ“) *).

Споръ имѣлъ ходъ самый правильный, если вы постараетесь вспомнить.

1) Есть, говорилъ я, *непреложныя истины* въ наукахъ, въ математикѣ, въ физикѣ. Исканіе такихъ истинъ, убѣжденіе въ нихъ составляютъ основу всякой науки. Если намъ заявляютъ фактъ, противорѣчащій таковой истинѣ, мы имѣемъ полное право считать его невозможнымъ, заранѣе отвергать его. (*Борьба съ Западомъ*, кн. 2. „Границы возможнаго“) **).

2) Мой вызовъ былъ принять вашимъ сотоварищемъ. Н. П. Вагнеръ сталъ мнѣ пространно доказывать, что непреложныхъ истинъ нѣтъ въ наукахъ, сталъ объяснять, почему можно сомнѣваться даже въ томъ, что *дважды два четыре, цѣлое больше своей части* и т. д. При этомъ онъ указывалъ и на то, что непреложныя истины противорѣчатъ всемогуществу Божію. („Перегородочная философія и наука“. „Новое Время“, 1883 г. іюля 13 и 20).

3) Отвѣчая Н. П. Вагнеру, я старался подвинуть споръ впередъ. Не только я опровергалъ возраженія Н. П. Вагнера

*) См. выше, стр. 13—22

**) См. выше, стр. 23—36.

противъ *дважды два четыре* и тому подобнаго, но я старался объяснить *характеръ непреложныхъ истинъ*. Въ томъ, какъ мы понимаемъ сущность этихъ истинъ, заключается весь узелъ вопроса. Пока мы смотримъ на нихъ, какъ на факты, какъ на эмпирическія данныя, мы никакъ не выйдемъ на прямой путь. Но ихъ слѣдуетъ признать истинами формальными, и тогда онѣ никому и ничему мѣшать не будутъ; въ то же время ясно будетъ видно, что живаго познанія намъ нужно искать не въ этой мертвой области. („Еще письмо о спиритизмѣ“, „Новое Время“, 1884 г. 1 февр.) *).

4) На это я получилъ два отвѣта: отъ васъ („Умствование и опытъ“, *тамъ же*, 7 февраля) и отъ Н. П. Вагнера („Раздвоенная философія“, *тамъ же*, 5 апрѣля). Н. П. Вагнеръ, какъ и въ первой своей статьѣ, нисколько не отвергалъ, что я вѣрно понялъ его мнѣнія; но онъ мало обратилъ вниманія на мои разсужденія о непреложныхъ истинахъ и продолжалъ настаивать на томъ, что эти истины противорѣчатъ всемогуществу Божию. Чтò касается да васъ, то въ вашей замѣткѣ вы очевидно желали поставить мнѣ, и всѣмъ вообще, на видъ, что мои возраженія нисколько на васъ не падаютъ, что ваши взгляды имъ не подвержены. Мнѣнія ваши давно меня интересуютъ; я давно знаю, напримѣръ, что вы не отвергаете математическихъ аксіомъ; но чего-нибудь болѣе опредѣленнаго я у васъ не находилъ, пока не прочиталъ „Кое-что о медіумизмѣ“. Оказалось, что вы не только не мечтаете о *не-земной наукѣ*, но, сверхъ математическихъ аксіомъ, признаете даже аксіому *сохраненія сущности*. Вы, вообще, не хотите отрицать науки,

*) См. выше стр. 37—58.

утверждаете, что можно *согласить* съ нею спиритизмъ, и предлагаете свою попытку такого соглашенія.

5) Тотчасъ я увидѣлъ, что споръ такимъ образомъ можно подвинуть еще на шагъ впередъ, вывести его изъ отвлеченной, общей сферы. Дѣло уже прямо идетъ о двухъ опредѣленныхъ истинахъ, которыя признаются въ естественныхъ наукахъ непреложными, о *сохраненіи вещества* и *сохраненіи энергіи*. И вотъ я постарался показать, что, подъ видомъ соглашенія спиритизма съ наукой, въ сущности у васъ отрицаются обѣ эти научныя истины и что такое отрицаніе ихъ приводитъ, какъ говорятъ математики, къ явной нелѣпости. („Физическая теорія спиритизма“, „Новое Время“, 1885 г. 26 февр). *)

6) Наконецъ, отвѣтъ на это составляетъ ваша послѣдняя замѣтка: „Медиумизмъ и умозрѣніе безъ опыта“. („Новое Время“, 27 августа). Что же она содержитъ? Самое существенное въ ней суть разныя возраженія противъ закона сохраненія вещества; вы усиливаетесь показать, что эта истина, признаваемая обыкновенно непреложною, можетъ быть отвергаема.

Вотъ весь ходъ нашего спора, изложенный мною въ точности, хотя какъ можно короче. Но если такъ, если *въ этомъ* спорѣ, то какъ же вы утверждаете, что у васъ со мной нѣтъ и не можетъ быть *общей почвы*? Эта почва—вопросъ о непреложныхъ истинахъ. Правда, эта почва выбрана не вами и не вашимъ сотоварищемъ, а мною. Но вы на нее пошли, вы на нее стали, и теперь уже поздно возвращаться. Нельзя уже больше твердить: „это фактъ, противъ фактовъ не спорятъ“, нельзя та-

*) См. выше, стр. 59—81.

кимъ простымъ способомъ останавливать всякое разсужденіе; а нужно, напротивъ, приняться за основательное изслѣдованіе, именно разсмотрѣть: какія существуютъ непреложныя истины и почему мы признаемъ ихъ непреложными.

Мнѣ кажется, если бы я даже и не сьумѣлъ ничѣмъ способствовать этому изслѣдованію, то могъ бы считать, однако, большою побѣдою, что заставилъ спиритовъ разбирать вопросъ, который стоитъ прямо поперекъ ихъ дороги и который они думали обойти. Вотъ и вы, въ своемъ отвѣтѣ, заявляете намѣреніе „взглянуть на дѣло поглубже“, „помимо этихъ (спиритическихъ) фактовъ“. Этого я и хотѣлъ и, какъ вы видите, этого я достигъ.

II.

Возможность и надобность истины.

Позвольте мнѣ здѣсь остановиться и сказать нѣсколько словъ вообще о значеніи нашего спора. Мнѣ очень понятно, почему васъ неприятно поразилъ мой увѣренный тонъ. Я знаю, что это тонъ неприличный; въ наше время, когда умы колеблются и вѣра въ существованіе истины почти исчезла, приличный тонъ состоитъ въ спокойномъ скептицизмѣ, въ равнодушномъ любопытствѣ, въ терпимости ко всякимъ рѣчамъ и мнѣніямъ, на томъ основаніи, что вѣдь никто же не смѣетъ и не можетъ ручаться за вѣрность своего мнѣнія.

Такъ однакоже жить нельзя, не слѣдуетъ. Неужели вы не желаете повѣрить, что споръ мною поднять не для забавы, не изъ тщеславія или самолюбія, а потому, что я дѣйствительно серьезно интересуюсь вопросомъ? Эм-

пиризмъ, тотъ полный эмпиризмъ, который проповѣдуютъ спириты, есть, въ сущности, дѣло ужасное. Возмите его во всей строгости, чтобы увидѣть, куда онъ ведетъ. Сколько бы ни искалъ человѣкъ истины, какъ бы строго ни наблюдалъ дѣйствительность, какъ бы долго ни уяснялъ свои понятія, новый фактъ, по ученію эмпиризма, можетъ ниспровергнуть все это до основанія. Но вѣдь есть дорогія убѣжденія, есть взгляды, опредѣляющіе для насъ достоинство и цѣль всей жизни. Неужели же и за нихъ люди осуждены на вѣки бояться? Если наши понятія вполне связаны съ какими-нибудь совершенно частными явленіями, съ извѣстнымъ мѣстомъ или временемъ, съ опредѣленными людьми или вещами, съ личнымъ нашимъ удостовѣреніемъ въ будущихъ или въ бывшихъ частныхъ фактахъ, то положеніе человѣка, искренно желающаго руководиться истиною, было бы жестоко. Онъ долженъ былъ бы метаться по свѣту и людямъ, ища основныхъ фактовъ для своей мысли и вѣчно боясь, что самый важный, самый существенный фактъ отъ него ускользнетъ, или даже вовсе не совершится въ теченіи его жизни. Да и что бы онъ ни нашелъ, что бы ни увидѣлъ и ни испыталъ, всегда вокругъ него будетъ простираться безконечный эмпирическій хаосъ невидѣннаго и неиспытаннаго.

Нѣтъ, если свѣтъ мудрости доступенъ людямъ, то онъ долженъ достигаться иначе. Въ самомъ человѣкѣ должна существовать твердая опора для его мысли, для того, чѣмъ опредѣляется цѣль и достоинство его жизни. Да я думаю, и ни за какою мудростію не нужно ѣздить ни въ Америку, ни на другія планеты. Мнѣ приходятъ на мысль слова одного изъ религіознѣйшихъ людей, какіе только извѣстны въ исторіи: „Что можешь ты“, гово-

рить онъ, „увидѣть въ другомъ мѣстѣ, чего бы здѣсь не „видѣлъ? Вотъ небо, вотъ земля и всѣ стихіи; а изъ этихъ „стихій состоитъ все существующее“.

Перейдемъ и мы къ этому болѣе частному предмету, возьмемъ нашу физику и химию;—и тутъ, ученіе полнаго эмпиризма приводитъ къ заключенію, которое такъ печально, что становится невѣроятнымъ. Вотъ вы, на основаніи спиритизма, желаете „сообразно съ новыми фактами *измѣнить и расширить основы*“ этихъ наукъ и потому доказываете „недостаточность извѣстныхъ законовъ“. Умышленно, или не умышленно, но вы всегда употребляете самыя мягкія выраженія для дѣла, которое предприняли; однако, если разобрать, то смыслъ ихъ выйдетъ жестокій. Эти основы и законы, по самой своей сущности не допускаютъ ни измѣненія, ни поправки, точно такъ, какъ *дважды два четыре* есть точное исчисленіе и не позволяетъ ни прибавить къ *четыремъ*, ни убавить отъ *четырехъ* ни самой маленькой дроби. По этому, я настаиваю на томъ, что вы *отрицаете* современные основы физики и химіи, что вы отрицаете и законъ сохраненія вещества, и законъ сохраненія энергіи. Объ этомъ я буду еще говорить дальше; теперь же я хочу только указать, что, если вы собираетесь поправлять основы науки, то, по ученію эмпиризма, вы беретесь за трудъ, который не можетъ дать прочныхъ результатовъ. Только-что вы сдѣлаете нужныя измѣненія въ основахъ и дополненія въ законахъ, какъ въ одно прекрасное утро, изъ Англій, или изъ Америки, придутъ на нашъ старый материкъ вѣсти о новыхъ фактахъ, или даже приплывутъ сами новые чудодѣи,—и вамъ придется бросить все сдѣланное и опять передѣлывать основы и законы. Такимъ образомъ, по ученію эмпиризма, никогда

нельзя надѣяться получить какой нибудь твердый результатъ.

Уже и теперь видно, какое тутъ можетъ быть шатаніе и разнорѣчіе. Вы, напримѣръ, предлагаете принять превращеніе вещества въ энергію и наоборотъ, считая это, вѣроятно, *наименьшимъ* отступленіемъ отъ нынѣшнихъ ученій физики. А Цёлльнеръ, на котораго вы же указываете какъ на единомышленника, дѣйствуетъ иначе и, повидимому, несравненно смѣлѣе. Онъ ни мало не отрицаетъ законовъ сохраненія вещества и энергіи, но онъ утверждаетъ зато, что пространство имѣетъ не три, а четыре измѣренія. Такая поправка, такое дѣйствительно-громадное *расширеніе* основъ даетъ ему возможность объяснять множество фактовъ, исчезновеніе и появленіе какихъ угодно предметовъ. Эти предметы, по его ученію, уходятъ въ четвертое измѣреніе, или выходятъ изъ него, — вотъ и все.

Мнѣ не случилось найти у васъ какія-нибудь указанія на то, какъ вы смотрите на это ученіе. По моему, оно построено гораздо правильнѣе, чѣмъ ваше. Но не въ этомъ теперь дѣло; мнѣ хотѣлось только замѣтить, что и ваша, и его попытка имѣютъ совершенно одинаковый характеръ, — онѣ ведутъ въ отрицанію всякой опредѣленной науки. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, мы изучимъ посредствомъ медиумовъ все, что скрывается отъ насъ въ четвертомъ измѣреніи; но почему намъ думать, что нѣтъ пятого, шестаго измѣренія и т. д.? Вѣдь тутъ нивакого предѣла быть не можетъ, и новымъ медиумамъ всегда будетъ столько простора, сколько угодно.

Не могу понять, какъ можно равнодушно видѣть передъ собою перспективу этой безконечной путаницы, какъ можно смотрѣть на науку съ такой печальной

точки зрѣнія. Сама наука конечно никогда не станетъ такъ на себя смотрѣть, потому что живо чувствуетъ свою внутреннюю силу и сознаетъ твердость своихъ основаній. Механика, основанная Галилеемъ, безъ сомненія будетъ вѣчно жить, совершенно такъ, какъ живутъ до сихъ поръ и будутъ жить безъ конца теоремы Пифагора и Эвклида. Говорятъ нынче, что эти теоремы годятся только для *эвклидоваго пространства*, т. е. того, въ которомъ мы находимся въ эту минуту. Пусть и такъ. Но это ихъ великое преимущество; потому-что эвклидовское пространство вѣдь возможно только одно; оно, это *наше* пространство, —единственное въ своемъ родѣ, тогда какъ неэвклидовскихъ пространствъ возможно (если возможно) безчисленное множество.

Повторю то, что говорилъ въ предыдущей статьѣ: *обобщеніе* можетъ вести къ величайшимъ заблужденіямъ, ибо можетъ упускать изъ вида дѣйствительную природу предмета.

III.

Нѣтъ вещества безъ силы.

Обращаюсь теперь къ вашему отвѣту.

Этотъ отвѣтъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Долго я не могъ понять его и очень удивлялся, что у таковаго точнаго и ученаго писателя не могу уловить определенной мысли. Но наконецъ мое недоразумѣніе прошло, и мнѣ стало ясно, въ чемъ дѣло. Я все думалъ, что вы въ своемъ отвѣтѣ доказываете ваши прежнія утвержденія, а оказалось, что вы ихъ вовсе не доказываете; я думалъ, что вы опровергаете мои возраженія, а оказалось, что вы ничего не опровергаете.

Вы вѣдь утверждали, что вещество можетъ обратиться въ энергію и энергія въ вещество. Вотъ ваша тема. Это есть существенное положеніе вашей теоріи, это и есть та поправка физики и химіи, которую вы предлагаете. Я же доказывалъ, что по самому понятію вещества и энергіи подобное предположеніе невозможно, что оно не то-что противорѣчитъ, а не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ законамъ сохраненія вещества и энергіи, на которые вы ссылались, что оно есть сочетаніе словъ вопреки прямому ихъ смыслу.

Что же вы мнѣ возражаете? Всѣ разсужденія вашего „отвѣта“ можно привести къ двумъ положеніямъ. Одно состоитъ въ томъ, что „нѣтъ вещества безъ силы“, что „вещества безъ дѣйствія мы не знаемъ“; другое въ томъ, что „иногда трудно опредѣлить количество вещества“. Вотъ тѣ двѣ истины, которыя вы поясняете и подтверждаете разными примѣрами и соображеніями.

Но кто же съ этимъ спорить и что же это доказываетъ? Какой же это отвѣтъ на мои возраженія?

Всякіе физики, какъ атомисты, такъ и динамисты, какъ матеріалисты, такъ и спиритуалисты, обыкновенно полагаютъ, что нѣтъ вещества безъ силы. Это есть самое ходячее воззрѣніе. Полагается, что каждая частица вещества искони обладаетъ опредѣленными силами, что эти силы отъ нея неотдѣлимы и, какъ самое вещество, которому онѣ принадлежать, никогда не измѣняются и не могутъ измѣняться въ своей величинѣ. Опредѣлить эти силы и показать, какъ разнообразное сочетаніе ихъ дѣйствій производитъ всѣ физическія явленія—вотъ задача физики.

Если бы вы этому противорѣчили, если бы доказывали, что сила можетъ убывать, обращаясь при этомъ въ

вещество, или вещество исчезать, обращаясь въ силу, то это отчасти подходило бы къ вашей темѣ. Но вы просто говорите, что гдѣ вещество, тамъ и сила. Кому и зачѣмъ вы это проповѣдуете?

Точно такъ, если бы вы доказывали, что количество вещества измѣняется при извѣстныхъ условіяхъ, то, на основаніи аксіомы сохраненія сущности, вы могли бы предполагать, что тутъ совершается превращеніе вещества во что-то другое, или чего-то другаго въ вещество. Но вѣдь вы доказываете только и единственно, что *трудно* „иногда“ опредѣлить количество вещества. Какое же здѣсь и противъ кого возраженіе? Зачѣмъ вы авторитетнымъ тономъ провозглашаете и настойчиво повторяете эти вещи, какъ будто они въ конецъ поражаютъ меня, а вамъ даютъ полное торжество? Между тѣмъ, дѣйствительной вашей темы и дѣйствительныхъ моихъ возраженій вы даже не коснулись. Вы не только не защищали ихъ и не опровергали, вы даже ихъ не упомянули.

IV.

Пропорція вещества и силы.

Нѣтъ у меня никакой охоты ловить васъ на неточныхъ словахъ или мысляхъ, и мнѣ было бы очень приятно, если бы удалось довести ваши мнѣнія до полной ясности и опредѣленности. Иначе, споръ не имѣлъ бы никакого интереса и породилъ бы только недоразумѣнія.

Безъ сомнѣнія, ваша аргументація имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вашей темѣ; только вы какъ будто не рѣшились прямо указать это отношеніе. Какъ я уже сказалъ вначалѣ, ваши доводы устремлены противъ за-

кона сохраненія вещества; они устремлены противъ него, но его не достигаютъ. Вы желаете показать не то, что вещество и сила суть двѣ стороны одной сущности, что они неразлучны, но что сила есть главное въ этой сущности, ея наиболѣе существенная сторона; напротивъ, вещество не имѣетъ настоящей самостоятельности.

Вотъ почему вы такъ настаиваете на томъ, что „нѣтъ вещества безъ силы“. Вотъ почему вы прибавляете къ этому въ одномъ мѣстѣ такое замѣчаніе: „Количество же силы далеко не всегда приурочивается къ количеству вещества; послѣднее низводится иногда до минимума“. Замѣчаніе очень неопредѣленное и неопредѣленно выраженное. Чтò здѣсь значитъ *приурочивается* и *низводится*? Если вы хотите сказать, что тѣла могутъ двигаться съ различною скоростью и что сила малаго тѣла, быстро движущагося, можетъ равняться силѣ большаго тѣла, движущагося медленно, — то съ этимъ нивто не спорить. Если же вы воображаете, что *одно и то же* тѣло можетъ *въ различномъ размѣрѣ* обнаруживать силу не приобрѣтенную, а постоянно ему принадлежащую, и что, при очень большомъ размѣрѣ таковаго обнаруженія, количество вещества въ этомъ тѣлѣ низводится до минимума, — то это невѣрно, ни съ чѣмъ несогласно, ничѣмъ не подтверждается. А это самое вы и хотѣли бы сказать.

Вы полагаете, очевидно, что вещество и сила есть одна и та же сущность, не *нераздѣльны*, какъ вы говорите, а *одно и то же*, какъ вы думаете. Эта одна и та же сущность только *обнаруживается* то какъ вещество, то какъ сила, и насколько больше она обнаруживается какъ сила, на столько меньше обнаруживается какъ вещество, и наоборотъ. Если же такъ, если про-

порція вещества и силы въ каждомъ тѣлѣ непостоянна, то мы не можемъ сказать разъ навсегда, сколько въ немъ вещества и сколько силы. Вотъ что вы думаете, а потому и считаете нужнымъ и полезнымъ доказывать, что *иногда трудно* бываетъ опредѣлить количество вещества.

V.

Сущность и мѣра вещества.

Вотъ противъ такихъ мнѣній можно и слѣдуетъ спорить. И противъ нихъ я долженъ сказать то же, что и прежде говорилъ, то есть, что это—сочетаніе понятій вопреки ихъ прямому смыслу. Позвольте предложить вамъ вопросъ: о чемъ вы говорите? Что вы разумѣете подъ вашимъ *веществомъ* и вашею *силою*? Если то самое, что физики, то—обращеніе вещества въ силу и т. п. такъ же невозможно, какъ то, что изъ дважды два выйдетъ треугольникъ, или изъ скорости время. Вы сами легко убѣдитесь въ этомъ, если только не будете смѣшивать *энергію* съ *силою*, и, кромѣ того, будете различать силу *получаемую* тѣломъ отъ силы собственно ему *принадлежащей*. Физики это различаютъ, и, говоря ихъ языкомъ, нужно держаться значенія ихъ терминовъ.

Въ прошлый разъ, я далъ вамъ то опредѣленіе вещества, котораго держатся физики, и думалъ, что вы на немъ остановитесь. Но вы только грустно замѣтили, что вотъ „г. Страховъ считаетъ себя познавшимъ сущность „вещества, а я, экспериментируя всю жизнь, очень далеко отъ того, чтобы претендовать на такое знаніе“.

Но вѣдь если мы говоримъ о веществѣ, то нужно же намъ знать, о чемъ мы говоримъ; а если собираемся

дѣлать преобразованія въ основахъ физики, то нужно же рассмотреть эти основы.

Въ журналѣ „Ребусъ“ я нашелъ одно удивительное мнѣніе. Вы считаете дерзостью мои рѣчи, касающіяся существенныхъ свойствъ вещества; а тамъ есть ссылка на ученаго, который подобныя рѣчи считаетъ даже богохульствомъ. Признаюсь, это меня заинтересовало больше всѣхъ тѣхъ чудесъ, какія тамъ рассказываются. Что чудеса! Они ужасно однообразны.

Итакъ, въ „Ребусѣ“ приводятся слова г. Потулова, полемизирующаго (въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“) съ г. Кудрявцевымъ. Г. Потуловъ говоритъ: „Ему (г. Кудрявцеву) хочется доказать, что возможна такая философія, посредствомъ которой человѣческій разумъ пріобрѣтаетъ точное познаніе о самой сущности вещества. Да, вотъ объ этой философіи, прежде появленія статьи г. Кудрявцева, никому не удавалось слышать. Чтò касается до самой сущности вещества, то познаніе объ этомъ всегда приписывалось одному Богу, и потому, если человѣкъ, посредствомъ какой либо философіи, рано или поздно достигнетъ до того, что разумъ его разгадаетъ сущность вещества, то очевидно, что разумъ человѣческій будетъ тогда на столько же всеобъемлющъ, какъ и божественный разумъ Господа Бога“ („Ребусъ“, 1885, № 13).

Буду отвѣчать и вамъ, и г. Потулову. Вамъ я скажу, что не всегда безопасно говорить *я не знаю*. Насъ могутъ спросить: чего именно мы не знаемъ? Что такое, напримѣръ, та сущность вещей, отъ познанія которой мы иногда такъ упорно отпираемся? И если мы не въ состояніи будемъ дать отвѣта, если не сможемъ опредѣлить нашего незнанія, то оважеться только, что мы

сами не знаемъ, о чемъ говоримъ, и что намъ слѣдовало бы молчать. *Мы не знаемъ, есть ли планеты за Нептуномъ*,—это ясная рѣчь; *мы не знаемъ сущности вещества*,—рѣчь, которая можетъ ничего не значить.

Противъ г. Потулова можно, я полагаю, возразить, что въ душѣ нашей есть искра Божества и что разумъ нашъ имѣетъ божественную природу; поэтому нельзя такъ легко ставить ему границы.

Вообще же, почему намъ не понимать вещества, когда мы, всегда и вездѣ, непрерывно имѣемъ съ нимъ дѣло, когда оно—стихія, въ которой мы живемъ, когда, съ извѣстной стороны, мы сами—вещество?

Хотя вы не касаетесь даннаго мною опредѣленія, хотя для васъ желательнѣе не установить, а пошатнуть понятіе о веществѣ, но именно поэтому скажу здѣсь еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Физика учитъ насъ *измѣрять* вещественныя явленія; легко убѣдиться, что это было бы невозможно, если бы мы были совершенно чужды понятія объ ихъ сущности.

Движеніе вполнѣ опредѣляется и измѣряется пространствомъ и временемъ.

Сила опредѣляется движеніемъ и веществомъ. Когда какое-нибудь тѣло движется, то физики говорятъ, что *оно имѣетъ* такую-то силу, или: оно *получило*, оно *имѣетъ* такую-то силу, и мѣра этой силы получается изъ количества вещества въ тѣлѣ и изъ его движенія.

Вещество ничѣмъ не опредѣляется, а само служитъ опредѣленіемъ, подобно пространству и времени. Какъ пространство можно измѣрять только чѣмъ-нибудь пространственнымъ, такъ и вещество только частью веще-

ства. Вещество независимо отъ времени и пространства, т. е. во времени оно пребываетъ безъ перемѣны, и въ пространствѣ можетъ быть перенесено куда угодно, оставаясь тѣмъ же самымъ.

Вотъ тѣ первичные элементы, изъ которыхъ физики строятъ міръ. Вы видите, что вещество можетъ быть вполне поставлено на ряду съ пространствомъ и временемъ, т. е., что это есть одно изъ понятій, безъ которыхъ невозможно мыслить физическихъ явленій. Эти понятія такъ ясны и просты, что понимать ихъ не трудно; въ то же время, они имѣютъ такую безусловность и безпредѣльность, что странно было бы думать, будто они получены изъ опыта или могутъ быть имъ повѣрены.

Мнѣ думается, что такимъ образомъ природа вещества, его таинственная сущность нѣсколько раскрываются. Если мы не будемъ давать разгуливаться нашей фантазіи, а будемъ держаться точнаго смысла нашихъ понятій, то въ нихъ окажется не больше того, что мы сами въ нихъ вложили.

Мы приписываемъ тѣламъ силу не потому, что видимъ ее, или какъ - нибудь иначе воспринимаемъ, а только потому, что движеніе одного тѣла останавливаетъ или измѣняетъ движеніе другаго, вообще, что движенія различныхъ тѣлъ находятся въ строгой зависимости одни отъ другихъ. Но вѣдь, если бы не было этой опредѣленной зависимости, то и не было бы никакой опредѣленности въ физическихъ явленіяхъ. Понятіе вещества и есть ничто иное, какъ признаніе этого порядва, этой опредѣленности, признаніе того, что когда два тѣла дѣйствуютъ другъ на друга въ отношеніи къ движению, то результатъ ихъ дѣйствія будетъ совершенно опредѣленный.

Отсюда вытекаетъ и наше измѣреніе вещества. Два тѣла равны по количеству вещества, когда, имѣя равное движеніе, обнаруживаютъ равное дѣйствіе (по движенію) на другія тѣла. Это не опытъ, не гипотеза, а опредѣленіе, и если бы мы были не въ состояніи сдѣлать этого опредѣленія, то должны бы были отказаться отъ всякаго измѣренія въ физическомъ мірѣ.

Представимъ себѣ вѣсы, которые находятся въ равновѣсіи и у которыхъ на одну чашку насыпанъ песокъ, а на другой лежитъ какое-нибудь тѣло. Если мы снимемъ это тѣло, положимъ на его мѣсто другое, и вѣсы останутся въ равновѣсіи, то физики говорятъ, что эти два тѣла содержатъ въ себѣ *равное количество вещества*. Такимъ образомъ, принявши любое тѣло за единицу, мы можемъ измѣрять какія угодно тѣла и всякія вещества, можемъ перемѣрить весь міръ. И вы знаете, или можете убѣдиться, что если мы перенесемъ наши вѣсы не только подъ другую широту, но на другую планету, даже на другую солнечную систему, то и тамъ этотъ способъ измѣренія будетъ годиться и дастъ *тѣ же самые результаты*.

Почему же мы въ этомъ увѣрены? Какія положенія лежатъ въ основаніи этого измѣренія? Очевидно, во-первыхъ, то положеніе, что *всякое вещество одинаково дѣйствуетъ по отношенію къ данной силѣ*. Такъ-что, если два тѣла равно останавливаютъ поднятіе чашки вѣсовъ, то каковы бы ни были эти тѣла по всѣмъ другимъ свойствамъ, по количеству вещества они тождественны. Во-вторыхъ, полагается, что какое бы движеніе ни получали тѣла, *вещество ихъ неизмѣнно сохраняется*. Такъ-что, куда бы и какъ бы мы ни двигали измѣренное нами тѣло, какимъ бы силамъ его ни подвергали, на

какія бы части ни раздробляли, найденная для него мѣра не станетъ ни больше, ни меньше. Такимъ образомъ физическое измѣреніе вещества основано на положеніяхъ о его *однородности* и *сохраненіи*, и вы видите, что эти положенія неизбѣжны и что безъ нихъ *никакое измѣреніе* этого рода было бы невозможно. Если мы не положимъ вещества, какъ чего-то *пребывающаго* среди всякихъ движеній и равномерно способнаго подчиняться различнымъ силамъ, то у насъ не будетъ никакой точки опоры для измѣренія. А не будетъ измѣренія, не будетъ и науки.

Вотъ та система понятій, на основаніи которой физика и астрономія устанавливаютъ свои законы, измѣряютъ цѣлую вселенную, указываютъ часъ и мѣсто и бывшихъ и будущихъ явленій.

VI.

Отрицаніе понятій физики.

Но у васъ есть аргументъ, передъ которымъ я, повидимому, долженъ совершенно умоленуть, а всё мои предидущія разсужденія разлетѣтся прахомъ. Вы вдругъ возстаете противъ самыхъ *понятій* физики и механики. Вы говорите, что когда-то ихъ признавали и находили ясными, но что теперь уже смотрите на дѣло „съ *философской* точки зрѣнія“; вы и мнѣ совѣтуете „взглянуть на дѣло поглубже, немножко отрѣшившись отъ *школьной* точки зрѣнія“, и находите, что я „продолжаю приписывать нашему теперешнему знанію больше того, чѣмъ оно заслуживаетъ“.

Въ чемъ же дѣло? Въ чемъ состоитъ мелкость и

недостаточность того знанія, которое вы презрительно называете *школьнымъ*? Вы пишете: „Отдѣленіе вещества „отъ силы, причины отъ дѣйствія и силы отъ вещества „есть не болѣе, какъ извѣстный приемъ сужденія. Та- „вимъ приемомъ и пользуется механика, но изъ этого „еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ непрерываемо со- „отвѣтствовалъ дѣйствительной сущности явленій“. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что „этотъ *приемъ сужденія* „обусловливается не *вещами въ себя*, а нашей *субъек-* „*тивной* природой“, что здѣсь-то и „лежитъ корень его „(т. е. моего) заблужденія и нашего несогласія“.

Вотъ аргументъ, повидимому, неотразимый. Вы вдругъ, неожиданнымъ ударомъ, выбиваете оружіе изъ рукъ ва- шего противника. Въ самомъ дѣлѣ, что же я буду воз- ражать вамъ, когда вы отнимаете у меня возможность употреблять механическія и физическія понятія? Мнѣ остается только молчать. Уже прежде, въ вашей бро- шюрѣ, я замѣтилъ этотъ вашъ аргументъ; но тамъ онъ былъ лишь слегка указанъ. Теперь же, очевидно въ виду опасности, вы упираете на него со всею силою, какъ на главное свое орудіе.

Орудіе превосходное, но вы не замѣчаете, что оно *слишкомъ* сильно. Вы не видите, что употребляя такое средство, чтобы заставить меня замолчать, вы и сами себя обреваете на молчаніе. Если понятія *силы*, *веще- ства* и т. п. суть наши *субъективные* понятія, и по- тому (какъ вы утверждаете) не соотвѣтствуютъ „реаль- ной природѣ“, „дѣйствительной сущности явленій“, то о чемъ же вы говорите? Какой смыслъ въ вашемъ но- вомъ ученіи? Если вы, излагая въ вашей брошюрѣ мысль о превращеніи энергіи въ вещество и вещества въ энергію, давали этимъ словамъ не тотъ смыслъ, ва-

вой даютъ имъ физики, то каковой же это новый смыслъ? О чемъ вы говорили? Пусть вы это и знаете, но мнѣ-то вѣдь узнать объ этомъ было не откуда, и я опровергъ васъ на основаніи обыкновенныхъ понятій физики. Впрочемъ, вы сами чувствуете, куда идетъ дѣло. Если мы убѣдились, что извѣстныя понятія не соотвѣтствуютъ дѣйствительной сущности явленій, то вамъ, какъ эмпирику, видящему въ понятіяхъ прямое отраженіе дѣйствительности, слѣдуетъ признать разрушеннымъ и всякое познаніе съ помощью этихъ понятій. Тамъ точно вы и говорите: „достаточно, мнѣ, кажется, взглянуть на дѣло поглубже, немножко отрѣшившись отъ шевель-ныхъ понятій, чтобы познать свое незнаніе въ этихъ вопросахъ“.

На незнаніе я согласенъ (т. е. съ вашей стороны); въ самомъ дѣлѣ, было бы правильно, если бы вы уже не употребляли отвергнутыхъ категорій, не говорили о превращеніи вещества въ силу и т. п. Вы потеряли путеводную нить и должны умогнуть, пока ея не найдете.

VII.

Субъективныя сужденія.

Но я не отказываюсь отъ нити.

Слово *субъективный* можно употреблять въ двоякомъ смыслѣ, въ частномъ и въ общемъ. Въ частномъ оно значить—зависящій отъ особенностей субъекта; въ общемъ—свойственный каждому субъекту. Въ первомъ смыслѣ—субъективное сужденіе значить ложное сужденіе, не основанное на природѣ предмета; во второмъ

смыслѣ—субъективное сужденіе есть сужденіе необходимое, котораго не мыслить невозможно.

По вашему, всякое субъективное сужденіе уже потому должно быть отвергнуто, что оно субъективное. По моему, между субъективными сужденіями есть такія, которыя свойственны всякому мыслящему субъекту, и такія-то сужденія составляютъ непреложныя истины, положенія, которымъ никогда не можетъ противорѣчить дѣйствительность. Сюда принадлежатъ всѣ математическія сужденія (разумѣется правильно составленныя), сюда принадлежитъ ваша аксіома сохраненія сущности, сюда принадлежатъ, по моему, и общія физическія истины, представляющія такое очевидное сродство съ математическими.

Уясненіе подобныхъ истинъ совершается медленно и трудно; наша геометрія началась съ Фалеса, а механика только съ Галилея. Вопросы этого рода давно меня занимаютъ. Такъ-какъ вы отсылаете меня въ *Ревю*, гдѣ печатаются интересные факты и ваши статьи, то позвольте и мнѣ сослаться на мое сочиненіе. У меня есть книга подъ заглавіемъ *Миръ какъ цѣлое*. Книга эта состоитъ изъ двухъ частей, и вторая часть называется *Критика механическаго взгляда*. Слишкомъ поспѣшныя построенія въ физикѣ и химіи внушили мнѣ мысль искать болѣе широкихъ и гибкихъ понятій. Тутъ у меня есть и подробный разборъ и обстоятельное опроверженіе атомистической теоріи вещества. Атомы есть не болѣе, какъ олицетвореніе той однородной и пребывающей сущности, которую мы называемъ веществомъ. И, такъ-какъ они очень точно ее изображаютъ, то я и сослался на нихъ *примѣрно*; а вы вооружились противъ этого примѣра, вмѣсто того, чтобы разбирать точное опредѣленіе матеріи, которое я тутъ же указалъ.

Когда Коперникъ усомнился въ Птоломеевской системѣ міра и предложилъ новую систему, то это не значило, что онъ отвергъ всѣ наблюденія прежнихъ астрономовъ, отказался отъ найденныхъ прежде чиселъ, періодовъ, законовъ движенія небесныхъ свѣтилъ; напротивъ, его система опиралась на всѣ эти прежнія изысканія и доказывала свою вѣрность полнымъ *согласіемъ* съ ними. То же самое должны мы дѣлать, если вздумаемъ теперешнюю систему физическихъ понятій замѣнить новою. Новыя понятія должны намъ только яснѣе озарить старыя положенія. Между тѣмъ, вы не такъ смотрите на дѣло. Вы, напримѣръ, вооружаетесь противъ атомовъ съ тою мыслью, что отвергнувъ ихъ, будете уже въ правѣ не признавать закона сохранения вещества. Напрасныя усилія! Изъ существованія атомовъ, такихъ, какъ обыкновенно представляютъ ихъ себѣ физики, конечно слѣдуетъ сохраненіе вещества; но отъ ихъ несуществованія еще очень далеко до отрицанія этого сохраненія. Въ своей книгѣ, я останавливаюсь на этой ошибкѣ, и на другихъ ей подобныхъ, и показываю, что атомы не составляютъ *необходимаго* вывода изъ физическихъ явленій и законовъ, не суть необходимое условіе для ихъ пониманія. Показать это непременно нужно при опроверженіи атомовъ, а для того нужно опираться на явленія и законы, а вовсе не предполагать, что мы пошатнемъ ихъ.

Отвергнуть фикцію не значитъ еще отвергнуть то, *для чего* она есть фикція. Между тѣмъ, вы, отвергнувъ атомы, или какое-нибудь другое физическое понятіе, полагаете, повидимому, что ниспровергли всю физику, что для васъ уже нѣтъ въ ней ничего твердаго.

И наконецъ, гдѣ же ваша новая система понятій?

Если вы не свептикъ, не простой отрицатель, если вы не желаете ссылаться на всемогущество Божіе и укрываться отъ возраженій въ *убъжище невиднїя*, а напротивъ, хотите установить новые законы, усовершенить науку, то у васъ на замѣну старыхъ понятій должны быть новыя. Но ихъ нѣтъ и слѣда.

VIII.

Мысленные опыты.

Уже въ вашей брошюрѣ („Кое-что о медиумизмѣ“) вы ссылались на субъективность нашихъ понятій; но такъ какъ вы, не смотря на эту ссылку, употребляли всегдашнія физическія категорїи, то я былъ совершенно правъ, когда вашу *физическую теорїю спиритизма* опровергалъ на основаніи точнаго смысла этихъ категорій.

Вотъ и теперь, разбирая опыты, на которые вы указываете въ концѣ *ответа*, я долженъ буду поступать точно также, такъ-какъ, вы сами, хотя и заявляете о негодности принятыхъ нынѣ понятій, но потомъ преспокойно начинаете ихъ употреблять.

Очень любезны мнѣ такіе опыты, которые можно дѣлать не въ лабораторіи, а у себя дома, не подымаясь съ мѣста и не касаясь ни до чего руками. Это—мысленные опыты, эсперименты надъ нашими понятїями.

Кстати, я приводилъ уже одно мѣсто изъ *ответа*, содержащее очевидную ссылку на авторитетъ, который должны вамъ придавать ваши опыты. Вы пишете: „Г. Страховъ, *размышляя*, считаетъ себя познавшимъ сущность „вещества, а я, *экспериментируя всю жизнь*, очень далеко отъ того, чтобы претендовать на такое знаніе“.

По вашему, это противоположеніе должно сильно говорить въ вашу пользу; но, мнѣ кажется, тутъ нѣтъ правильнаго противоположенія. Вы работали въ лабораторіи, производили *въ действительности* множество экспериментовъ; но эти опыты, я полагаю, вовсе не относились къ сущности вещества. Я сдѣлалъ въ свою жизнь только два-три легкихъ качественныхъ анализа; но предположите, что я зато усердно занимался *мысленными опытами* и часто направлялъ ихъ именно на ту задачу, которую вы называете сущностью вещества. Чтѣ удивительнаго, что могли получиться различные результаты?

Начнемъ же наши опыты. Вы пишете: „Мѣрять количество вещества умѣемъ мы только по объему или „по вѣсу. Г. Страховъ знаетъ, какъ шатокъ первый „способъ (т. е. *измѣреніе по объему*): къ веществу (т. е. „если къ *веществу*) прибавлена энергія въ теплотной „формѣ—и объемъ его увеличился; электризація можетъ „также иногда измѣнять объемъ. А вѣдь количество „вещества осталось прежнее, и выходитъ“...

Не стану разбирать, чтѣ у васъ выходитъ, а разберу сперва ваши послылки: мнѣ кажется, изъ нихъ у меня ничего не можетъ выйти. Вѣдь мы принимаемъ, что (по первому способу) количество вещества измѣняется объемомъ. Положимъ же, мы взяли какое нибудь тѣло и опредѣлили его объемъ. Потомъ мы нагрѣли тѣло, и тогда оказалось, что объемъ его увеличился. Чтѣ же мы должны заключить?

Мы, очевидно, должны сказать, что *отъ нагрѣванія количество вещества въ этомъ тѣлѣ увеличилось*. Вотъ правильное заключеніе, и въ этомъ родѣ заключали еще очень недавно физики, говоря, что въ нагрѣтое тѣло

вошелъ нѣкоторый объемъ *теплорода*, особаго вещества, производящаго тепловыя явленія.

Но вы вдругъ выставляете послыку: *а вѣдь количество вещества осталось прежнее*. Откуда же это? О какомъ сохраняющемся количествѣ вы говорите, когда мы измѣряли только объемы и они оказались измѣняющимися? Дѣло несомнѣнное: вы тутъ заговорили о количествѣ, опредѣляемомъ *по вѣсу*; вы ссылаетесь на непреложную истину физики, что это количество неизмѣнно при всѣхъ движеніяхъ тѣла, при всякомъ его нагрѣваніи, магнетизированіи, и такъ далѣе.

Вижу, что нашъ опытъ совершенно не удался; задумали измѣрять по объему, но вдругъ сбились на измѣренье по вѣсу. Разумѣется, никакой мѣры не выйдетъ. Та же самая неудача постигнетъ насъ, конечно, если мы начнемъ измѣрять по вѣсу, да потомъ собьемся на объемъ. Едва ли однакоже, вслѣдствіе этого, нужно приходить въ отчаяніе и затѣмъ утверждать, что будто бы „въ реальной природѣ“ очень трудно опредѣлять количество вещества.

Но вы предлагаете другіе опыты. Вы хотите убѣдить меня, что нельзя дойти ни до чего вѣрнаго, если станемъ измѣрять количество вещества *вѣсомъ*. Опытъ состоитъ въ слѣдующемъ: „помѣстивши вѣсы близъ желѣзнаго предмета, мы взвѣшиваемъ кусокъ стали, а потомъ намагничиваемъ сталь. Показаніе вѣсовъ измѣняется“ ...

Остановимся здѣсь. Что же намъ дѣлать? Какъ идти дальше? При томъ, мнѣ кажется, что такое затрудненіе встрѣчается безпрестанно, а не только въ вашемъ тонкомъ опытѣ. Вѣдь мы безпрестанно видимъ, что предметы движутся вопреки тяжести. Птицы летаютъ, люди

и лошади передвигаются, деревья растутъ, дома и колокольни поднимаются вверхъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, вода, снѣгъ и градъ появляются высоко надъ нашими головами и т. д. Какъ же намъ быть? Какъ найти путеводную нить въ этомъ безпорядкѣ?

И вотъ, вы вдругъ разрѣшаете всѣ эти и даже всѣ другіе возможные случаи сомнѣнія; вы говорите: „показаніе вѣсовъ измѣняется; но *развѣ количество вещества измѣнилось?*“

Ну да, конечно, не измѣнилось; это мы знаемъ *априори*, и эта истина одна можетъ насъ вывести изъ лабиринта. Именно, заранѣе зная, что вещество дѣйствуетъ въ отношеніи ко всякимъ силамъ соразмѣрно своему количеству, и что силы при движеніи слагаются, мы сейчасъ разотчемъ, какая доля движенія приходится на долю какой силы. Намъ вовсе не придется и на мысль сомнѣваться въ постоянствѣ дѣйствія тяжести, а напротивъ, опираясь на это постоянство, мы вычислимъ дѣйствіе и магнетизма, и теплоты, и упругости мускуловъ и т. д. И замѣтите, что если бы мы не нашли столь неизмѣннаго мѣрила, какъ тяжесть, то мы въ этой области были бы лишены всякой возможности познанія. Механика, когда обозначаетъ массу одною буквою, а силу другою, ничего не знаетъ о томъ, выражаются ли этими буквами постоянныя величины, или переменныя. Только физика признаетъ за ними постоянство, и это есть единственно-возможное основаніе этой науки.

Но откуда же вы, съ вашей точки зрѣнія, вывели, что количество вещества не измѣняется? Какъ случилось, что вы постоянно и съ такою рѣшительностью выставляете тотъ самый законъ, противъ котораго возражаете? Вы заявили, что смотрите уже съ *философской*

точки зрѣнія. Между тѣмъ, на дѣлѣ, у васъ въ ходу только обыкновенныя понятія и аксіомы физики. Понятно, отчего ваши опыты не удаются; физика не допускаетъ васъ злоупотреблять ея понятіями.

IX.

Область невѣдѣнія.

Мнѣ извѣстно, что относительно тяготѣнія давно существуетъ вопросъ, можно ли и должно ли признавать, что оно распространяется на всякое вещество и неизмѣнно дѣйствуетъ по своему закону. Прежде были въ ходу *невѣсомыя вещества*, и нынче физики еще говорятъ о невѣсомыхъ атомахъ. Профессоръ Менделѣевъ, какъ вы указываете, допускаетъ возможность, что, когда простыя тѣла будутъ разложены, то дѣйствіе тяжести на составныя ихъ части не будетъ равно ея дѣйствію на самыя эти тѣла. Точно такъ, астрономъ Бессель старался даже найти по наблюденіямъ, не требуетъ ли поправки законъ квадратовъ разстояній, а также, не употребляетъ ли тяготѣніе какого нибудь времени для своего распространенія.

Всѣ эти мысли конечно возможны только потому, что *тяготѣніе* признается пока лишь опытною данною, фактомъ. Не смотря на неподобную ерасоту и простоту этого закона, мы не умѣемъ до сихъ поръ убѣдиться въ его *необходимости*, т. е. строго связать его съ самымъ понятіемъ вещества. Но дѣло ни мало еще не кончено, да и можетъ быть рѣшено только въ одну сторону. Мы потому только и ищемъ законовъ, потому и признаемъ ихъ, что подозрѣваемъ ихъ априорность;

постепенно мы отрываемъ и уясняемъ себѣ въ природѣ логическую связь между явленіями, — въ этомъ состоятъ всѣ успѣхи науки.

Такъ-какъ я положилъ себѣ отвѣчать на *все*, что есть въ вашемъ отвѣтѣ, то скажу и тутъ нѣсколько словъ. Такія предположенія, какъ Бесселя и Менделѣева, возможны, но не имѣютъ за себя никакой вѣроятности. Ибо это и не фактъ и не теорія. Безчисленные факты ежедневно и ежеминутно не обнаруживаютъ никакой неточности въ Ньютоновой формулѣ тяготѣнія. Точно такъ, безчисленные факты подтверждаютъ, что, при всѣхъ химическихъ превращеніяхъ, какъ училъ Лавуазье, вѣсъ сохраняется. Это согласіе и всеобщность фактовъ вполне удовлетворяютъ насъ съ теоретической стороны, ибо умозрѣніе заранѣе убѣждено, что въ природѣ все идетъ по необходимому и всеобщимъ законамъ. Для тѣхъ же предположеній, о которыхъ мы говоримъ, нельзя указать никакого теоретическаго основанія. Это тѣ случаи, когда ученые вдругъ разрѣшаютъ себѣ выйти на дорогу чистаго эмпиризма, для котораго *все возможно*. Обыкновенно, впрочемъ, это дѣлается мимоходомъ, внѣ предѣловъ настоящей научной работы, и обыкновенно это или есть только требованіе *повторки*, или равняется очень простому положенію — *мы еще не знаемъ*.

Область *нездѣлннн*, вотъ единое убѣжище, которое вамъ остается. Въ этой области много всякихъ чудесъ, и она очень любезна большинству людей не только по лѣности ихъ мысли, но и потому, что тамъ можно найти удовлетвореніе всякимъ сердечнымъ пожеланіямъ. Но, если вы желаете строить науку, установить въ физикѣ новыя понятія, дать новыя формулы ея законамъ, то область *нездѣлннн* ничѣмъ не можетъ помочь вамъ. Въ нее только

можно спастись отъ возраженій, и это дѣйствительное спасеніе. Если бы приверженецъ спиритизма сказалъ: „я не знаю, что мнѣ думать; я совершенно сбить съ толку, не умѣю и не берусь выпутаться изъ противорѣчій, въ которыя попалъ“, то, я думаю, онъ былъ бы болѣе правъ, чѣмъ вы, или Цѣльнеръ, желающіе согласовать спиритизмъ съ наукою и создать новую, *трансцендентальную* физику.

Х.

Однообразіе міра.

Мнѣ приходитъ на мысль старинный ученый, который вздумалъ изслѣдовать снѣгъ на высокихъ горахъ. Этотъ снѣгъ и воду, которая изъ него получалась, онъ подвергалъ всевозможнымъ опытамъ и неопровержимо доказывалъ, что это точно такой же снѣгъ и такая же вода, какъ тѣ, которые намъ извѣстны внизу. Я думаю, работа этого физика не кончена, то есть онъ не всѣ горы посѣтилъ. Не слѣдуетъ ли намъ продолжать ее? На какомъ основаніи мы такъ твердо увѣрены, что ни на единой горѣ не попадется снѣга, совершенно различнаго отъ того, который падаетъ теперь на улицы Петербурга?

Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи, геологи дѣлали предположеніе, что силы природы, дѣйствовавшія при первоначальномъ образованіи земли, были различны отъ нынѣ дѣйствующихъ силъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ручаться, что сто, двѣсти тысячъ лѣтъ назадъ физика и механика, управлявшія явленіями, были тѣ же самыя, о которыхъ мы теперь споримъ?

Однако мы ручаемся, и очень твердо ручаемся. Не

видите ли вы отсюда, какіе приемы свойственны наукѣ и съ какою непобѣдимую силою она прилагаетъ ихъ? Она едва-едва останавливается на эмпирическихъ сомнѣніяхъ и потомъ забываетъ ихъ, какъ случайную, пустую игру ума. Не забудьте, что никакой опытъ не можетъ доказать однородности, всеобщности и всегдашности чего-бы то ни было, потому что никакого опыта нельзя повторить во *всѣхъ* мѣстахъ и во *всѣ* времена. Но наука смѣло простираетъ свои заключенія на весь міръ. Мы жаждемъ разнообразія, но нигдѣ не успѣваемъ его найти. Припомните тѣ безчисленныя фантазіи, которыя разлетѣлись, одна за другою, предъ научнымъ изслѣдованіемъ. Припомните, какъ открылось, что земля есть планета, что и на солнцѣ есть пятна, что звѣзды мертвыя тѣла и не управляютъ нашею судьбою, что всѣ міры вращаются по тому же закону, по которому падаетъ камень, что химическій составъ отдаленнѣйшихъ звѣздъ точно тотъ же, какъ и тѣлъ, давно разложенныхъ въ нашихъ лабораторіяхъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Весь міръ постепенно становится въ нашихъ глазахъ однообразнымъ повтореніемъ тѣхъ явленій, которыя у насъ подъ руками. Такъ что теперь для нашихъ мечтаній остаются почти только обитатели планетъ; пока мы не знаемъ живыхъ существъ, населяющихъ планеты, мы можемъ тѣшить себя всякими мыслями объ этихъ существахъ.

Не скажете ли вы, что все это случайность, что съ теченіемъ времени могутъ наступить другія открытія, нарушающія это мертвое однообразіе? Едва ли такъ. Если взглянуть въ ходъ науки, то мы легко убѣдимся, что она всегда стремится отыскать существенную сторону явленій, ихъ глубочайшій законъ, а потому и понятно, что, когда она найдетъ чего искала, то найденнымъ ею

формуламъ подчиняется вся безконечность міровъ. Сущность вещей недалеко отъ насъ; она здѣсь, подъ нашими руками и передъ нашими глазами. Вотъ почему наши научныя изслѣдованія получаютъ всеобъемлющій захватъ; вотъ почему, научныя успѣхи и вѣли, и должны вести все больше и больше, къ однообразію міра и къ уясненію законовъ повсемѣстныхъ и неизмѣнныхъ. Таковъ духъ науки, таково ея положеніе, навсегда ею завоеванное, хотя бы и неясно ею сознаваемое.

ХІ.

Духъ и физическая сила.

Вы упрекаете меня въ *самодовольствѣ* и насмѣхаетесь надъ моимъ дерзкимъ притязаніемъ видѣть нѣкоторые лучи свѣта среди „густаго тумана, который мы сами себѣ создаемъ“. Прошу васъ вѣрить, что во мнѣ говоритъ только ясное убѣжденіе, и прошу только этимъ объяснить то, что вѣжется вамъ заносчивостью.

Вы сами тутъ же представили образчикъ этого тумана. Вы спрашиваете меня съ большою увѣренностью въ побѣдѣ; „считаю ли я духъ *силою*“? Вы прямо разумѣете здѣсь физическую силу, ту самую, о которой идетъ споръ. Всякая физическая сила, какъ я уже сказалъ, опредѣляется количествомъ вещества и размѣрами его движенія. Но вы, отвергая настоящее значеніе вещества, вѣроятно, принимаете (неправильно) существованіе силъ независимыхъ отъ вещества, какихъ-то самостоятельныхъ *причинъ движенія*. Все равно, и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ отвѣчаю вамъ, что не считаю духа силой и даже не нахожу ничего общаго между этими понятіями. Вы

считаете духъ нѣкоторою физическою силою! Развѣ это не густѣйшій туманъ, какой только возможенъ?

Конечно, вы признаёте, что въ человѣкѣ присутствуетъ духъ. Если такъ, то вотъ вамъ опытъ, который доказываетъ, что духъ человѣческій не только не есть физическая сила, но и никакой доли физической силы не имѣетъ. Если живой человѣкъ оборвется съ вышины и будетъ падать, или если мы подбросимъ его вверхъ, прямо или наклонно, то, во всѣхъ этихъ случаяхъ, центръ тяжести его тѣла будетъ съ математическою точностью совершать тѣ самыя движенія, проходить тѣ самыя линіи и въ тѣ самыя времена, какъ и центръ тяжести падающаго или подброшеннаго камня.

Если бы духъ былъ, въ какой-нибудь долѣ, физическою силою, то вотъ случай, гдѣ естаті было бы все напряжение этой силы. Между тѣмъ, никакія духовныя напряжения не могутъ нисколько, ни на какую малѣйшую величину, измѣнить движенія человѣческаго тѣла въ этихъ случаяхъ, и оно непремѣнно разбивается, съ ударомъ, пропорціональнымъ его вѣсу и паденію.

Духъ точно также не можетъ быть силою въ физическомъ смыслѣ, какъ не можетъ онъ быть краснымъ или зеленымъ, треугольнымъ или квадратнымъ. Поэтому, предыдущаго опыта вовсе и не нужно дѣлать; результатъ его заранѣе извѣстенъ и не подлежитъ сомнѣнію; ибо онъ *доказывается* механикою, а не экспериментами, которые могутъ имѣть роль только *повторки*, а не основанія для подобныхъ истинъ. Поэтому, нѣтъ также никакой нужды подвергать испытанію разныя живыя существа и разныхъ людей, чтобы узнать, нѣтъ ли въ нихъ той физической силы, которая принадлежитъ духу, и если есть, то въ комъ ея больше и въ комъ меньше.

Все это будетъ совершенно лишнее, потому что духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя, неимѣющія ничего общаго.

Вы съ настойчивостью и съ недоумѣніемъ спрашиваете меня: *какъ же существуетъ въ міръ духовное?* Вполнѣ ясно, вполнѣ очевидно то, по крайней мѣрѣ, что оно существуетъ *не такъ*, какъ вы себѣ его представляете. Спиритизмъ со всѣми его попытками вообразить духовное и поймать его въ дѣйствительности, есть превосходный и поразительный примѣръ того, *какъ не слѣдуетъ* понимать духовное.

Съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ, что такое духъ *не есть*, и, если взглянуть на дѣло съ этой стороны, то нельзя не видѣть, какой это громадный и существенный успѣхъ. Вѣдь *кто* себя стремится такъ рѣзко отличить отъ остальнаго бытія? Конечно *духъ*. Кто снимаетъ съ себя оболочку за оболочкою, кто устанавливаетъ и отрицаетъ отъ себя понятія механики и физики, кто проносится по всѣмъ небесамъ и не находитъ себѣ подобія въ ихъ однообразіи и мертвомъ механизмѣ? Конечно духъ. Иногда мы готовы жаловаться, что передъ взоромъ науки все мертвѣетъ, всюду являются неизмѣнныя стихіи и неизмѣнные законы. Но вѣдь все это есть прямая работа духа, и смыслъ ея въ томъ, что онъ не хочетъ признавать живымъ то, что не заслуживаетъ этого названія, что онъ истинную жизнь признаетъ только за собою. Познаніе есть, въ извѣстномъ смыслѣ—отрицаніе, пониженіе, удаленіе отъ себя того, что познается. Познаніе есть дѣятельность духа; но мы не замѣчаемъ, что тутъ совершается нѣчто духовное; мы такъ погружаемся въ созерцаемые предметы, что забываемъ о своемъ зрѣніи,

о свѣтѣ и глазѣ, и часто упорно думаемъ, что даже никакого свѣта и глаза не существуетъ.

Древніе Индусы всего яснѣе понимали важность этого вопроса и приписывали высокое, существенное значеніе познанію. Гаудапада ссылается на то, что уже въ Ведахъ выражена руководящая мысль всякой философіи, именно сказано: „нужно познать душу, нужно *отличить* „ее отъ природы; тогда она не возвратится, она не появится снова (т. е. не подвергнется метемпсихозѣ)“ (Colebrooke, On the Philosophy of Hindus). По нашему, по христіански, мы должны бы связать: тогда она *спасется*.

И такъ, положеніе дѣла у насъ остается прежнее. По прежнему, я имѣю право утверждать, что спиритизмъ противорѣчитъ основнымъ понятіямъ науки о физическомъ мірѣ и ея непреложнымъ истинамъ. Ваши попытки согласить спиритизмъ съ физикою и преобразовать для этого самую физику, только полнѣе обнаруживаютъ это противорѣчіе; онѣ не только несостоятельны, но даже не содержатъ ничего яснаго.

Простите мнѣ рѣзкость моего нападенія; она, повидимому, не согласна ни съ вашимъ ученымъ авторитетомъ, ни съ тѣмъ уваженіемъ, которое питаютъ къ вамъ всѣ васъ знающіе. Но вы надѣлали много шума спиритизмомъ; вы уже долго проповѣдуете устно и печатно, встрѣчая очень мало отпора; вы торжествовали не мало побѣдъ надъ людьми, которые вашему слову вѣрятъ, но обсудить его не могутъ. Вотъ почему я и поднялъ шумъ. Личнаго уваженія къ вамъ я, однако же, не хотѣлъ нарушить, и полагаю, что не буду имѣть повода не сохранить его неизмѣнно.

Н. С.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

А. М. Бутлеровъ не отвѣчалъ на это письмо и, какъ мнѣ сказали, не собирався отвѣчать, ссылаясь на то, что наши исходныя точки совершенно различны. Все равно; половина моей задачи (то-есть объясненіе моей исходной точки) выполнена мною, какъ кажется, въ достаточной степени. Держась какъ можно ближе разсужденій спиритовъ, показавъ я, что они отвергаютъ непреложный элементъ въ наукахъ, и стараясь объяснить необходимость и сущность этого элемента. Онъ состоитъ въ развитіи понятій, подобномъ математическому развитію. Какую-бы новую теорему ни нашелъ математикъ въ своей области, можно вѣдь сказать, что истина этой теоремы, однако, существовала всегда и навсегда останется существующею. Постепенное открытіе такихъ *отчужденныхъ истинъ* есть непремѣнный элементъ каждой науки.

Другой половины задачи мнѣ едва удалось коснуться. Нужно теперь идти далѣе и объяснить, въ какомъ отношеніи находятся наши научныя познанія къ постиженію духовнаго начала, даже болѣе, — какъ они постепенно *ведутъ* къ этому постиженію, въ сущности составляющему цѣль всей нашей познавательной дѣятельности. Тутъ узелъ всего вопроса о познаніи. Обыкновенно, мы очень живо, но очень смутно чувствуемъ цѣль нашихъ исканій, и часто бываемъ похожи на человѣка, который задумавъ исвать по всему свѣту счастья и для этого покидаетъ то истинное счастье, которымъ обладалъ дома. Чтобы открыть тайну міра, мы пускаемся на самые отдаленные пути, воплощаемъ ее въ тысячи формъ, кото-

рыя, какъ миражъ, манять насъ впередъ и закрываютъ отъ насъ дѣйствительность; мы поздно приходимъ, если приходимъ, къ тому правильному убѣжденію, что эта тайна всего яснѣе раскрывается въ насъ самихъ, въ собственной нашей душѣ, точно также, какъ тайна всего познанія содержится не въ познаваемомъ, а въ нашемъ умѣ.

Очевидно, чѣмъ яснѣе и тверже будутъ наши научныя познанія, тѣмъ виднѣе намъ будетъ весь нашъ путь. Если мы будемъ вполнѣ понимать цѣли и средства науки, то мы не будемъ отъ нея ждать того, чего она дать не можетъ и будемъ брать то, что она даетъ. Наука, конечно, стремится къ познанію истинно-сущаго; но она опредѣляетъ это сущее только отрицательно. Она есть постоянное разоблаченіе міра, постоянное снятіе съ него формъ и красокъ, въ которыя онъ для насъ облекается, или, лучше, мы сами его облекаемъ. Наука упорно стремится къ этому разоблаченію,—такова самая природа нашей познавательной способности; и тайная цѣль этого стремленія только одна—сознательно выдѣлить все отрицательное и, слѣдовательно, сознательно стать лицомъ къ лицу передъ *положительно-сущимъ*. Каждый шагъ науки есть приближеніе къ этой цѣли, и это понимаетъ этотъ смыслъ научныхъ изслѣдованій, для кого въ нихъ обнаруживается эта ихъ другая, существенная сторона, тотъ за мертвенностію *сухой* науки вездѣ чувствуетъ теплую струю духовной жизни. Наука въ своемъ истинномъ видѣ принадлежитъ къ тѣмъ дѣятельностямъ, которыя ведутъ человѣка къ исполненію его назначенія; она не только есть чистое дѣло, она есть дѣло святое.